

ЗАЛОЖНИКИ КРЕМЛЯ

ЛИНА ТАРХОВА

Лина Тархова
Заложники Кремля

«Издательские решения»

Тархова Л.

Заложники Кремля / Л. Тархова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510316-1

Немного найдется людей, кого не интересовала бы частная жизнь первых лиц страны. Так случилось в России, что наши судьбы тесно, иногда намертво связаны с их поступками, решениями, капризами. Эта книга — о детях руководителей СССР и России. Она имела успех в Нью-Йорке (1997), стала бестселлером в Москве (1998). Незаметно подросла новая кремлевская поросль, ошеломляющая нас головокружительными карьерами и миллиардными состояниями.

ISBN 978-5-00-510316-1

© Тархова Л.
© Издательские решения

Содержание

Заложники Кремля	6
Яков Джугашвили	8
Галина Джугашвили	25
Василий Сталин	37
Александр Бурдонский	67
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Заложники Кремля

Лина Тархова

Технический редактор Наталья Коноплева

Помощник техредактора Александра Тархова

Фоторяд Алиса Лев

© Лина Тархова, 2020

ISBN 978-5-0051-0316-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Заложники Кремля

Эта книга – о кремлевских детях. Обо всех сыновьях и дочерях руководителей СССР и сегодняшней России. Почему мы хотим знать частную жизнь людей власти? Конечно, есть элементарное любопытство. От чего они способны заплакать? Умеют ли любить? Боятся ли умереть? Есть для них вещи страшнее смерти?

Как живет элита? Точно ли это – люди избранные, обладающие интеллектуальным, моральным превосходством? Сливки ли это – или пена, выброшенная наверх слепым случаем? Те же ли у них проблемы верности и предательства, отцов и детей, жизни и смерти, что и у всех?

У россиян интерес к элите, можно сказать, – родственный. Уж слишком тесно, иногда намертво, были связаны судьбы правителей и всей страны, миллионов и миллионов людей. И сегодня будто ничего не изменилось. С застарелой тревогой мы ждем каждого сигнала из Кремля – что на уме у тех, кто за его зубчатой стеной?

...Я прочитала воспоминания внучки Сталина Галины Джугашвили (дочери старшего сына Генералиссимуса – Якова – Авт.) «Дед, отец, Ма и другие». Тоненькая книжка, не претендующая на сенсационность, подняла целую бурю в душе.

Она сидела на коленях у Сталина.

Вспомнилось детство, мои родители, живые тогда и молодые. Война. Мы в эвакуации в Киргизии. Из черной тарелки радио, из какой-то невероятной дали доносится глуховатый спокойный голос с грузинским акцентом. Голос вызывает необъяснимый трепет. Кто мне его внушил? Не знаю. Но я испытываю восторг.

Мама и папа часто говорят о Сталине, о попавшем в плен сыне его Якове, всегда шепотом. Сталин сказал: у него нет сына, в нашей стране нет пленных – есть предатели. Страх пробирает от этих слов, ведь один из братьев папы тоже оказался в плену. Что будет с ним? С нами? Таинственные перешептыванья родителей только усиливали ощущение фантастичности, окружавшей имя Сталина. А в это время у него, оказывается, была внучка, такая же девочка, как я, только на два года старше...

Любила ли она Деда? Испытывала ли такой же трепет, как и я? Какие-то глупости лезут в голову: наверное, ей не разрешали делать, как это обожали мы с дворовыми девочками, «мороженое» из глины. И наверняка не приходилось целыми днями стоять в очереди за мукой с фиолетовым номером на ладони...

С тех пор прошли десятилетия. Вместе со всеми я пережила крушение идола, страх, отвращение и – восторг разоблачительства. Казалось, Сталин и ужас, связанный с ним, ушли навсегда. И вдруг эта книжка внучки. Оказывается, жизнь моя до сих пор каким-то странным образом связана с ее Дедом. И с черноволосой, как галчонок, девочкой, которую он, как и свою дочь Светлану, называл хозяйкой...

Зависимость от тех, кто на вершине власти, – даже от мертвых! – остается. И неистребима потребность заглянуть в их души. Да заодно понять, точно ли души имеются.

Я начинала собирать материалы для этой книги с любопытством. Сейчас, когда мне так много известно о мальчиках и девочках, которым суждено было жить под кремлевскими звездами, это чувство сменилось потрясением. Какие страшные драмы, какие трагедии скрыты в жизни каждого – каждого – из них! Сколько в ней несвободы, насилия, отречений, утрат! Среди кремлевских детей нет никого, кто не заплатил бы за принадлежность к своему кругу цену иногда непомерную – жизнью, отказом от любимого, отречением от самого себя.

«Грехи отцов ложатся на детей» – сказано в Священном писании. Если это действительно так, то как они, отцы, смеют так жить?

«В Кремле не можно жить!»

*Преображенец прав.
Здесь древней ярости
Еще кишат микробы:
Бориса дикий страх,
Всех Иоаннов злобы,
И самозванца спесь —
Взамен народных прав».*

Это Анна Ахматова. Кремль, средоточие власти, за столетия впитавший столько крови, коварства, лжи, этот Кремль – плохая колыбель для младенца.

Но прошли годы – последняя четверть века – и жизнь кремлевских детей удивительнейшим образом изменилась на все 360 градусов. Сегодня кремлевская прописка – гарантия головокружительной карьеры и неслыханного богатства. Когда эти дети успели так основательно освоиться, запустить во все стороны глубокие корни?..

Но начнем мы не с них.

Яков Джугашвили

Первый среди «кремлевских детей» – Яков, старший из троих детей Сталина. Ленин, как известно, потомков не оставил.

Точнее, Яков – старший из троих, официально признанных Сталиным. У «вождя всех народов» были и внебрачные дети, но они носили фамилии матерей. Кто-то, возможно, живет и здравствует до сих пор. Утверждают, что детей, родившихся вне брака, Сталин не видел, во всяком случае, к этому не стремился.

Первым всегда достается больше тумачков. Яков не знал законов кремлевской жизни. Естественный человек, проведенный большую часть своего детства среди кавказских гор, вне Кремля, он даже не знал, что такие законы существуют. И позже, когда их нарушал, получал чувствительные удары, не понимая, за что.

Вся его жизнь – серия таких ударов, в конце – пленение и мученическая смерть. Яков, как герой классической трагедии, не вписывался в действительность и потому приговорен был умереть.

...Ему бы не ездить в Москву, остаться в родной Грузии. Матерью Якова была первая жена Сталина – молодая, красивая Екатерина Сванидзе.

Еще до их свадьбы, в 1903 году, августовским вечером случился такой эпизод. Коба (партийная кличка Сталина) шел вдоль бакинской набережной. Со стороны моря вдруг послышался душераздирающий крик – невдалеке от берега тонула маленькая девочка. Иосиф успел вовремя выхватить ее из воды. Ею оказалась трехлетняя Надя Аллилуева, дочь соратника по революционной борьбе. Через четырнадцать лет она станет второй женой Кобы. А пока...

Като Сванидзе была хорошей женой Иосифу. Много лет спустя Галина Джугашвили напишет: она была такой, *«какую и должен иметь мужчина его склада: жена-ребенок, глядящая на мужа снизу вверх, приняв как закон его власть над собой и правоту во всем и всегда»*.

В 1908 году Екатерина Сванидзе родила сына Якова, Якоби. Но жить ей оставалось недолго, через полгода она заразилась тифом. Несколько дней горячки, смерть...

Коба в это время сидел в тюрьме, но его отпустили проститься с покойной. Очевидцы вспоминали: Иосиф отчаянно рыдал над гробом юной жены, никогда больше его не видели таким потерянным.

Крохотного Якоби забрали к себе родители покойной Като. Мальчика любила, опекала и другая бабушка – Екатерина Джугашвили (Гиладзе), мать Сталина. Она всегда выделяла его из троих своих внуков.

Ребенок был лобастеньким, кареглазым, как мать, и неуменно притким – вспоминал впоследствии знакомый семьи Джугашвили. Но отец не знает, каким растет его сын: революционная борьба не оставляла места для отцовских забот.

С 1901 по 1907 годы Коба был на нелегальном положении. Его дооктябрьский период – это семь арестов и пять побегов из тюрем и ссылок. В 1917 году Грузия на четыре года становится для России заграницей. Впервые Иосиф смог появиться на родине только в 1921 году, когда там была установлена советская власть.

И только тогда Сталин смог снова увидеть сына. Через некоторое время отец распорядился доставить мальчика в Москву.

В кремлевской квартире сошлись под одной крышей два незнакомых человека. Честолюбивый, стоящий в начале карьерного взлета отец и ничем не примечательный, провинциального вида подросток в самом «трудном» возрасте.

Отца в нем раздражало все. В особенности же то, что Яков совершенно не знал русского языка. Одним своим видом он постоянно напоминал отцу и всем окружающим о грузинском происхождении семьи Джугашвили, что было весьма болезненно для Иосифа. Сталин отдавал

себе отчет в том, что вождем СССР естественнее и легче стать русскому, славянину. И делал все, чтобы окружающие забыли о его кавказских корнях.

Светлана Аллилуева писала, что не знает ни одного грузина, который настолько *«забыл бы свои национальные черты и настолько сильно полюбил бы все русское»*, как отец. Однажды брат Вася огорошил ее:

– А знаешь, наш отец раньше был грузином.

Шестилетняя Светлана не знала, что означает чудное слово, и Вася, он был старше на пять лет, важно пояснил:

– Они ходили в черкессках и резали всех кинжалами.

Несомненно, что и это «детское», но довольно распространенное представление о грузинах сыграло роль в стремлении Кобы дистанцироваться от соотечественников. Сталин был женат вторым браком на русской, дом его был русским домом. Из грузинского здесь почитались только вина, неизменно, в течение всей жизни доставлявшиеся к столу.

В фильме «Падение Берлина» есть сцена: сталевар Иванов, увидев великого Сталина, склонившегося над кустом роз в своем саду, от волнения путает имя вождя.

– Виссарион Иванович! – вырывается у Иванова. Сталин добродушно поправляет:

– Это моего отца звали Виссарион Иванович.

В фильме о победе над фашизмом важно было донести до народа, что дед Генералиссимуса, выигравшего войну, носил самое распространенное русское имя Иван.

Сталин любил повторять, что корни его воспитания – в российской культуре. Звучало это примерно так:

– Я на русской культуре воспитан.

«Кремлевский горец» всю жизнь упорно пытался избавиться от акцента, но это давалось ему с большим трудом. Расслабиться он позволял себе только дома, с близкими.

Отца раздражала не только гортанная речь первенца. Грузинские отцы очень многого ждут от сыновей. Можно представить себе, какое блестящее будущее детей рисовала Сталину его гордыня.

Но в Якове он не находил ничего, что могло бы потешить отцовское тщеславие. Молчаливый и гордый по природе мальчишка, как пересаженный горный цветок, был чужероден кремлевской почве. Он замкнулся и глядел волчонок. Так отец его и стал называть – волчонок.

«Он был похож на отца миндалевидным разрезом глаз и больше ничем, – писала о Яше Светлана Аллилуева. – Больше он был похож на свою мать, Екатерину Сванидзе... Очевидно, и характер ему достался от нее – он не был ни честолюбив, ни резок, ни одержим, ни властолюбив. Не было в нем противоречивых качеств, взаимоисключающих стремлений. Не было в нем каких-либо блестящих способностей, он был скромн, прост и очаровательно спокоен.

Я видела лишь раз или два, что он может взорваться – внутренний жар был в нем. Это происходило иногда из-за Василия, из-за привычки последнего сквернословить в моем присутствии и вообще при женищинах, при ком угодно. Яша этого не выдерживал, набрасывался на Василия, как лев, и начиналась рукопашная... Вообще говоря, жизнь в Кремле, в одной квартире с нами, и учеба на русском языке трудно давались ему вначале, все это было совсем не для него. Оставшись в Грузии, он, наверное, жил бы спокойнее и лучше. Яша всегда чувствовал себя возле отца каким-то пасынком».

Иосиф Сталин не любил своего отца, пьяницу и гуляку, сгинувшего вдали от семьи в тифлисской ночлежке. Виссарион часто поколачивал мальчишку своей тяжелой рукой сапожника – по делу и без дела. Сталин не знал любви к отцу. Может, поэтому он не мог испытывать отцовской любви к Якову?

А вот с мачехой, с Надеждой Аллилуевой, отношения у мальчишки сложились сразу. Эти два человека, испытавшие на себе холодность и грубость Сталина, обнаружили друг в друге тепло, которого не находили в муже и отце.

В начале перестройки, в годы гласности, начал упорно распространяться слух, будто бы причина нелюбви Сталина к Якову – его роман с Надеждой Сергеевной. Будто мачеху и пасынка связывали интимные отношения.

Это, несомненно, вымысел, который характеризует только полную неосведомленность его неведомого автора. А также наше жадное до сенсаций время, когда «съедается» все: и то, что Сталин будто бы спал со своим шофером, и то, что вот сын его спал с любимой мачехой. Да зародись у Кобы хоть тень подозрения – стер бы сыночка в пыль.

Ревности вспыльчивого вождя боялись, как огня. Из-за этого вокруг Надежды Аллилуевой образовалась зияющая пустота, как вспоминает Борис Бажанов, бывший личным секретарем Сталина (в 1929 году бежал в Европу). Подруг у жены вождя не было, а *«мужская публика боялась к ней приблизиться – вдруг Сталин заподозрит, что ухаживают за его женой. Сживет со свету»*.

Яша охотно нянчился со сводным братом Васей, а потом и с сестренкой Светланой, родившейся через пять лет после Василия. Оставался за «домохозяйку», когда Надежде Сергеевне нужно было уйти.

Часто это делалось за счет уроков. Подросток, и без того с трудом говоривший по-русски, слишком медленно усваивал трудный для него язык. Правда, оценки по всем предметам у него неизменно были хорошие или отличные, что вызывало раздражение у Сталина.

Но однажды в школу пришла новая учительница, известна лишь ее фамилия – Лукашевич. И в дневнике у Яши стали появляться «двойки», которых он и заслуживал. О том, что пережил, узнав об этом, директор школы, можно только догадываться. Сама же учительница была вызвана в Кремль. Вот какая произошла там сцена.

– Замечаю, что мой сын по русскому языку занимается не усердно. Он рос в грузинской среде. Благодарю вас, вы требуете от сына прилежания, – сказал Сталин и, самолично написав на листке бумаги свой телефон, вручил его учительнице со словами: – Когда мой сын не будет знать урок, прошу позвонить мне.

Воспользовалась ли учительница приглашением, неизвестно.

Самолюбие Якова заставляло его давать как можно меньше поводов для замечаний. Это от мачехи он перенял принцип, которому потом следовал всю жизнь: не подчеркивать родство с первым человеком страны. Нет ни одного свидетельства того, что он пытался воспользоваться своим положением. Ни разу не обратился с просьбой материального характера к отцу.

Со временем Яков почувствовал себя в кремлевских стенах увереннее. Появились друзья. Друг детства Якова, Григорий Гагошидзе, писал в своих воспоминаниях:

«В 1926 году я приехал в Москву, стал рабочим винзавода... В Москве сразу связался с Яковым Джугаивили, все свободное время мы проводили вместе. По воскресеньям ходили в Кремль, играли в футбол. Капитан одной из команд был Яков Джугаивили, во главе второй команды – сын Троцкого Лев».

Да, сыновья непримиримых врагов, Сталина и Троцкого, дружили. И это, конечно, тоже служило источником постоянного раздражения вождя. В своем очерке «Иосиф Сталин. Опыт характеристики» Троцкий вспоминает, что Якова он часто находил в комнате своих сыновей. Вот одна из таких встреч:

«Я застал как-то Яшу в комнате мальчиков с папиросой в руке. Он улыбался в нерешительности».

– *Продолжай, продолжай*, – сказал я ему успокоительно.

– *Папа мой сумасшедший*, – сказал он убежденно. – *Сам курит, а мне не позволяет»*.

Здесь же Троцкий вспоминает еще эпизод, связанный уже с младшим сыном Сталина Василием. Пересказан он был ему Бухариным, видимо, в 1924 году, когда, как пишет Троцкий, *«сближаясь со Сталиным, он сохранял еще очень дружественные отношения со мной»*.

«Только что вернулся от Кобы, – говорил он (Бухарин. – Авт.) мне. – Знаете, чем он занимается? Берет из кровати своего годовалого мальчика, набирает полон рот дыму из трубки и пускает ребенку в лицо...»

– Да что вы за вздор говорите! – прервал я рассказчика.

– Ей-богу, правда! Ей-богу, чистая правда, – поспешино возразил Бухарин с отличавшей его ребячливостью. – Младенец захлебывается – папаша заливается: ничего, мол, крепче будет...

Бухарин передразнил грузинское произношение Сталина.

– Да ведь это же дикое варварство!

– Вы Кобы не знаете: он уж такой особенный...»

Но вернемся к свидетельствам Яшиного друга. В его воспоминаниях нет особых откровений – они писались во времена, когда лучше всего было молчать, но все же помогают представить себе жизнь сталинского сына.

«Летом выезжали за город – на Воробьевы горы – с гитарой, мандолиной, баяном. Брали уголь в маленьких мешках. Готовили шашлыки, пили кахетинское вино. Пели, играли. Яша учил русских друзей петь грузинские песни».

Отношения с отцом оставались напряженными. Тихий, уравновешенный, но упрямый Яков не мог во всем подчиниться отцу. А тот не терпел возражений. Вскипал, когда от сына пахло табаком, бил за это.

Однажды Сталин даже выгнал его из квартиры за курение. Якову пришлось провести ночь в кремлевском коридоре рядом с часовым. Но наказание только подстегнуло упрямого сына: «Побоями он меня от табака не отучит». Тем более, что перед глазами мальчика был пример отца с постоянной трубкой в зубах.

Закончив школу с хорошими и отличными оценками по всем предметам, Яков не решился поступать в институт. Он был не уверен в своих знаниях.

К тому же именно в это время Яков влюбился в одноклассницу Зою, веселую и очень хорошенькую. У нее был единственный, но существенный изъян: отец – поп. Сталин сам закончил в свое время духовное училище, а после учился в духовной семинарии. Но сыну категорически запретил жениться на поповне.

Однако Яков все-таки – сын своего отца. Однажды, отдыхая на подмосковной даче вместе с Кировым, который для Яши был просто «дядя Сережа», юноша признался ему, что не знает, как жить дальше. Отец требует, чтобы он поступал в институт, выбросив из головы всякие «глупости». А он должен разобраться в себе, понять жизнь. Его мечта – в которой страшно признаться отцу – повкалывать хоть пару лет простым рабочим. Им с Зоей на жизнь он зарабатывает.

Киров обещал помочь. И вскоре Яков с невестой, тайком от отца, бежал в Ленинград. Молодые поселились в семье родственников Аллилуевых.

Город на Неве на два года приобрел толкового электрика. Работавшие с ним вспоминали, что Яков Джугашвили держал себя просто, скромно, всячески скрывал свое высокое происхождение. Знакомясь, не называл отчества. На телефонные звонки по службе обычно отвечал так:

– Яков Жук слушает!

Так уж он придумал. Псевдоним сохранял созвучие с фамилией и позволял оставаться инкогнито. Одевался более чем непритязательно, любил носить толстовку.

Он старался больше читать, его с женой видели в ленинградских музеях. Друг юности Якова, встретившись с ним, был поражен: этот неразговорчивый человек буквально преобразился, когда заговаривал о красотах Ленинграда. Похоже, старшему сыну Сталина было хорошо с Зоей в этом городе. Здесь он впервые почувствовал себя взрослым и свободным.

Но терпение Сталина нельзя было испытывать долго. В 1930 году он приказал «блудному сыну» возвращаться и, не мешкая, поступать в институт.

Один из выпускников Московского института железнодорожного транспорта рассказывал: *«Нас, студентов II-го курса, направили на помощь приемной комиссии. Однажды в помещение вошел среднего роста худощавый, очень застенчивый юноша (Якову было тогда 23 года, однако на всех он производил впечатление юноши. – Авт.) в сером костюме. Попросил меня пояснить, как правильно заполнять бланки. Рассказав, я отошел. Но один из членов комиссии отругал меня за то, что я не выяснил, кто родители товарища. В то время двери институтов были открыты преимущественно для рабочих и крестьян. Пришлось спросить юношу о родителях. «Отец – служащий» – был ответ. Это сильно осложняло дело. А тут в приемную заскочил еще один наш студент. Заслышав разговор, заглянул в заполненную анкету и отозвал меня в сторону: может, это родственник Сталина? Тот ведь раньше тоже был Джугашвили. Пусть он напишет, кем работает его отец. На бланке появились слова: «Секретарь ЦК ВКП (б)»».*

Некоторые, напротив, утверждают, что в приемной комиссии никто не обратил внимания на фамилию смуглого абитуриента. Ближе к концу приемных экзаменов ни о чем не подозревавшему ректору МИИТа сообщили по телефону, что с ним будет говорить товарищ Сталин. Директор трясущейся рукой держал трубку, а знакомый глуховатый голос поинтересовался, принят ли во вверенный товарищу ректору институт Яков Джугашвили? Не в состоянии ничего понять, ректор на всякий случай доложил:

– Да, товарищ Сталин!

Яков учился на первом курсе, когда у них с Зоей родилась дочка. Жить на стипендию было невероятно трудно. Малышка болела, требовались все новые и новые лекарства. Но ничто уже не могло ей помочь. Девочка умерла.

Отчаяние охватило Якова. Беспомощность перед смертью. Вечная холодность и насмешливая грубость недостижимого отца, которого все же хотелось любить. Невозможность жить по своей воле, как хочется...

Он решил покончить с собой. Стрелял в сердце, но пуля прошла рядом навывлет. Рассказывают, увидев раненого сына, Сталин нашел для него только такие слова:

– Ты, волчонок, и стрелять-то не умеешь.

Три месяца выхаживали Якова в больнице. Его навещали Надежда Аллилуева, Киров, Орджоникидзе, сестры Ленина, жена Молотова. Только Сталина у постели сына не видели ни разу.

Яков вышел из болезни надломленным. В непрекращающейся дуэли этих двоих перевес надолго оказался на стороне отца. Сталин потребовал развода с Зоей – и развод состоялся. А скоро Якова ждала еще одна тяжелая потеря. В 1932 году ушла из жизни Надежда Аллилуева.

Лев Разгон описал в книге «Непридуманное» ее состояние в последний год жизни:

«Это была скромная, добрая и глубоко несчастная женщина. Несколько раз, когда я приходил в Кремль к Свердловым, я заставал у Клавдии Тимофеевны (жены Свердлова. – Авт.) заплаканную Аллилуеву. После ее ухода Клавдия Тимофеевна говорила: «Бедная, ох бедная женщина!»»

Многие говорили тогда, что Надежда Сергеевна вынуждена сносить тяжелый характер мужа. И про то, что он бьет детей – Свету и Васю. И про то, как хамски обращается со своей женой. А еще про то, что в последнее время Коба стал принимать участие в «забавах Авеля».

Какие это были забавы? Сталин объявил однажды, что «веселее» должны жить не только его подданные, но и он сам (помните незабвенное «жить стало лучше, жить стало веселее»)? И начал участвовать в той веселой и вольной жизни, которую организовал самый близкий

его друг с юности Авель Енукидзе¹. Пошли слухи, что железный Коба размягчился... Сталин и Авель участвовали в гульбищах.

Надежда Аллилуева жаловалась на это Якову. Кроме того, ее тревожило, что Сталин приблизил к себе Лаврентия Берия – самую зловещую фигуру из тех, кто окружал вождя всех народов. Светлана Аллилуева писала о тех годах:

«Все чаще поблескивало в кабинете отца пенсне Лаврентия Берия, тогда еще весьма «скромненького и тихонького». «Он приезжал временами из Грузии «припасть к стопам»... Все, кто тогда близок был нашему дому, ненавидели его. Отвращение к этому человеку и смутный страх перед ним были единодушными у нас в кругу близких».

Иногда жена отваживалась спорить со Сталиным из-за Берии:

– Он же негодяй, я не сяду с ним за один стол!

Сталин в дискуссии не вступал:

– Ну, убирайся вон, это мой товарищ, он хороший чекист... я ему верю.

Слишком ко многому эти супруги относились по-разному. Финал затянувшейся драмы наступил 8 ноября 1932 года.

Никита Хрущев рассказывал своему зятю Алексею Аджубею, что 7 ноября 1932 года во время демонстрации на Красной площади он оказался на одной из нижних трибун рядом с Надеждой Аллилуевой. Погода выдалась ветреная, дождливая. Жена Сталина все время с беспокойством посматривала вверх, на Мавзолей, где стоял ее муж.

– Мерзнет ведь! Просила одеться потеплее, а он, как всегда, буркнул что-то грубое и ушел.

День, начавшийся с ссоры, тем же и закончился. Вечером по случаю пятнадцатилетия Октябрьской революции был устроен прием. Среди приглашенных был маршал Егоров со своей женой, красавицей актрисой Галиной Цешковской. Сталин скатывал хлебные шарики и бросал в Цешковскую, метясь, на что обратили особое внимание, в ее декольте. (Интерес Сталина не оградил жену Егорова от репрессий: в 1938 году она была арестована, маршал арестован и расстрелян в 1939).

Надежда сидела мрачная. Сталин знал, что жена не может пить ни вина, ни коньяка – от любого алкоголя ей становилось дурно. Первый тост, естественно, был за верного последователя дела Ленина – товарища Сталина. Все выпили. Надежда, как обычно, поставила бокал на стол нетронутым. Сталин нарочито громко, на всю компанию, сказал:

– Эй ты, пей!

– Я тебе не «эй, ты»!

Николай Бухарин, бывший в числе гостей, рассказывал своей юной жене Анне Лариной, что Сталин бросил в жену окурки и апельсиновые корки.

Надежда выбежала из зала. В своих «Воспоминаниях» Н. С. Хрущев написал о том, что случилось дальше:

«Все разъехались с приема в Кремле. Уехал и Сталин. Уехал, но домой не приехал. Было уже поздно. Надежда Сергеевна стала беспокоиться, где же Сталин, и стала его по телефону искать. Прежде всего она позвонила на дачу. Они жили тогда в Зубалове. (Дача находилась в поселке Усово, зубаловской ее называли по имени дореволюционного владельца. – Авт.)

На звонок ответил дежурный. Надежда Сергеевна спросила:

– Где товарищ Сталин?

– Товарищ Сталин здесь.

– Кто с ним?

¹ * А.С.Енукидзе – активный участник Октябрьской революции. С 1934 года – член Центрального комитета партии. Закат его начался вскоре после смерти Надежды Аллилуевой, когда был собран пленум ЦК, обвинивший Енукидзе в моральном разложении. Так Сталин пытался отмежеваться от постоянного спутника в разгульных похождениях. В 1937-м году Енукидзе был расстрелян.

Дежурный назвал:

– С ним жена Гусева.

Гусев – это был военный, и он тоже был на обеде. Когда Сталин уезжал, он взял жену Гусева с собой. Я Гусеву не видел никогда, но Микоян говорил, что она была очень красивая женщина.

Когда Власик (начальник охраны Сталина. – Авт.) рассказал эту историю, он комментировал:

– Черт его знает. Дурак неопытный этот дежурный: она спросила, а он так прямо и сказал... Утром, когда Сталин приехал, Надежда Сергеевна была уже мертва».

Светлана Аллилуева вспоминала, как о трагедии узнали в доме: *«Каролина Васильевна Тиль, наша экономка, утром всегда будила маму, спавшую в своей комнате. Отец ложился у себя в кабинете или в маленькой комнате с телефоном, возле столовой... Каролина Васильевна рано утром, как всегда, приготовила завтрак в кухне и пошла будить маму. Трясаясь от страха, она прибежала к нам в детскую и позвала няню – она ничего не могла говорить. Обе пошли. Мама лежала в крови возле своей кровати, в руке был маленький пистолет «вальтер».*

Пистолет ей подарил брат Павлуша, работавший в Торгпредстве СССР в Берлине. Надежда Сергеевна умела обращаться с оружием – тренировалась в тире и поражала всех меткостью стрельбы.

Ее детям было тогда: Васе – одиннадцать лет, Светлане – шесть.

Аллилуева оставила письмо, которое поспешили уничтожить, но содержание его все же стало известно окружению Сталина. Надежда Сергеевна будто бы писала, что не может видеть, как вождь партии катится по наклонной плоскости и роняет свой авторитет, что она не видит другого способа удержать его от морального падения.

Этот уход, считает Светлана, был и способом защитить себя от еще больших потрясений:

«Я часто думаю: какая судьба ждала ее дальше, если бы она не умерла? Ничего хорошего ее не ждало. Рано или поздно она оказалась бы среди противников отца. Невозможно представить себе, чтобы она молчала, видя, как гибнут лучшие, старые друзья – Н.И. Бухарин, А.С. Енукидзе, С. Реденс, оба Сванидзе, – она не пережила бы этого никогда... Ведь она, „трепетная лань“, не могла бы предотвратить все эти несчастья или остановить их... И как смогла бы она бороться с ненавистным ей Берией?»

Обе жены Сталина ушли из жизни внезапно. Смерть первой он оплакал; гроб второй, придя с ней проститься, вдруг с внезапной яростью оттолкнул. В семье Аллилуевых из поколения в поколение передается фраза, сказанная при этом Сталиным:

– Ты ушла, как враг.

Тело Надежды было предано земле без него, в траурной церемонии участия он не принял.

После самоубийства Надежды Сергеевны Сталин не смог жить в стенах, где прозвучал роковой выстрел. Не мог он не вспоминать и того, что именно здесь пытался свести счеты с жизнью его старший сын.

Коба попросил Бухарина, также жившего в Кремле, поменяться с ним квартирами. Вряд ли его другу хотелось переселяться туда, где дважды пролилась кровь. Однако согласие было получено. В 1932 году Бухарин занял квартиру Сталина, где и прожил вплоть до своего ареста в 1937 году. На несколько лет сталинской опале подвергся и зубаловский дом, ставший как бы соучастником трагедии. По приказу вождя начали строить новую дачу – в Кунцево.

... Якова ждала долгая череда потерь. В 1934 году был убит Киров, «дядя Сережа». Куда-то исчезали родные, друзья. Со временем Сталин избавился почти от всех родственников и первой, и второй жены. Почти «принудительный» развод с Зоей. Уход Надежды Аллилуевой...

В душе Якова мрак и безнадежность. Но ему всего 25 лет, он хорош собой и по южному темпераментен...

Во время студенческих каникул в 1933 году Яков гостит у родственников Надежды Аллилуевой на реке Хопре. Здесь завязывается романтический, но недолгий роман с Ольгой Голышевой. Она родила ему сына Евгения, невероятно похожего на отца – и на Деда! Но сердцем Якова уже владела другая женщина, бывшая танцовщица Юлия Мельцер. От брака с Юлией и родилась дочь Галочка, Гуля.

Евгению Голышеву со временем удалось поменять свою фамилию на Джугашвили. Он избрал военную карьеру, дослужился до полковника. Уйдя в отставку, занялся бизнесом. А прославился тем, что стал ярким сталинистом. Другого такого в огромной семье Джугашвили-Сталина-Аллилуевых нет. В памятные сталинские даты он неизменно появляется у могилы деда с цветами и митингует.

Как он рассказывал журналистам, в спальне у него висят три портрета И.В.Сталина разных лет. Каждый раз перед сном внук смотрит на них «с благоговением» и мысленно докладывает деду, что удалось сделать за день.

Евгений Джугашвили женат на грузинке. У них двое сыновей, старшего зовут Виссарион. Недавно у Виссариона родился сын, которого нарекли... правильно, Иосифом. «Двухходовая комбинация» удалась, и на свет появился новый маленький Иосиф Виссарионович Джугашвили. Второго, младшего сына Евгения назвали Яковом. Оба свободно говорят по-грузински.

Исследователи считают в случае с Евгением отцовство Якова несомненным. Но в это ни за что не хочет верить Гуля. Сердце говорит ей другое: шумливый человек в погонах не имеет никакого отношения к ее отцу. Так ли это?.. Тех, кто мог бы ответить на этот вопрос, уже давно нет на этом свете. Как нет здесь и Гули, Галины – в 2007 году она умерла, похоронена на Новодевичьем кладбище...

...Юлия Мельцер познакомилась с Яковом, когда была еще замужем. Точнее, в полуразводе.

Танцевальная карьера Юлии закончилась рано. После недолгого учения в балетной школе Одессы, где жило семейство Мельцеров, девушка была принята в одну из модных во времена нэпа трупп «левого течения». Руководил ею великий Касьян Голейзовский, в будущем – один из самых блестящих балетмейстеров Большого театра.

Труппа исколесила почти всю Украину. На одном из представлений, в «Элегии» Рахманинова, Юлию увидел Николай Бессараб, заместитель наркома внутренних дел Украины, и страстно в нее влюбился. Он сделал все, чтобы хорошенькая танцовщица бросила сцену и стала его женой. Скоропалительный брак, однако, оказался непрочным.

Галина Джугашвили описывает историю знакомства своих родителей: *«Ма была в Большом театре с Анной Сергеевной Аллилуевой (сестрой Надежды Аллилуевой. – Авт.) и обратила внимание на молодого человека, с которым та поздоровалась. Семейные дела Ма шли не слишком хорошо... «Ой, какой интересный молодой человек, – сказала Ма Анне Сергеевне, – познакомьте меня с ним!» Ответ звучал сурово: «Ну, дорогая, этот не про вас! Знаете, кто он?» Будь интересный молодой человек не Джугашвили, а Петрушкин, это не сыграло бы особой роли. Дело решило роковое «не про вас»... Впрочем, одержать победу ей практически не удалось, то есть сопротивление отсутствовало: папа выкинул белый флаг еще до начала военных действий.*

Отправляясь в Зубалово знакомиться с Дедом, Ма была совершенно спокойна. Она не сомневалась, что «старик» – понравится. Обиженный за «старика» папа изо всех сил пытался настроить ее на более торжественный лад. Его попытки остановил вопрос: «Яша, ну почему на меня все смотрят?» (На Юлию Мельцер, что называется, «заглядывались» мужчины. – Авт.)

«Ма оказалась права. Все прошло отлично. „Старик“ (Сталину в это время не было шестидесяти. – Авт.) без конца шутил, кормил с вилки Ма и первый тост поднял в ее честь.

Вскоре „молодые“ получили уютную квартирку недалеко от Садового кольца (Дед здраво рассудил, что жить им надо самостоятельно и отдельно). Переезжали весело, приятели папы тащили кто кастрюлю, кто метелку. Когда же наметилось мое появление, переехали снова, и на сей раз уже в огромную четырехкомнатную квартиру на улице Грановского».

А вот что писала Светлана Аллилуева: «Яша женился на прехорошенькой женщине, оставленной мужем. Юля была еврейкой, и это взволновало отца. Правда, в те годы он еще не высказывал свою ненависть к евреям так ясно, это началось у него позже, после войны, но в душе никогда не питал к ним симпатии. Но Яша был тверд... Он любил ее, любил дочь Галочку. Был хорошим семьянином и не обращал внимания на недовольство отца».

Сплетники получили богатую пищу для пересудов. Новая жена старше Якова. А как кокетлива, каков апломб! Из уст в уста передавалась фраза, будто бы сказанная Юлией: «Без накрашенных губ я чувствую себя хуже, чем если бы была в обществе голой».

Яков ничего этого не слышит, не желает слышать. Это уже не мальчик, но муж. В год начала войны Яков вступил в возраст Христа – ему исполнилось тридцать три года.

Буквально за месяц-два до нападения Германии Яков, будучи уже выпускником МИИТа, закончил, опять-таки по настоянию отца, мечтавшего видеть сыновей офицерами, вечернее отделение Артиллерийской академии им. Дзержинского. В заключении аттестационной комиссии записано:

«Достоин диплома, может быть использован на должности командира батареи».

Интересная деталь: в личном деле Якова Джугашвили, которое хранится в архиве Министерства обороны, в графе «отец жены» указано – «служащий», в то время как отец Юлии Мельцер был одесским купцом второй гильдии, торговал фарфором. Торговец фарфором – родственник Сталина? Некрасиво! Будет «служащим».

Отцы-командиры выдали хорошую характеристику. Но совестливый Яков переживал, ведь академию он фактически не закончил. Едва зачислив сына Сталина на первый курс, его сразу же перевели на четвертый. Яков, утверждают, чувствовал себя неуверенно в звании командира.

Уже «заканчивая» академию, в 1941 году Яков вступил в партию. Сколько мог, оттягивал этот момент, сознательно или бессознательно бросая вызов главному большевику страны – отцу.

В первый же день войны Яков объявил отцу, что решил идти на фронт. Сталин ответил: – Иди и сражайся.

То была их последняя встреча. Через несколько дней необстрелянный, не имеющий никакого опыта молодой офицер оказался в самом пекле – на передовой Белорусского направления.

Дочь Якова хранит последнее – и единственное – письмо отца с фронта. Оно датировано 26 июня 1941 года. Всего четыре дня, как началась война:

«Дорогая Юля!

Все обстоит хорошо, путешествие довольно интересное, единственное, что меня беспокоит, это твое здоровье, береги Галку и себя, скажи ей, что папе Яше хорошо. При первом удобном случае напишу более пространное письмо. Обо мне не беспокойся. Я устроился прекрасно.

Завтра или послезавтра сообщу тебе точный адрес и попрошу прислать мне часы с секундомером и перочинный нож.

Целую крепко Галю, Юлю, отца, Светлану, Васю... Весь твой Яша».

Для «более пространного» письма времени отпущено не было.

27-го июня батарея, которой командовал новоиспеченный офицер Яков Джугашвили, вступила в бой. А 14-го июля попала в окружение.

В Центральном архиве Министерства обороны СССР хранится записка, сделанная наспех, карандашом:

«20 июля 1941 года. Передайте немедленно командиру 20 Курочкину: Жуков приказал немедленно выяснить и донести в штаб фронта, где находится командир 14-го гаубичного полка 14-й танковой дивизии старший лейтенант Джугашвили Яков Иосифович. Маландин».

В это время немецкое радио уже всю трансляцию сообщало о том, что сын кремлевского диктатора сдался в плен. Советское же командование еще не имело тому документальных подтверждений.

Над линией фронта немецкие самолеты разбрасывали листовки.

«Дорогой отец! – так начиналась одна из них, якобы написанная Яковым. – Я в плену. Здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей Германии. Желая здоровья. Привет всем. Яков».

На другой листовке – фотография Якова, под ней текст:

«Это я, Яков Джугашвили, старший сын Сталина, командир батареи 14-го гаубичного полка 14-й бронетанковой дивизии, который 16 июля сдался в плен под Витебском вместе с тысячами других командиров и бойцов...» И ниже: *«Следуйте примеру сына Сталина – он жив, здоров и чувствует себя прекрасно. Зачем вам приносить бесполезные жертвы, идти на верную смерть, когда даже сын вашего главнокомандующего заправились уже сдался в плен? Переходите и вы!»*

Здесь же, на листовке, отпечатан пропуск с текстом:

«Предъявитель сего, не желая бессмысленного кровопролития за интересы жидов и комиссаров, оставляет побежденную Красную Армию и переходит на сторону германских вооруженных сил. Немецкие солдаты и офицеры окажут перешедшему хороший прием, накормят и устроят на работу».

Осенью 41-го года листовки сбрасывали над самой Москвой. Василий Сталин принес их как-то домой – с фотографией Якова в гимнастерке, без ремня, без петлиц. Он и Светлана долго с ужасом разглядывали снимок, тщетно надеясь, что это фальшивка. Но не узнать брата было невозможно, со снимка на них смотрел Яша.

Одну из таких листовок решил показать Сталину член Военного совета северо-западного направления Андрей Жданов. Он прислал ее Верховному Главнокомандующему в специальном конверте, надежно опечатанном сургучом. Как Сталин реагировал на весть о пленении сына? Свидетельств не сохранилось.

Остались неясными некоторые обстоятельства. Почему батарея Джугашвили была так быстро окружена? Как немцы смогли узнать, что пленный офицер – сын Сталина? Ведь был получен приказ в случае окружения снять с себя все знаки отличия.

Дочь Якова так и не знает, где могила отца, и существует ли она вообще. Версий, самых неожиданных, много. Свидетельства очевидцев появляются в печати до сих пор. Истинные они или мнимые – как их отличить?..

На допросы ценного пленника были брошены лучшие профессионалы. Молодой Джугашвили оказался достойным противником. Это много позже признал один из участников «обработки» немецкий капитан Штрикфельд:

«Хорошее, умное лицо со строгими грузинскими чертами. Держал себя выдержанно и корректно... Компромисс между капитализмом и коммунизмом категорически отвергал. Не верил в окончательную победу немцев».

Среди прочих Якову часто задавали вопрос о связи его отца с сестрой Лазаря Кагановича Розой. Стремясь подогреть антисемитские настроения, немцы целые листовки «посвящали» этому браку. Хотя в действительности он не состоялся.

Слухи об увлечении вождя Розой Каганович возникли сразу после смерти Надежды Аллилуевой. Но и раньше Роза, не смущаясь присутствием жены Сталина, часто подолгу гостила у них на даче и в кремлевской квартире. Эта связь, как утверждают, стала ещё одной из причин самоубийства Надежды Аллилуевой.

После ее гибели ожидалось, что отношения любовников узаконит штамп в паспорте. По какой-то причине этого не произошло. Но карта Розы Каганович в кремлевской поликлинике стояла в ящичке семьи Сталина.

...Якова держали в концлагере. Затем, для контраста, перевели в Берлин, где поселили в шикарном отеле «Адлон», имевшем весьма специфическую репутацию.

В 1956-м году здесь остановится делегация советских писателей, приехавших на волне «оттепели» изучать дружественную ГДР. Один из участников поездки, писатель Юрий Нагибин, запишет в своем дневнике:

«Отель „Адлон“... всем своим обличьем, сумеречностью коридоров, лестниц и переходов наводит на мысль о мелких политических убийствах и грязно-скудном немецком разврате. Потом мне сказали, что этот отель, в самом деле, постоянно фигурировал и в скандальной газетной хронике, и в детективной литературе».

По этим «сумеречным коридорам» вели измученного допросами сына главы советского государства. Здесь ему, для давления на психику, показывали документальные фильмы о поражениях Красной Армии. Есть сведения, что именно в «Адлоне» с Яковом Джугашвили встречался главный пропагандист рейха Геббельс, старавшийся склонить пленника к предательству... Не получилось.

Из роскошного номера гостиницы Якова бросили в концлагерь для офицеров в Хаммельбурге. Пытали, мучили голодом.

Один из наших пленных офицеров еще до войны знал сына Сталина в лицо. Увидев его в концлагере, был поражен – так сильно тот изменился. Лицо исхудало, взгляд глубоко запавших глаз стал тяжел и мрачен. Одет Яков был скверно, как все советские пленные офицеры. Потрепанная шинель, рваная гимнастерка, грубые башмаки с деревянными подошвами.

Все в лагере знали, чей это сын. Тот же свидетель видел, как над Яковом издевался старший охранник, чья обязанность была «маркировать» советских пленными буквами «SU» – Советский Союз. Всем полагалось по два знака, на спине и на груди. Куражась, охранник рисовал Якову спину, грудь, брюки, рукава, плечи и даже пилотку. Пленник стоял, сцепив зубы и опустив глаза. Казалось, еще секунда, и он взорвется. Но вдруг он улыбнулся какой-то жуткой улыбкой и крикнул толпившимся вокруг собратьям по несчастью:

– Пусть малюют! Советский Союз – эта надпись делает мне честь. Я горжусь этим!

А листовки с вмонтированными фотографиями рассказывали, как хорошо живет на Неметчине покладистому сыну советского вождя. Одна из пыток: Якову показывали эти листовки. Внушали: сопротивление бесполезно, ведь вся страна и его отец знают, что он работает на немцев.

Если верно, что дети неминуемо расплачиваются за грехи отцов, то Яков свою долю выплатил сполна.

В феврале 1943 года немцы потерпели поражение в Сталинградской битве. Гитлеру пришла мысль предложить Сталину выменять пленного маршала Паулюса, руководившего немецкими силами под Сталинградом, на сына Главнокомандующего СССР. (Сергей Никитович Хрущев, сын генсека, утверждает, что первое предложение об обмене было другое: Яков Сталин – попавший в плен в Сталинградском котле брат Ангелы Раубаль, покойной к тому времени возлюбленной Гитлера, чье место в сердце и жизни фюрера заняла Ева Браун).

Ответ Сталина был передан через представителя шведского Красного Креста графа Бернадотта:

– Солдата на маршала не меняю.

«Отец... бросил Яшу на произвол судьбы... – Светлана Аллилуева не могла простить этого отцу. – Это весьма похоже на него – отказываться от своих, забывать их, как будто их не было... Впрочем, мы предали точно так же всех своих пленных».

Много лет сведения о судьбе Якова основывались главным образом на воспоминаниях очевидцев и частичных публикациях протоколов его допросов. Лишь в 1995 году журналистам была предоставлена возможность ознакомиться с материалами Главного управления контрразведки «СМЕРШ» за 1941—1945 годы. Среди них – «Дело со справками, письмами, протоколами допроса и другими документами о пребывании в немецком плену и гибели Якова Иосифовича Джугашвили».

Материалы «Дела», опубликованные в «Комсомольской правде», частично подтверждают ранее опубликованные сведения, а частично опровергают их. Но так или иначе они дополняют неясную, написанную отрывистыми мазками картину существования Якова Джугашвили за колючей проволокой:

«31 мая 1948 года в Саксонии, разбирая архивы штаба верховного командования германской армии, переводчик Прохорова обнаружила отпечатанные на ротаторе два листка с текстом на немецком языке и пометкой «Армейская группа «Центр», отдел IC/AO. Штаб 19.7.41». Это был протокол допроса Я. И. Джугашвили.

«Так как у военнопленного никаких документов обнаружено не было, а Джугашвили выдает себя за старшего сына Председателя Совнаркома СССР Иосифа Сталина-Джугашвили, то ему было предложено подписать прилагаемое при этом заявление в двух экземплярах. Д. владеет английским, немецким и французским языками и производит впечатление вполне интеллигентного человека».

Приложение к донесению:

«Я, нижеподписавшийся Яков Иосифович Джугашвили, родился 18 марта 1908 года в гор. Баку, грузин, являюсь старшим сыном Председателя Совнаркома СССР от первого брака с Екатериной Сванидзе, старший лейтенант 14-го гаубично-артиллерийского полка (14-я танковая дивизия). 16 июля 1941 года около Лиозно попал в немецкий плен и перед пленением уничтожил свои документы.

Мой отец, Иосиф Джугашвили, носит также фамилию Сталин. Я заявляю настоящим, что указанные выше данные являются правдивыми. 19 июля 1941 г. (Подпись)».

В Деле хранится протокол со свидетельством ефрейтора германской армии Э. Аха от 3-го июня 1942 года:

«В один из дней середины июля 1941 года в 22 часа у штаба генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге остановилась легковая машина, из которой вышли четыре немецких и один русский офицер. Из разговоров Ах понял, что русский – сын Сталина. Стоя у окна, часовой услышал, как начиналась беседа. Отвечая на вопросы, военнопленный сказал, что он Яков Сталин, женат, имеет двоих детей. В плен попал при следующих обстоятельствах: «Наши танки стояли наготове к бою, и он, не зная обстановки, вышел вперед на разведку, неожиданно был окружен немецкими танками и взят в плен».

Уточняют эту версию показания комбрига Бессонова и генерал-майора Абрамидзе, находившихся в Хаммельбургском лагере вместе с Джугашвили. Они утверждают, якобы со слов Якова, что в плен к немцам он попал 12-го июля под Смоленском. Перед этим четверо суток находился в окружении. Отстреливался до последнего снаряда и был захвачен ночью в лесу вместе с двумя красноармейцами и младшим командиром только после того, как израсходовал все боеприпасы. Свое родство со Сталиным скрыл, выдавая себя за некоего Лавадзе. На сборном пункте военнопленных его заставили подбирать трупы наших бойцов. Когда сел передохнуть, к нему подошел немец и стал требовать, чтобы пленный снял свои хромовые сапоги. Яков запротестовал, немец стал угрожать оружием. На шум подошел офицер и приказал отвести пленного в сторону леса, где слышались одиночные выстрелы. Когда его вместе с четырьмя другими красноармейцами повели на расстрел, он назвал свою настоящую фамилию и тем избежал смерти.

31-го января 1946-го года Сталину был передан протокол допроса Якова, обнаруженный в немецком архиве и переведенный на русский язык. 50 лет документ хранился в личном архиве Сталина, а затем политбюро и был рассекречен при передаче в архив президента РФ.

Первый допрос было поручено провести в штабе фон Клюге. При этом присутствует майор Вальтер Ройшле, командир особой роты информационной службы при командующем 6-й немецкой армией. Фрагменты протокола допроса:

– **Вы добровольно пришли к нам или были захвачены в бою?**

– Не добровольно. Я был вынужден.

– **Вы были взяты в плен один или с товарищами и сколько их было?**

– К сожалению, совершенное вами окружение вызвало такую панику, что все разбежались в разные стороны. Видите ли, нас окружили. Все разбежались, я находился в это время у командира дивизии.

– **Вы были командиром дивизии?**

– Нет, я командир батареи, но в тот момент, когда нам стало ясно, что мы окружены – в это время я находился у командира дивизии, в штабе. Я побежал к своим, но в этот момент меня подозвала группа красноармейцев, которая хотела пробиться. Они попросили меня принять командование и атаковать ваши части. Я это сделал, но красноармейцы, должно быть, испугались, я остался один, я не знал, где находятся мои артиллеристы. Если вас это интересует, я могу рассказать более подробно. Какое сегодня число? Значит, сегодня 18-е. Значит, позавчера ночью под Лясново, в полутора километрах от Лясново, в этот день утром мы были окружены, мы вели бой с вами.

– **Как обращались с вами наши солдаты?**

– Ну, только сапоги с меня сняли, в общем же, я бы сказал, не плохо...

– **С какого года он в армии?**

– В Красной армии я с 1938 года, я учился в артиллерийской академии.

– **В каком бою он впервые участвовал?**

– Я забываю это место. Это в 25—50 километров от Витебска, у меня не было с собой карты, у нас вообще не было карт. Карт у нас не было.

– **У офицеров тоже нет карт?**

– Все у нас делалось так безалаберно, так беспорядочно, наши марши, как мы их совершали... Дивизия, в которую я был зачислен и которая считалась хорошей, в действительности оказалась совершенно неподготовленной к войне, за исключением артиллеристов... Сплошная неразбериха, никаких регулировщиков, ничего...

– **Кто отвечает за руководство боем: командир полка, высший командир или политический комиссар? Ведь в Красной армии имеются политические комиссары?**

– Первым лицом является, конечно, командир, а не комиссар, нет-нет, первым лицом является командир. До прошлого или позапрошлого года командир и комиссар были уравнены в правах, но затем пришли к выводу, что должен быть один хозяин... Один должен быть, а не два.

– **Для чего вообще в армии имеются комиссары? Что за задачи они имеют?**

– Поднимать боевой дух, он дает политическое воспитание.

– **Известны вам случаи, когда войска отвергали комиссаров?**

– Пока что мне это неизвестно.

– **Тогда, может, ему будет интересно узнать, что здесь у нас, в лагерях для военнопленных солдаты занимают резко отрицательную позицию в отношении комиссаров и нам приходится брать комиссаров под защиту, чтобы их не убили собственные солдаты... Известно ли ему, что в Германии изгнали евреев из торговли, науки, искусства, медицины и других мест, которыми они завладели?.. Известно ли вам, что вторая жена вашего отца тоже еврейка? Ведь Кагановичи еврей?**

– Ничего подобного. Да, Каганович еврей. Да. Жена моего отца? Все это слухи, что вы там говорите. Ничего общего. Никогда. Нет, нет, ничего подобного!.. Его первая жена грузинка, вторая русская. Все!

– **Разве фамилия его второй жены не Каганович?**

– Нет, нет! Все это слухи. Чепуха...

– **Я хотел бы знать вот еще что. На нем ведь сравнительно неплохая одежда. Возил он эту гражданскую одежду с собой или получил где-нибудь? Ведь пиджак, который сейчас на нем, сравнительно хороший по качеству.**

– Нет, это не мой... Не знаю, может, это вам неинтересно, но я расскажу более подробно. 26-го приблизительно в 19 часов, нет, позже, позже, ваши войска окружили Лясново... Создалась паника, пока можно было, артиллеристы отстреливались. Потом они исчезли, не знаю, куда. Я находился в машине командира дивизии, я ждал его. Его не было. В это время ваши войска стали обстреливать остатки нашей 14-й танковой дивизии. Я решил поспешить к командиру дивизии, чтобы принять участие в обороне. У моей машины собрались красноармейцы, обозники, народ из обозных войск. Они стали просить меня: «Товарищ командир, командуй нами, веди нас в бой!» Я повел их в наступление. Но они испугались, и когда я обернулся, со мной никого уже не было... Я остался совсем один... Начало светать. И я пошел. По дороге мне стали встречаться мелкие группы... Все начали переодеваться, я решил этого не делать. Я шел в военной форме и вот бойцы попросили меня отойти в сторону, так как меня будут обстреливать. Я ушел от них. Около железной дороги была деревня, там тоже переодевались... Я обменял у одного крестьянина брюки и рубашку, я решил идти вечером к своим... Когда увидел, что окружен, идти никуда нельзя. Я пришел, сказал: «Сдаюсь!» Всё!

– **Я хотел бы спросить еще одну вещь: женат он или еще холостяк?**

– Да, я женат.

– **Хочет ли он, чтобы его жену уведомили о том, что он попал в плен?**

– Не нужно. Если можете исполнить мою просьбу – не надо...

– **Почему он не хочет, чтобы его семья знала, что он в плену?.. Разве это позор для солдата – попасть в плен? Ведь после войны он снова вернется домой.**

– Мне стыдно перед отцом, что я остался жив.

– **Не только перед отцом, но и перед женой?**

– Жена – это безразлично.

– **Его не беспокоит, что жена беспокоится о нем? Может, семейная жизнь в России настолько безразличная вещь, что он даже не ощущает потребности известить своих близких, как это делает немецкий солдат, попадая в плен?**

– Нет, жена не безразлична... Я ее уважаю. Я очень люблю ее!»

Такое вот последнее «люблю»...

20-го июля 1941-го года Джугашвили попадает в лагерь для пленных офицеров. На Восточном фронте в расположениях советских воинских частей разбрасываются листовки с «заявлениями» Якова в адрес отца и советского правительства. На русском и немецком языках звучат радиопередачи с его пораженческими «высказываниями». Выпущен журнал с фотографиями, запечатлевшими пленника в окружении немецких офицеров...

О том, как создавались эти фальшивки, рассказал в своих показаниях тот же Вальтер Ройшле.

Перед допросом пленного в стол был вмонтирован микрофон, соединенный со звукозаписывающим устройством, находящимся в соседней комнате. Материалы допроса, который длился более часа, Ройшле лично доставил в берлинский радиодом, где при участии семи переводчиков текст был откорректирован и переведен на немецкий язык.

Факт негласной записи был подтвержден и спецсообщением на имя Геббельса:

«...Мы в свое время при допросе сына Сталина спрятали под скатертью микрофон, посредством которого был записан весь разговор с ним. Затем мы вырезали из восковой пластины неподходящие места, так что получилась в пропагандистском отношении пригодная беседа, которая была передана по радио. Сын Сталина, следовательно, не знает, что он говорил по радиовещанию».

В середине октября 1941-го года Яков был заключен в центральную тюрьму тайной государственной полиции гестапо. В материалах дела имеется подтвержденная информация, что во время пребывания там Яков дважды пытался вскрыть себе вены. Это выглядит вполне правдоподобно. Именно в берлинских застенках фашисты пытались вербовать агентуру из оказавшихся в плену известных политических деятелей и военачальников. Знаящие Джугашвили пленные неоднократно упоминали о том, что в Берлине к нему применялись меры физического воздействия.

В 1942-м году Якова переводят в Северную Баварию в Хаммельбургский лагерь военнопленных. Здесь знатного пленника подвергают изощренным унижениям и издевательствам. Ежедневно утром и вечером он должен являться к коменданту лагеря и по 15—20 минут стоять навтыжку перед немецкими солдатами. А те оскорбляли его отца, смеялись над ним, тыкали в него пальцами. Иногда фотографировались рядом.

Лагерное начальство разрешило Джугашвили работать в небольшой мастерской, расположенной в нижнем этаже офицерского барака. Здесь военнопленные делали из кости, дерева и соломы мундштуки, игрушки, шкатулки, шахматы. Вываривая кости, полученные из столовой, готовили себе «дополнительный паек».

Яков оказался неплохим мастером и за полтора месяца сделал костяные шахматы, которые обменял на картошку у унтер-офицера Кауцмана, присматривавшего за мастерской. Позднее эти шахматы за 800 марок купил какой-то немецкий майор.

В конце апреля 1942-го года начальство, боясь, что вокруг Джугашвили может объединиться группа просоветски настроенных узников высшего офицерского состава, вновь отправили заключенного в центральную тюрьму гестапо.

Как долго он там находился? Где прошли его дни до 1943-го года? Материалы «Дела» не позволяют ответить на этот вопрос. Известно только, что по личному распоряжению Гимmlера 13-го февраля 1943 года военнопленный попадает в концентрационный лагерь Заксенхаузен, расположенный в тридцати километрах от Берлина.

Первые три-четыре месяца его держали в лагерной тюрьме, затем перевели в отдельную комнату режимного барака. То была особая зона. Участок земли длиной 200 и шириной 120 метров был огорожен кирпичной стеной и опоясан колючей проволокой под током.

Вечером 16-го апреля 1943 года Яков Джугашвили бросился на эту проволоку.

Первым о случившемся рассказал бывший комбриг Бессонов, знавший сына Сталина по плену. Его версия сложилась со слов пленного англичанина Томаса Кучинна. Как-то вечером в апреле 1943-го года тот *«услышал выстрелы и увидел, как немцы сняли с проволочного ограждения чей-то труп, завернули в одеяло и унесли в караульное помещение. Позднее начальник караула рассказал Кучинну, что убит сын Сталина. По неизвестной причине он в нижнем белье выскочил из окна своей комнаты на улицу и бросился на проволоку. Думая, что пленник пытается сбежать, часовой его застрелил».*

Вторая версия – со слов Фишера, ефрейтора из охраны Заксенхаузена:

«Поздно вечером, когда Яков уже был в постели, к нему с ножами в руках ворвались англичане (английские пленные. – Авт.). Он выпрыгнул в окно и с криками: „Унтер-офицер! Унтер-офицер!“ бросился к забору. Стоящий метрах в шестидесяти часовой первым выстрелом ранил пленника в ногу, а вторым убил наповал. О происшествии комендант лагеря срочно сообщил в Главное управление имперской безопасности. Для производства экспертизы в Зак-

сенхаузен приехали трое специалистов. В своем докладе на имя Гиммлера они констатировали смерть Я. Джугашвили не от пулевого ранения, а от тока высокого напряжения. По их заключению, выстрел часового прозвучал уже после того, как военнопленный схватился за проволоку. На основании этих данных сделан вывод: Яков Джугашвили покончил жизнь самоубийством. Его труп был подвергнут кремации, а урна с прахом увезена в Берлин, где ее следы окончательно затерялись».

Что именно заставило Якова оборвать свою жизнь? После отказа Сталина обменять сына на Паулюса, раздраженные неуступчивостью советского вождя гитлеровцы решили его проучить, засняв на киноплёнку мучительную смерть Якова, какую он, вождь, ему уготовил. Плёнка должна была попасть в Кремль. Будто бы Яков узнал об этом плане, бросился на проволоку и тем сорвал замысел врагов... Кто знает, может, и правы те, кто утверждает: Яков любил отца! Тайно, изломанно любил и почитал. Хотя и пытался всю жизнь вырваться из отцовского плена.

А может, на смертельный шаг Якова толкнуло другое. Достоверно известно, что по лагерному радио не раз передавалось заявление Сталина о том, что у СССР нет военнопленных – есть «изменники Родины». Окруженный врагами должен, как доблестные римские воины, броситься на меч?

Яков это сделал.

...В тот день вахту нес немецкий офицер СС Конрад Харфик. С чисто немецкой педантичностью он описывает случившееся:

«Джугашвили пролез через проволоку и оказался на нейтральной полосе. Затем он поставил ногу на следующую полосу колючей проволоки и одновременно левой рукой схватился за электрический провод. Мгновение он стоял неподвижно и кричал: «Часовой! Вы же солдат, не будьте трусом, застрелите меня!»

В это время сработала сигнализация и зажглись прожектора на сторожевых башнях. Часовой выстрелил метко.

Сталин знал: сын Родины не предал. После войны Михаил Чиаурели, ловкий создатель фильмов, воспевавших великого вождя, сделал даже попытку увековечить образ Якова в очередной своей киноэпопее «Падение Берлина». Он отводил там Якову роль героя.

«Великий спекулянт от искусства, Чиаурели повторял, какой мог бы выйти «стюжет» из этой трагической судьбы, – писала Светлана Аллилуева. – Но отец не согласился. Я думаю, он был прав, Чиаурели сделал бы из Яши такую же фальшивую куклу, как из всех остальных... Хотя отец вряд ли имел это в виду, отказывая Михаилу Чиаурели. Ему просто не хотелось воспевать своих родственников, которых он, всех без исключения, считал незаслуживающими памяти.

А благодарную память Яши заслужил; разве быть честным, порядочным человеком в наше время – не подвиг?»

Другой кинематографист, Михаил Геловани, знаменитый исполнитель роли Сталина в нескольких фильмах, стал в 1946 году невольным свидетелем своеобразных поминок по Якову. После вип-премьеры очередного фильма все того же неутомимого Чиаурели – «Клятва» – организовали застолье. Но получилось оно мрачным: в тот день Берия передал Сталину личное дело Якова. Дело было закрыто. По грузинскому обычаю Сталин в память о сыне окропил красным вином кусочек хлеба и проглотил его. Присутствовавшего на этой тризне Геловани поразило потом, как тщательно Сталин пережевывал цыпленка, разгрызая каждую косточку...

А между тем... По миру циркулировали слухи о якобы спасшемся из плена Якове Джугашвили. Людская молва, неизменно жесткая к кремлевским детям (в компенсацию за чрезмерную благосклонность к ним судьбы?), Якова заметно отличала, щадила, романтизировала.

Вот одна из характерных легенд. Будто в 1944 году привезли Якова в один из концлагерей Италии. Оттуда советскому пленнику помогли бежать друзья. Они же привели его в партизанскую бригаду, где Яков стал капитаном Монти. Его описывают как молодого, симпатичного человека с большими печальными глазами. Естественно, на жаркой земле Италии героя ждала страстная любовь. Красавица Паола – называют даже деревню, где она жила: Рефрентоло – влюбилась в партизана с неземными глазами и родила ему сына Джорджо.

6-го февраля 1945-го года (слухи неизменно подтверждают эту дату) Яков-Монти пошел с товарищами в разведку. Их окружили.

– Нам отсюда не выбраться. Мы подорвем себя гранатами – живыми нас не возьмут – прозвучали последние слова русского.

Джорджо, утверждает молва – вылитый капитан Монти. Был ли капитан действительно сыном Сталина? Есть люди, убежденные: да, был... Но, скорее всего, подобные слухи – всего лишь красивый вымысел, которым молва как бы воздаст должное несчастному сыну, от которого отказался злодей-отец... А то еще был слух: Яков какими-то путями оказался в Ираке и Саддам Хусейн – его родной сын...

В 1977 году, к юбилею советской власти, старший лейтенант Яков Джугашвили «за стойкость в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и мужественное поведение в плену» был посмертно награжден орденом Отечественной войны 1 степени. Указ Верховного Совета был закрытым – Брежнев не хотел, чтобы его обвинили даже в косвенном «отмывании» черного диктатора.

Награду, о которой не полагалось знать широкой общественности, приняла дочь Якова Иосифовича, Галина.

Галина Джугашвили

Дом в Большом Златоустинском переулке, где жила Галина – прямой архитектурный родственник знаменитого Дома на набережной². Солидная мрачноватость снаружи, сдержанный, без особых излишеств, комфорт внутри.

Стекло на двери парадного было разбито, острые осколки покрыты плотным слоем пыли. Каюсь, тут же явилась мысль:

– Сталин бы вам показал. Такой дом довести до разрухи!

Соображение, что если бы не ОН, вся страна не дошла бы до разрухи – да что страна, не был бы доведен до разрухи сам человек – это соображение пришло на мгновение позже.

Трехкомнатную квартиру в доме, построенном для военных начальников, Юлия Джугашвили получила уже будучи вдовой. А в 1968 году она умерла здесь от запущенного рака.

Так ее дочь Галина Джугашвили в тридцать один год потеряла последнего родного человека – мать. В пятнадцать лет осталась без Деда, в три года – без отца. Напомню для тех, кто уже забыл или не знает вовсе: культ личности разоблачен в 1953—1956 годах. Дед Галины Иосиф Сталин выкинут из Мавзолея в 1961-м. Будь это сталинские времена, она сама бы оказалась врагом народа. Или «чсиром» – членом семьи изменника Родины.

Но Галину в 1957-м году всего лишь не приняли на филологический факультет МГУ. Как объяснили – из-за плохого здоровья (экзамены она сдала на «отлично» и «хорошо» и набрала проходной балл). Галина, чье детство прошло в достатке и свежести сталинской дачи в Зубалово, отличалась отменным здоровьем. Поэтому сразу стало ясно: подоплека здесь политическая. Видимо, где-то наверху посчитали, что внучка должна хоть малость уплатить по счетам Деда.

Юлия Джугашвили возмутилась и написала Екатерине Фурцевой, в то время члену ЦК КПСС. Насколько помнит Галина, письменного ответа не пришло, но как-то дали понять, что попытку можно повторить. В следующем, 1958 году, ее зачислили на филфак.

Галина Джугашвили избежала участи врага народа, но не было в ее взрослые годы и дня, когда бы жизнь дала забыть, какого дедушку послала ей судьба.

По окончании в 1962 году университета она преподавала французский и мечтала переводить художественную литературу. Но здесь все «ниши» были заняты переводчиками-профессионалами. Ей, носящей фамилию Джугашвили, тем более трудно было найти работу по желанию. Кто-то из друзей посоветовал обратить внимание на алжирскую франкоязычную литературу. Это оказалось настолько интересным, что Галина впоследствии даже защитила диссертацию на тему «Алжирский современный роман».

А параллельно начал развиваться настоящий роман, тоже алжирский, и тоже современный. Она полюбила алжирского аспиранта, выпускника университета им. Лумумбы. В те годы в Москве уже появились иностранные студенты. Любовь вспыхивала, как и на любой широте и долготе Земли, не считаясь с гражданством влюбленных. Сколько драм, трагедий случилось из-за невозможности заключить брак с иностранцем! О, насчет этого в СССР было очень строго – вплоть до 80-х годов, когда рухнул, наконец, «железный занавес».

Семь лет Галина пыталась добиться невозможного: официального брака с мужем. Временами впадала в истерику:

– Живу, как крепостная девка!

Тетя Роза, сестра матери, удивлялась:

– Никогда не думала, что ты такая мешанка. Зачем тебе штамп в паспорте?

² Жилой дом, построенный в середине 30-х годов для советской элиты, одним углом своим выходит на Берсеневскую набережную, другим – на улицу Серафимовича.

Наконец, через кого-то из знакомых удалось передать документы Юрию Андропову, тогда председателю КГБ. И появилась желанная резолюция: «*Разрешить*». Так что, если кто и благословил этот брак официально, то это был главный кагебист СССР.

Галина тетка, Светлана Аллилуева, спасаясь от ужаса, вошедшего в ее жизнь с разоблачением преступлений отца, выбрала в качестве спасения эмиграцию. Галин брак – тоже своего рода эмиграция. Мужу – алжирцу, человеку со стороны – было безразлично, чью фамилию носит жена. Это «безразличие» надежно защищало Галину от мира, ставшего вдруг враждебным к ней. Но такой союз имеет неустранимый изъян – только «свой» человек, соотечественник, мог понять всю мучительность проблем, свалившихся на внучку Сталина в связи с ее принадлежностью к семье тирана.

Правда, Галина старалась на этом не «заикливаться». Она была слишком юной, когда начались разоблачения, слишком любила Деда и совершенно не склонна к рефлексии. К тому же в ее жизнь вошло обстоятельство, сделавшее для нее безразличным все остальное. Когда ее сыну, Селиму, исполнилось три года, стало ясно, что он глухой. Врачи сказали – с рождения. Немногим раньше выяснилось и другое печальное обстоятельство – у мальчика очень слабое зрение.

Знаю, в этом месте многие злорадно улыбнутся: вот она, сила судьбы! Хотя бы в третьем поколении изверга настигло возмездие! Только при чем здесь тихий улыбчивый мальчик, которому не дано слышать ни шороха, ни грома? Власти не выпустили его с матерью для лечения за границу, о чем хлопотал отец-алжирец. В годы перестройки выезд бы разрешили, да время было безвозвратно упущено. Но мальчик-то чем провинился? Ему и без того придется всю жизнь искать в лабиринтах своей глухоты и полуслепоты ответ на пастернаковский вопрос: «*Зачем расхлебывать похлебку, которую варил не я?*» Да и всем потомкам Иосифа Сталина, Генералиссимуса, «вождя всех народов». Зачем? За что?

Муж Галины окончил в Москве институт, затем аспирантуру и должен был вернуться в Алжир. Жена вынуждена была остаться в Советском Союзе – одна, с сыном-инвалидом.

Пятнадцать лет после этого супруги жили не как муж и жена, а как любовники. Бен-Саид проводил в Москве каждое лето и недели две зимой. Только в 90-е годы, в новое время он смог перебраться в Россию. Нашел здесь работу: давал уроки французского языка.

...Когда я впервые увидела Галину Яковлевну, вспомнила написанное ею в книге:

«*Снова и снова я ловлю на себе его (Сталина. – Авт.) взгляд и слышу непонятное тогда: «Похожа!»*

Да, очень похожа на отца. Крупные темные глаза, твердо очерченный рот, широкие линии бровей.

Когда она смеется, суровое лицо преобразается совершенно – это девчонка, которая, кажется, больше всего обожает посмеяться. Забыться в смехе.

Я благодарна Галине Яковлевне за то, что она согласилась встретиться со мной, хотя я честно призналась: к числу поклонников ее Деда не отношусь. Совсем наоборот. И она, в свою очередь, предупредила меня, чтобы я не ждала от нее дурного слова о Деде.

Разговор мы начали об ее отце, Якове Джугашвили.

– **Что Вы о нем помните?**

– Мне было только три года, когда он ушел на фронт. В памяти осталось нечеткое знакомое лицо и воспоминание о сильных пальцах – он держит меня повыше локтя. Мама говорила, что такие же, «железные», пальцы и у меня... Уже через неделю боев батарея отца попала в окружение. Снаряды быстро закончились. Уцелел только один свидетель последнего боя. Контуженный солдат, которого немцы приняли за мертвого. Он рассказал все папиному другу Артему Сергееву. Последнее, что солдат помнит об отце – «*на старшем лейтенанте было много крови*».

Скорее всего – здесь было предательство. Слишком быстро немцы добрались до отца. У него не было при себе документов, но немцы сразу же оповестили мир, что у них в руках сын Сталина. Гитлеровцы распространяли много фальшивок, чтобы доказать, будто сын Сталина согласился с ними сотрудничать. На одной из фотографий, явно смонтированной, он сидит за столом с немецкими офицерами в старой охотничьей кожаной куртке. Как могла любительская фотография из мирной жизни, из которой явно взят фрагмент, попасть за линию фронта? Без предательства не обошлось.

– **Ваши близкие хотя бы предполагали, кто это мог быть?**

– Мы ничего не знали. Подозрения вообще сразу же пали на мать. Ее арестовали. Но и не будь подозрений, ее все равно ждала бы тюрьма – тогда был указ, по которому членов семей пленных офицеров интернировали.

Увели ее из дома, в чем была, в туфлях на высоких каблуках. Зимой, когда немцы подступали к Москве, заключенных перевели в Энгельс. От вокзала до тюрьмы пришлось тащиться по обледенелой дороге на каблучищах. Ма часто изображала, как конвоир ее подгонял:

– Быстрей, стрелять буду!

Она сняла туфли и доковыляла до тюрьмы босиком. Мама старалась рассказать об этом мне, маленькой девочке, позабавнее. И я всегда прыскала:

– Ну, ты прямо Зоя!

У всех на устах тогда была Зоя Космодемьянская³. Мама в ответ улыбалась.

Два года в заключении она отвечала на одни и те же вопросы. Как фотография отца в куртке попала к врагу? Почему он так быстро был окружен? Отчего? Как?

К середине второго года Ма уже привыкла к тюрьме. И когда однажды услышала:

– Вы свободны, – испугалась.

– Нет, нет, никуда я отсюда не пойду!

В тюрьме однажды случился эпизод прямо-таки трагикомичный. Прозвучал обычный приказ выйти из камеры. А до этого в допросах возник перерыв, и, как все необычное, он таил в себе угрозу... Ма оказалась в длинной комнате, где за столом сидели люди в военной форме. Взгляд ее приковали золотые погоны – такие она видела только в фильмах, на немцах. Пол качнулся под ногами... Чей-то голос прогудел:

– Успокойтесь, у нас новая форма.

– А я думала – всё, – вспоминала Ма. – Это – немцы. А тут свои. Какое счастье!

Два года разлуки отучили меня от слова «мама». Так на всю жизнь и осталось это «Ма». Она не обижалась и даже приветствовала это. В слове «мама» ей слышалось что-то слишком бытовое, а люди ее поколения бежали от быта, они стремились жить возвышенным.

В конце концов с Ма были сняты все подозрения. А предатель так и остался неизвестным.

– **Сталину предлагали «выкупить» сына, обменяв на Паулюса. Мать простила Деду, что он этого не сделал?**

– Такой вопрос даже не возникал. Как Дед мог это сделать? Освободить сына и оставить в плену тысячи других пленных? Кто бы ему после этого поверил?

– **А свой арест она простила?**

– Ма была уверена, что ее Берия посадил.

– **И указ о необходимости «посадки» членов семей пленных офицеров – это она тоже считала нормальным?**

³ Партизанка, «официальная» героиня Великой Отечественной войны, повешенная гитлеровцами. Была поднята советской пропагандой до национального символа мужества. Миф о Зое, как и многие другие, рухнул, когда открылись засекреченные документы. Все, что успела сделать неопытная партизанка – это поджечь сельскую конюшню, в результате чего крестьяне лишились своих лошадей. Но не будем все тревожить ее тень: к созданию легенд о себе Зоя не причастна. Под пытками же – молчала, и этого еще никто не опроверг.

– Что же во время войны может быть нормального? Такую меру она, думаю, считала необходимой. Что бы ни говорили о невинно арестованных, но ведь и измены случались. Кто-то же выдал отца, например...

Но Дед не верил в причастность к этому Ма и соответственно к нам относился. Когда ее забрали, меня, по решению Деда, взяла к себе Светлана. (Галина Джугашвили была тогда слишком мала, чтобы понять, как Дед был настроен по отношению к семье пленного Якова. По иным сведениям, он считал арест невестки необходимым, Гулю же распорядился поместить в детский дом. Но Светлана – дочь Иосифа Сталина и Галина Бурдонская – жена Василия Сталина уговорили его оставить девочку в доме. – *Авт.*)

У Светланы уже был к этому времени маленький сын Ося. За нами смотрела общая няня. Светлана была внимательна ко мне, часто возила на своей черной «Татре». Водитель, до сих пор помню, был у нее очень красивый.

Дед продолжал заботиться о нас и тогда, когда Ма была уже на свободе. В дом доставлялась корзинами еда. Помню эти большие плетеные корзины. Всем родственникам хватало. Даже из моральных соображений мама не могла бы осуждать Деда – она же все от него принимала⁴.

– О последних днях вашего отца ходило множество слухов. Какой из них считался в доме правдивым?

– Мне кажется, мама до конца верила в то, что отец остался жив. Такие слухи периодически возникали. Она так и не вышла замуж, хотя имела много возможностей. Наш дом всегда был полон друзей. Мама любила шум, веселье, скуки не выносила. Она дружила с Мессерерами из Большого театра. Часто бывал композитор Дмитрий Покрасс, необыкновенно веселый и талантливый человек. Он мог играть на фортепиано часами. Катал нас на машине, возил в «Арагви», где у него был «собственный» кабинет.

Ма всегда старалась держаться:

– Главное – ни из чего не делать трагедии!

Но я как-то чувствовала: отец, которого она сильно любила, всегда в нашем доме. Она провожала отца в красном платье. Знала, что это плохая примета, но почему-то надела, оно ей очень шло. И после часто вспоминала о несчастливом платье, в нем видела причину своих несчастий.

Но в гибель отца так и не поверила. Почему бы немцы стали его убивать? Он им был нужен живым, для воздействия на Деда. Кто-то принес к нам фотографию якобы погибшего отца. Мы с ужасом рассматривали ее. Какой-то человек, распятый на колючей проволоке. Он? Не он? Лица не видно. Это мог быть, кто угодно. Думаю, немцы сумели бы уследить за таким ценным пленным.

Сразу после войны – или уже после смерти Деда? – Светлана стала получать из-за границы на свой адрес в Доме на набережной странные посылки от какого-то анонима. Недорогие, но красивые вещи, диковинные для послевоенной Москвы: какие-то босоножки, украшения. Это, конечно, тоже питало надежду.

– Удалось установить, кто был таинственный отправитель?

– Мы этого так и не узнали. Но Ма была уверена: посылки – от Яши!

Она произносила это всегда шепотом, почему-то оглядываясь. Отец таким образом будто дает знать, что жив и помнит о своих близких!

⁴ После смерти Сталина родственники его тоже не были оставлены заботами. По постановлению Совета Министров от 14.11.1953 года всем внукам-студентам выплачивалась стипендия в размере 1000 рублей – вдвое-втрое выше обычной. Всем родственникам предоставлялись бесплатные путевки в санаторий летом. Правда, долларов, собранных по всей Америке для поддержки потомков умершего вождя и переданных СССР Элеонорой Рузвельт (огромную, по слухам, сумму) им не передали. Наследство же Сталина составило 30 тысяч рублей – в деньгах 1953 года. Они лежали на его сберкнижке и были разделены между его детьми и внуками.

– А если предположить невероятное – вдруг он сейчас жив...

– Эти переходы от надежды к отчаянию стали кошмаром всей нашей жизни. Возникали какие-то слухи о людях, которые называли себя Яковом Джугашвили. Однажды – я не могу точно назвать даты, помню только, еще шла война – генерал Власик, начальник личной охраны Деда, сообщил Ма, что отец жив и скоро будет в Москве. Можете представить, что с нами творилось! Но через две недели тот же Власик сказал, что произошла ошибка. Не знаю, как Ма смогла это пережить...

Появлялись люди, которые утверждали, будто встречались с отцом в плену. Один каким-то образом узнал наш телефон. Это показалось Ма совершенно невероятным – в то время мы, между переездом с одной квартиры на другую, недолго жили в гостинице «Москва». Таинственный человек позвонил туда и пообещал рассказать об отце. Она тут же договорилась с ним о встрече.

Обо всех бытовых и небытовых подробностях жизни Ма обязана была сообщать, немедленно и без утайки, генералу Власику, который нас опекал. Конечно, рассказала ему и о назначенном свидании.

Она примчалась на место встречи. Но люди Власика уже были там и схватили этого человека. Ма увидела его только издали. Она страшно мучилась укорами совести, снова и снова рассказывала мне, тогда семилетней:

– Он был очень высокий, в драной шинели, худой, небритый. Я сразу увидела его. И только сделала шаг навстречу, как двое к нему подошли, взяли под руки – и в сторону... Меня же – в машину и домой.

В западных газетах постоянно появлялись все новые и новые слухи о спасении сына Сталина. От самых романтических до якобы документальных, с точным указанием дат. Однажды, я училась тогда на пятом курсе университета, я не выдержала и тайком от Ма позвонила родственнице в Тбилиси. Ее муж, тоже оказавшийся в плену, остался в Западной Германии. Я умоляла навести справки об отце.

Позже от этого родственника пришло письмо. Оказывается, он уже давно и сам пытался отыскать следы Якоби в разных странах, где бывал. Всюду обращался с запросами в грузинские общины. Если следы отца где-то и сохранились, то не там. Может, его и нет в живых. Но обязательно жив кто-то из тех, кто знает тайну его исчезновения. Может быть, этот человек когда-нибудь заговорит...

Все, что у меня осталось от отца – разные бумаги, конспекты, его полевая сумка и серебряный ковш, подаренный ему когда-то. И его последнее письмо.

– Страшную тайну пришлось вам разгадывать с детских лет. А разгадали вы загадку, какой был ваш Дед?

– Я очень много думала о нем. Здесь, по-моему, все достаточно ясно. Он был правителем, создал огромную страну... На костях, не на костях... Но он вошел в историю. И данные для этого были с рождения – от судьбы или от Бога.

– Вы чувствуете свою с ним связь?

– Да, я ее ощущаю. Хотя не могла бы сказать, в чем конкретно это выражается. Может, какие-то черты характера от него... Любовь посмеяться, чувство юмора. У него было хорошее чувство юмора. У кого-то это может вызвать усмешку... А ведь у него, действительно, было тонкое чувство юмора. Наверное, правда о Дede в том, что его никто не знает. Это был человек. Он умел радоваться и много страдал.

– Что говорили у вас дома о смерти Надежды Аллилуевой?

– Все были уверены, что она застрелилась. Алеша Сванидзе, брат первой жены Деда, был с ним в тот вечер. Он все рассказал.

Дед женился на Надежде Аллилуевой через десять лет после смерти первой жены. Думаю, она стала второй и последней любовью в его жизни. Надежда намного моложе, но характер у нее

оказался крепкий и своенравный. Она всегда упорно отстаивала свои права, причем в открытом бою, не умея или не желая прибегать к женским хитростям.

Дважды с детьми, Васей и Светланой, уходила из дома, перебиралась к родным. Первый раз Дед сам пошел на примирение, второй раз ей пришлось вернуться самой. Они любили и мучили друг друга. И она устала первой. Начала часто болеть. И это в тридцать лет! Часами сидела с отрешенным видом.

О событиях того вечера Алеша Сванидзе рассказывал:

– Дед разговаривал с дамой, сидевшей рядом. Надежда сидела напротив и говорила тоже оживленно, не обращая на них внимания. Потом вдруг, глядя в упор, громко, на весь стол сказала какую-то колкость. Дед, не поднимая глаз, так же громко ответил: «Дура!» Она выбежала из комнаты, уехала на квартиру в Кремль. Он позднее поехал ночевать на дачу. Вечером Надежда несколько раз звонила ему из города. Дед бросал трубку. Предвидеть, как все обернется, он не мог.

– Это случилось в 1932 году. Деду было пятьдесят три года, ему оставалось еще прожить двадцать с лишним лет. Он увлекался другими женщинами?

– Я знаю некоторые из этих историй, но говорить о них не буду.

– Вы бываете на могиле Деда?

– Нет. Не люблю ходить на могилы. Раньше я часто ездила в Грузию. На этой земле я чувствовала его. Но сейчас все родственники умерли, ездить не к кому.

– А в музее в Гори бывали?

– Несколько раз. Но там мне как-то неуютно. Я, к сожалению, отдала в музей все, что у меня осталось от Деда – несколько книг с его печатью «Библиотека Сталина». Среди них были Джек Лондон, Гейне, томик Мопассана, двухтомник по истории. Где все это теперь?..

– Вас радует, если вы встречаете где-нибудь портрет Деда? Особенно водители любят его вешать у себя в кабинах.

– Конечно, это приятно. Вы ждали другого ответа? Все, что говорят и пишут о нем сейчас, после смерти, может быть и правдой, и неправдой. Был бы Дед таким злодеем, как его рисуют, – никогда не имел бы столько соратников. Дед отгрохал могучее государство, с которым считался мир. Все не так просто...

Когда началось разоблачение культа, я была подростком и, конечно, воспринимала события глухо, словно издалека. Мое неведение, неспособность понять, как это отразится на нашей семье, смягчили удар. Вот мама, она переживала жутко. Ма питала к Деду особые чувства. Может быть, потому, что отец обожал Деда.

Все, что по этому поводу пишут: будто бы отец Деда боялся, не любил, ненавидел – ложь. Правда – что обожал. И множество людей Деда искренне любили. Я это особенно чувствовала всякий раз, когда поднималась очередная антисталинская волна. Какие-то трогательные люди находили меня и старались поддержать. Они как-то по-детски безоглядно, абсолютно бескорыстно поклоняются ему. Дед ведь умер, какая у них корысть?

– Помните день, когда впервые услышали это слово – «культ?»

– Наша школьная учительница истории Ванда Исааковна должна была зачитать какое-то письмо по докладу Хрущева.

– Где Вы тогда учились?

– В то время – уже в Московской средней художественной школе, рядом с Третьяковкой. Ма со Светланой совершенно напрасно посчитали, что у меня способности к рисованию, хотя больше всего я увлекалась литературой, и запихнули туда. А до седьмого класса я училась в самой обычной женской средней школе №644...

Так вот, в тот день Ванда Исааковна вошла в класс, особенно как-то на меня посмотрела и картинно произнесла:

– Ах, как тяжело...

Я помню это так ясно! Я сразу почувствовала: будет что-то очень неприятное. Ванда Исааковна продолжила, и весь класс сразу понял, что это относится ко мне.

– А ты можешь уйти.

Но я почему-то осталась.

Она читала. На меня, как камни, валились слова о культе личности. Но какое отношение к этому имела я? А учительница смотрела так, точно я ответственна за все эти ужасы. То было только начало – такие взгляды я ловлю на себе всю жизнь... Как выдержала тогда, не помню. Только прозвенел звонок, выбежала во двор, где меня ждал мальчик, которому было безразлично, что говорят о моем Деде.

– **Вы сохранили его фамилию. Почему?**

– Да пусть бы они треснули-лопнули, я бы не сменила! Знаете, за что мне сразу понравился мой будущий муж? Ему было абсолютно все равно, какую фамилию я ношу.

– **Эта фамилия вам больше помогала или мешала?**

– Принадлежность к семье Деда стала, конечно, причиной многих переживаний. После разоблачений Хрущева некоторые знакомые бежали от меня, как от чумы. Бывали случаи, когда в компаниях узнавали, чья я внучка, и у людей сразу менялись лица. «Как вы могли ее пригласить?» Кто-то в ярости хлопал дверью.

Но ведь в год смерти Деда мне исполнилось пятнадцать лет. Какое отношение к «культу» я могла иметь?

Наверное, что-то из написанного о Деде – правда. Но в самом его разоблачении, внезапно, как гром среди полной тишины, было что-то не совсем чистое. Что, взрослые люди, которые стали кричать, что все было так ужасно, раньше не видели этого? Даже я никогда не воспринимала Деда идеальным. Но его, мне казалось, любили. Например, прислуга в Зубалове, где семья отдыхала на даче. Правда, когда ждали его приезда, нервничали, все словно наэлектризовывалось.

Прислуга начинала метаться по лестницам сверху вниз. Дом был двухэтажный, но не очень большой. Никаких дворцов и шикарных застолий, какие показаны в фильме Юрия Карры «Пирсы Валтасара», и близко не было. Это не имеет ничего общего с бытом нашей семьи. Да, прислуга бегала: ой! ай! Конечно, дистанция существовала.

– **Как Вы его называли?**

– Дедушка.

– **А дедушку можно было дернуть за усы?**

– Нет, ни в коем случае. Это как-то было ясно. Я, например, побаивалась говорить с ним по телефону. В общении с чужими людьми он всю жизнь подавлял, думаю, не без труда, свой акцент, довольно сильный. И это ему почти удавалось. Но дома он за своей речью не следил. А по телефону акцент мешал даже понимать его.

Маме полагалась пенсия за отца, но Дед решил выдавать деньги сам: раз в месяц. Только он часто об этом забывал. Ма ждала дня два-три и посылала меня звонить. Чего я не любила ужасно!

По телефону у Деда становился очень заметен грузинский акцент. Я и так волновалась, выполняя малоприятную миссию. Ведь задержка выплат напоминала о зависимости, пусть даже и от родного деда. А тут еще этот акцент, который иногда даже не позволял понять, что Дед говорит. Я сбивалась, отвечала невпопад. Он раздражался, акцент угрожающе усиливался... Я бормотала:

– Да, да, все в порядке.

И на всякий случай поскорее вешала трубку, так и не решившись заговорить о задержанных деньгах.

В нем жили два человека. Простой, добрый, слабый. В последние годы ему уже тяжело было в Зубалове подниматься на второй этаж, где располагалась его спальня, и под нее пере-

оборудовали кинозал на первом. Старый Дед был, быстро уставал... Я безумно ревновала его к Светлане. Если ее не оказывалось на даче, когда приезжал Дед, чувствовала себя счастливой: хоть на время – но он только мой!

Но стоило ему надеть шинель с золотыми погонами, фуражку с гербом, и он становился выше и шире, как на плакате. Я всегда оказывалась не готова к такой перемене. Как-то, уже в шинели, он долго смотрел на меня, точно ждал чего-то. Я же во все глаза глядела на него. Наконец, он произнес непонятное:

– Смотрите!..

И уехал. Я тотчас почувствовала – что-то упущено, сделано не так.

– Ну что же ты, – сказала Светлана, – надо было его поцеловать. Он ждал!

Так вот, даже я, при всем моем обожании, не воспринимала Деда как идеал. Не то, чтобы видела в нем недостатки, для этого я была слишком мала, а большинство наших встреч пришлось на годы раннего детства. Просто я воспринимала его никаким не идиолом.

В кругу семьи это был... трудно подобрать слова... нормальный, земной человек. К тому же с детства, несмотря на то, что зачитывалась романтической литературой, я знала – жизнь не окрашена в розовые тона. Много людей злых, некрасивых... А те, которые молились на него или делали вид, что молились? Мне хотелось бы это понять – они что, были слепы и сразу, как по команде, прозрели?

Особенный протест вызывало то, что с разоблачениями выступил Хрущев. Был верным слугой, а когда хозяин умер, спустил на него всех собак. Мы-то знали, как роскошно он жил! Хрущев и Щербаков (член ЦК, первый секретарь Московского горкома и обкома партии. – *Авт.*) занимали под Москвой дачи с большим общим парком. Но едва Щербакова не стало, и Хрущев сразу отгородился от соседей могучим забором, оставив вдове только кусочек земли. Моя мама дружила с женой Щербакова, и когда мы приехали к ней – глазам своим не могли поверить. Хрущев буквально девять десятых общей территории забрал себе.

Но дело, конечно, не только в Хрущеве... Помню, при Брежневле возникла уже антихрущевская волна, и появился фильм «Освобождение». Мы с мужем ходили на этот фильм. Когда Сталин появлялся на экране, зал гремел аплодисментами. Это была любовь.

Все не так примитивно, как это пытаются доказать разоблачители Деда. Многие любили его искренне. Совершенно потрясающий пример – Дуся, Евдокия Ивановна, заменившая моему сыну бабушку. Она была подавальщицей сначала в Зубалове, потом ее перевели на ближнюю дачу, в Волынское. Дуся была молодая вдова, добрая, приветливая. Деда обожала...

– Как не обожать? Вся работа кремлевской официантки – ждать в пустой даче приезда хозяина. В Зубалове Сталин в последние годы почти не появлялся, а полный штат прислуги и охранников состоял на довольствии – как и на других дачах под Москвой и на Черноморском побережье. А колхозники в это время вкалывали бесплатно, за «палочку» в трудовые...

– Конечно, «при Кремле» легче было прокормиться. Некоторые нагтели от безделья, жирели. Дед не раз пытался урезать рацион семьи, угрызаясь, что питание слишком дорого. Не получалось! Это встречало не явное, но совершенно непреодолимое сопротивление – прислуге ведь должно что-то оставаться. Помню, кто-то пожалел подавальщиц, плоховато будто бы живут. Ма вспыхнула:

– Да они лимоны в воду выжимают!

Так официантки делали себе лимонад. Тогда это была неслыханная роскошь.

Встречались, разумеется, и корыстные люди, и фальшивые. Но были и те, кто любил Деда искренне. После его смерти Дуся дала в церкви обет помогать нам с Ма, что бы ни случилось, и сдержала его. Хотя у нее появилась своя семья. Она еще при жизни Деда вышла замуж за молодого и красивого киномеханика, звали его, помню, Сергей Иванович.

– Если уж разговор зашел о киномеханике – что вы помните о знаменитых просмотрах, на которых решались судьбы советского кино?

– Я на таких сеансах не присутствовала. Знаю, что на дачах у всех были кинозалы. У Деда, у Власика, у Васи, у Щербакова, Поскребышева. Существовал список фильмов, которые можно было заказать, и специальный человек их привозил. Из наших, помню, не раз смотрели «Волгу-Волгу», были в списке «Веселые ребята», «Цирк».

Но Светлана, а в отсутствие Деда заказывала она, обожала трофейные, голливудские. В Зубалове смотрели «Королеву Крестину» с Гретой Гарбо, «Огни большого города» Чаплина, «Али-Бабу и сорок разбойников»... Однажды и я осмелилась заказать английский фильм «Ромео и Джульетта». Мне он так понравился, что я заказала его еще раз. И смотрела в полном одиночестве – это был как раз день свадьбы Светланы с Юрием Ждановым. Старшим, занятым хлопотами, было не до кино.

Так вот, о киномеханике и его жене. Эта пара ничего общего не имеет с теми забытыми людьми, каких вывел в своем фильме «Ближний круг» Андрон Кончаловский. По Кончаловскому, жена киномеханика, какого-то бледного недочеловека, совращенная органами, превращается в проститутку. И в конце концов, не выдержав душевных мук, вешается.

А «прототип» этого персонажа, наша любимая Дуся, была веселым человеком, с характером, однако, довольно своенравным. Деда она обожала, и не только за «теплое» местечко. Он был с прислугой неизменно вежлив, внимателен. Несколько раз ей помогал, причем без всяких просьб с ее стороны. Помню, квартиры у Дуси сначала не было и что-то с дочкой случилось. Дед заметил, что она расстроена, помог. Дуся до конца своих дней была со мной рядом – в память о Деде.

– После смерти Сталина ее уволили?

– Нет. Она еще долго работала на так называемых «гостевых дачах», где останавливались приезжавшие из-за границы в Союз высокие начальники. Кстати, ненавидела Фиделя Кастро. Он валялся на кроватях, покрытых шелковыми простынями, в сапогах.

– Вот Рауль, брат Фиделя, – говорила Дуся, – хороший – сапоги снимает.

Она мне помогала, когда еще работала, и уж, конечно, когда ушла на пенсию. Мой сын требует больше забот, чем здоровый ребенок.

– Были у вас мысли переехать к мужу в Алжир, когда это стало возможным?

– В России есть условия для таких, как Селим. Он пять лет ходил в специализированный детский сад, единственный в Союзе. Его организовала замечательная женщина – Эмилия Ивановна Леонгард из Института дефектологии (сейчас это Институт коррекционной педагогики. – *Авт.*). Бесценная помощь дефектологов позволила подготовить сына к учебе в обычной школе – он прекрасно умеет «читать» по губам. Но выучить таким образом арабский язык, конечно бы, он не смог.

– Чем он занимается сейчас?

– Селиму двадцать два года. Учится на втором курсе художественного колледжа при Центре реабилитации инвалидов. У него обнаружились способности к живописи. Недавно женился. Так вот, благодаря Дусе, верному человеку, Селим знает, что такое бабушка – ведь Ма умерла задолго до его рождения, даже до моего знакомства с мужем... (Селим стал художником, поселился в Рязани – *Авт.*)

Сложились карикатурные представления о том, какой ужас наводило на людей имя Деда. Но сужу хотя бы по своей школе – я никогда не чувствовала какого-то особого отношения учителей. Я была очень слаба в математике. Учитель часто вызывал меня к доске, давал задание и начисто забывал о моем существовании. Можно было простоять так целый урок. Иногда даже казалось, он мучает меня специально. И моя фамилия ничуть тому не мешала. Дети, сколько помню, тоже держались со мной естественно. Кто-то не любил и не упускал случая это показать. Нормальные были отношения.

– И вы никогда не чувствовали себя особенной девочкой? Повсюду висели портреты вашего Деда. Когда мать арестовали, какое-то время вы жили со Светланой в Кремле. Даже собака у вас была необыкновенная. (Пес Веселый стал всесоюзной знаменитостью – он зимовал на льдине с папанинцами, после чего его подарили Сталину. А вот в каком бомбоубежище внучка Сталина пережидала бомбежки во время войны. Из ее же воспоминаний: *«Лифт бежал вниз мягко и долго. Стоп. И снова молодой постовой, высокий и неподвижный, и неширокий коридор в обе стороны с выходящими в него дверями. Мы оказываемся в маленькой, уютной комнатке, где на секретере горит неяркая лампа, а на коротеньком диванчике лежит клетчатый плед. Светлана укладывает меня и накрывает (время совсем позднее), а сама садится за секретер и начинает что-то писать золотым пером в бледно-зеленой тетрадке... Кажется, она пишет про нас и про комнату (почти не думая и улыбаясь...) Или нет? И кому? Как все необычно! Комната, нежный свет, она за непонятным письмом, и это глубоко под землей, под той самой площадкой (в Кремле. – Авт.), где столько раз мы... гуляли в кольце широких голубоватых елей. Последняя в моей памяти воздушная тревога»*).

– Неужели не чувствовали, что Вы – не как все?

– Конечно, что-то такое ощущала... Если живешь на даче, окруженной высоким забором, за который нельзя выбежать просто так, потому что захотелось... Как-то в сумерках я въехала на велосипеде в «куст», оказавшийся солдатом-охранником в плащ-палатке.

Еду на даче готовила и подавала прислуга, она жила во флигеле, сообщавшемся с основным домом крытым коридором. Если хочешь есть, надо позвонить по специальному телефону, и принесут. Еда, кстати, была самая простая. Суп с лапшой, котлеты с жареной картошкой. Детям совали без конца омлеты с зеленым луком и гурьевскую кашу, я ее в конце концов возненавидела. Вот что мы просили без конца, так это бутербродики. Их очень здорово делали, маленькие такие.

Но все было достаточно просто и со стороны взрослых – строго. Единственное «излишество», которое я в состоянии вспомнить: в Зубалове часто горел камин, даже летом. И были отутюженные до блеска скатерти.

Как-то я ездила в Крым со Светланой и ее маленьким тогда, в 1949-м году, сыном Осей. Жили мы в бывшем дворце Воронцова. Помню живописную лошину в горах и небольшой огороженный пляжик – только для нас. Дворец походил на музей, и было строго запрещено трогать какие бы то ни было предметы. Конечно, летом, в Крыму всегда здорово. Но все равно порой находила скука. Любимая подруга осталась в Москве, ее не позволяли брать даже на дачу в Зубалово, а уж в Крым – тем более.

– Она была не из вашего круга?

– Да нет, просто жила в нашем доме двумя этажами выше. Галя ее звали. Откуда-то я знала, что отец ее разведчик, служил на Дальнем Востоке.

– И все-таки его дочери путь на вашу дачу был закрыт... Зубалово с прислугой и охраной. Дворец на Черном море, хоть и не собственный, а казенный. Черная «Татра» тетки... Думаю, в Москве в то время были считанные иностранные машины. Все это поднимало вас в собственном сознании? Ощущали вы жесткую иерархию?

– Нет, для этого я была слишком мала. Иерархию если и ощущала, то в другом. Допустим, подруга не читала такой-то книги, от которой я была без ума – и для меня она уже стояла ступенькой ниже.

– Ваш сын знает, кто его прадед?

– Я долго не говорила. Но когда подрос, решила. Нужно было его подготовить к неожиданностям. И они не заставили себя ждать. Во время какой-то очередной антисталинской кампании, уже во времена Горбачева, и Селиму досталось за принадлежность к семье... Он прибежал домой взъерошенный, глаза отчаянные. Мальчишки, здоровые, сильные мальчишки,

сломали его велосипед. Одни держали Селима, а другие на его глазах сладострастно курочили машину – за Деда.

– **Помните день его смерти?**

– Конечно. Светлана привела нас с Осей в Колонный зал. В гробу лежал не Дед, а кто-то чужой. Стало очень страшно, захотелось плакать. Но кругом были люди, и я понимала, что заплакать никак нельзя. Потом мы с Осей оказались у Светланы дома, нас посадили есть. А Ося смотрит на меня и смеется, совсем еще маленький был:

– А что это у тебя нос крутится?

Это я корчила гримасы, изо всех сил стараясь удержать слезы.

– **А мы с подругой, обеим по тринадцать лет, слез сдержать не могли. Рыдали, будто наступил конец света. Побежали на Красную площадь, там все трибуны уставлены венками, тысячи, тысячи венков... Подняли опавшие лепестки роз и поклялись хранить их всю жизнь. А в это время моя сестра с группой сокурсников из МГУ пробивалась в Колонный зал по каким-то чердакам, так как обычным путем проникнуть к гробу Сталина было невозможно. Пускали уже только людей с живыми цветами. Родители потом здорово отругали нас с подругой: как мы смели прикасаться к венкам! Боялись неприятностей. И все понимали: смерть Сталина – грандиозное событие. Как вы жили потом, без Деда?**

– Мы с мамой получали пенсию, нам хватало. После ее смерти эту пенсию платили мне – до самого окончания аспирантуры. За нами закрепили, за плату, дачу в Жуковке-III. Есть Жуковки трех категорий, наша была самая низшая. Жуковка первой категории – «высшего сорта», зимняя дача с прислугой. Немного похуже, второго сорта – зимне-летняя дача, смешанная. Нам предложили летний домик. Но мы все равно очень обрадовались, мама тяжело болела. После XX съезда ее открепили от кремлевской поликлиники. Правда, меня каким-то чудом в «Кремлевке» оставили, что стало потом особенно важно из-за сына. Но в горбачевские времена выгнали и нас.

– **Освободили места для новой элиты. Как вы восприняли эту последовательную утрату привилегий? И как к ним относитесь сейчас?**

– Легко... Привыкла – отвыкла, только и всего. А привилегии... Наверное, в нашей стране без этого невозможно. Не мы воспользуемся ими, так другие.

– **Какие годы оказались самыми трудными для вас?**

– Все оказались трудными. Наверное, только детство было безоблачным. Потом уже все давалось непросто. Со второго захода поступила на филфак, до этого год не работала, готовилась. Потом аспирантура. Сын-инвалид, редкие встречи с мужем... Но я, конечно, не чувствую себя чуть ли не жертвой постсталинских репрессий, как это написал один недобросовестный журналист. Что-то вроде того, что живу в бедности, у меня ничего нет. Почему это ничего нет? У нас дружная семья, квартира.

– **А машину могли бы купить?**

– Увы, не на что. На жизнь хватает только-только. Муж работает один, я занимаюсь сыном. Иногда, если удастся освободить часть дня, пишу что-то вроде рассказов. Еще никому их не показывала.

– Чему научила вас жизнь?

– Терпению. К сожалению, я поздно к этому пришла и полжизни делала трагедии из пустяков. А мир полон реальных трагедий.

– **Вы общаетесь с родственниками, со Светланой?**

– Поддерживаю отношения с детьми Васи – Надей и Сашей, в основном по телефону. Саша, он театральный режиссер, приглашает на премьеры. А вот с Осей, сыном Светланы, почти не общаемся. Она нас всех сумела перессорить. Еще в молодости Светлана была разди-

раема каким-то внутренним разладом, с годами это привело к катастрофической неуравновешенности. Я ее любила и очень старалась быть покладистой. Не получилось!

Старшая дочь Светланы Катя оказалась умнее всех нас – она отказалась встретиться с матерью во время ее недолгого, на полтора года, возвращения в Союз в 1984 году. Кате исполнилось шестнадцать лет, когда Светлана бросила семью, страну, где жила, и уехала в Америку. Девочка была очень привязана к матери и отъезд ее восприняла, как предательство. С тех пор они ни разу не виделись. Катя стала вулканологом, уехала на край света, на Камчатку, где и живет по сей день.

Младшая, Ольга, от американского мужа, очень славная, живет в Америке. Она родилась в США. Но, говорят, хорошо вспоминает о Грузии, где провела во время той поездки со Светланой целый год. А сама Светлана живет в Англии на пенсию, которую ей платит правительство Великобритании. Говорят, трудно живет...

Галина Джугашвили умерла в 2007-м году в госпитале имени Н. Н. Бурденко после долгой болезни. Последние годы жизни она посвятила поискам правды об отце. Дочь была убеждена: он не был в плену, погиб в бою. И все десять снимков с Яковом Джугашвили, обнаруженных немцами, сделаны с помощью монтажа, обильной ретуши и приема «зеркального отражения». Но что могла отыскать любящая дочь? Архивы, слегка «приоткрытые» в годы перестройки, вновь наглухо запечатаны.

Василий Сталин

Его не щадила молва даже в годы, когда за распространение «порочащих слухов» можно было заработать десять-пятнадцать лет лагерей. Молниеносная, не по заслугам, карьера, безудержное пьянство, похотливость, жестокость, самодурство – из таких штрихов складывался портрет младшего, любимого сына вождя.

Это вовсе не было клеветой. Но надо признать: младшему Сталину был предначертан такой жесткий сценарий, «переписать» который вряд ли смог бы даже человек незаурядного характера. Но как раз этого ему не было дано.

Его не стало в тридцать девять лет. И какой бы ни была истинная причина его смерти, умер Василий не от разрушительных болезней, не от яда, поднесенного подлой рукой (что до сих пор не исключено), а от невозможности жить нормальной жизнью, для какой предначерчен человек. Такая вот причина смерти: невозможность жить.

Имя сыну дал Сталин по одной из своих партийных кличек. Василию исполнилось 11 лет, когда застрелилась мать. Надежда Сергеевна не имела возможности заниматься детьми, этому мешала всегдашняя, с самой юности, занятость, которая не позволила Наде даже окончить гимназию.

Девочка, выросшая в семье революционера... В 1918 году Надя в свои семнадцать лет уже работает в Петрограде машинисткой Совнаркома. Днями и ночами она отстукивает грозные приказы народных комиссаров. После переезда правительства в Москву юная Наденька, уже жена Сталина, становится секретарем Ленина. Всегда поглощена делами, всегда в напряжении, всегда боится не успеть.

Васю родила в двадцать лет. Мальчишку судьба ей послала капризного. Надя, случалось, опаздывала на службу, к самому Ленину опаздывала! И переживала из-а этого отчаянно. Хотя вождь неизменно брал старательную помощницу под защиту.

В те годы женщине – члену ВКП (б) неприлично было отдаваться мещанским семейным заботам. И Надежда после смерти Ленина начинает работать в журнале «Революция и культура». Потом идет учиться в Промышленную академию. Специальность выбрала перспективную – химические волокна. В академии оказалась не случайно: в вузе с солидным названием учились партийцы, вчерашние герои революции. Она не герой, конечно, но, разумеется, страстный, убежденный большевик.

Любовные записки Наденьке еще до ее замужества носил Николай Бухарин, который дружил с Кобой с 1917 года. Странная то была семья: Иосиф Сталин и Надежда Аллилуева... Никто не мог понять выбора Надежды. Мрачный кавказец, на 22 года старше ее, с душой, выжженной революционной борьбой, подпольем, холодом одиночества. И она, лучезарная девочка...

Странный брак был обречен с самого начала. Друг детства Сталина Иосиф Иремашвили в воспоминаниях о первой жене вождя выделил главное: Екатерина Сванидзе смотрела на мужа «как на полубога». Для Нади Аллилуевой это было невозможно, уж слишком она была самостоятельная и по-революционному бескомпромиссная. Несовместимость этих двоих казалась столь очевидной, что родился слух, будто Сталин женился на девушке под дулом пистолета Сергея Аллилуева, отца Надежды.

В 1918 году Кобу послали с широкими полномочиями в Царицын (позже город был переименован в Сталинград – **Авт.**). Когда-то Царицын славился своими богатствами, но революция очень быстро разорила его и привела к жесточайшему голоду. Сталина послали туда навести порядок. Железной рукой.

В особом поезде вместе с ним ехала «группа товарищей». Среди них – Сергей Аллилуев с дочерью Надей, на тот момент машинисткой Совнаркома. Как говорит молва, Коба заманил

прелестную девушку в свое купе и соблазнил. Надя громко рыдала, и на помощь ей с пистолетом примчался отец. Испуганный Коба якобы пообещал немедленно жениться и сохранить деликатную тайну.

Странность их брака породила еще одну легенду, уже совсем чудовищную. Лариса Васильева в своей книге «Кремлевские жены» рассказывает:

«Однажды, это было примерно за неделю до седьмого ноября (рокового, 1932 года. – Авт.), Аллилуева сказала своей подруге, что скоро с ней случится что-то страшное. Она проклята от рождения, потому что она – дочь Сталина и его жена одновременно, этого не должно быть в человечестве, это кровосмешение, Сталин якобы сказал ей это в момент ссоры. Бросил в лицо: ты родилась то ли от меня, то ли от Курнатовского⁵. А когда она ошолбенела, пытался поправить положение: пошутил, мол.

Она прижала к стенке свою мать, которая в молодости хорошо погуляла, и та призналась, что действительно была близка со Сталиным и со своим мужем в одно время, вроде бы то ли в декабре 1900-го, то ли в январе 1901-го, и, если честно, не знает, от кого из них родилась Надя, хотя, конечно, она на законного отца похожа, значит, от него.

Аллилуевой все же стало казаться, что она – дочь Сталина, а значит сестра своих дочери и сына... Девушку эту, подругу, после самоубийства Аллилуевой никто нигде больше не видел».

Сплетни – род мести, Сталин ее тысячу раз заслужил. Но если попытаться истинно понять что-то в его личности, стоит прислушаться к тому, что говорит об отношениях матери и отца Светлана Аллилуева. Ей не дана слепота дочерней любви. Об отце Светлана написала так беспощадно, что тот, верно, содрогнулся в могиле:

«Многим кажется более правдоподобным представить его себе физически грубым монстром, а он был монстром духовным, нравственным, что гораздо страшнее».

Правда, лет через двадцать дочь сама ужаснется тому, что наговорила о человеке, чья кровь течет в ее жилах.

– Мой отец расстрелял бы меня за это, – сказала Светлана в интервью немецкому журналу «Шпигель» в 1958 году.

Посмотрим же, что пишет дочь, любившая родителей «зрячей», не прощающей изъянов любовью:

«Мать страстно, верно любила отца. Она шла с ним рядом, как маленькая лодка, накрепко привязанная к огромному океанскому пароходу, бороздящему бешеный океан.»

Старалась соответствовать – не роли первой дамы в государстве, это ее как раз тяготило, а громадности «парохода». При немыслимой своей загруженности – семья, учеба, работа плюс обязанности жены первого человека в стране – Надежда умела выкроить время и для уроков французского, и для занятий музыкой. Она *«старалась так, что сама не заметила, как росла и росла, и становилась серьезным, умным, взрослым человеком. А потом, должно быть, что-то и больше стала понимать, чем он сам».* Так пишет Светлана Аллилуева.

Отсюда иссушающая горечь, отравившая ее последние месяцы, дни. Это было разочарование в первой и последней – единственной любви. Отчего жизнь вдруг показалась бессмысленной. В последние годы Надежда серьезно думала о разводе. Няня, занимавшаяся детьми, слышала, как она потерянно жаловалась подруге:

– Все надоело, все, даже дети.

Но ей уйти от мужа – было нереально. Коммунистическая партия, как Ватикан, не одобряла разводов. Развестись можно было только по политическим мотивам. Развод с «врагом народа», например, партия поощряла.

⁵ В. Курнатовский – революционер, большевик. Был приговорен царским судом к смертной казни, бежал за границу.

Писатель Юрий Нагибин узнал эту среду изнутри. Одной из его жен в 40-е годы была дочь крупнейшего московского «красного директора», изображенного писателем в автобиографической повести «Моя золотая теща» под именем Звягинцева. Вот каким открылся писателю цвет партийно-хозяйственной номенклатуры:

«Признаться, я так и не разобрался в моральном кодексе этих людей, вернее, их среды, ибо в нем, в этом кодексе, причудливо уживались всевозможные табу чистых сердцем и разумом дикарей с такой моральной свободой, о которой я прежде не подозревал. Если упрощенно, то разрешилось почти все, но под покровом внешней респектабельности. Как потом выяснилось, многие друзья Звягинцева имели вторую семью – с квартирой, детьми, налаженным бытом. Об этом не говорилось вслух, если же случайно упоминалось, то не осуждения ради, а как данность. Но уйти к другой женщине и создать с ней новую семью считалось не просто аморальным, а преступным – злодейство, извращение, забвение всех человеческих приличий и норм. Негодяй изгонялся из среды».

Сколько браков не распалось из-за страха испортить карьеру! Но и сколько взаимной ненависти копилось в расчетливо сохраняемых семьях, зоологической ненависти! Иногда казалось, ее можно потрогать руками, я знала несколько подобных брачных союзов.

Развод же в семье «богочеловека», которого вся страна благодарит уже за одно то, что он живет на земле, был просто невыносим! Этот брак был обречен БЫТЬ до самой смерти одного из супругов.

Надя Аллилуева при всех сложностях взаимоотношений с мужем сумела все же наладить дом и воспитание детей. Вася до школы почти безвыездно жил в Зубалове. Дача в то время представляла собой настоящее поместье с цветниками, ухоженным садом, ягодниками и огородом.

Мальчишка рано стал проявлять свой трудный характер, и подобрать ему няньку было задачей непростой. Но когда в доме появился Александр Муравьев, все, наконец, вздохнули с облегчением. Этот чудесный человек, которого все звали учителем, круглый год оставался с Васей, учил его читать, считать, рисовать, даже ухаживать за кроликами, ловить ежей и ужей. С ним младшие Сталины ходили на рыбалку, жгли костры, собирали грибы.

Генеральный секретарь сам редко занимался детьми. Но когда это случалось, дело нередко кончалось семейной ссорой. Коба, не выпускавший из рук курительной трубки, любил, как об этом рассказывал Бухарин Троцкому, посадить годовалого Васю на колени, набрать полный рот дыма и пускать его острой струей сыну в рот. Это, естественно, вызывало у матери бурный протест. Но подлинный ужас испытывала она, наблюдая, как муж по грузинскому обычаю наливает крошечному сыну вино. Не напрасно ужасалась – тяга Василия к алкоголю стала заметна уже с детства.

Незадолго до смерти Надежда сказала дочери:

– Не пей вина! Никогда не пей вина!

«Это, – пишет Светлана, – были отголоски ее вечногo спора с отцом, по кавказской привычке всегда дававшего детям пить хорошее вино. В ее глазах это было началом, которое не приведет к добру. Наверное, она была права – брата моего Василия впоследствии сгубил алкоголизм».

Мать держалась с детьми строго, недоступно – из опасения избаловать наследников первого человека страны, от нечеловеческой тревоги за их будущее. Светлана, даже взрослой, не решалась повесить у себя в комнате фотографии матери последних лет.

«Лицо ее замкнуто, гордо, печально. К ней страшно подойти близко, неизвестно, заговорит ли она с тобой. И такая тоска в глазах... такая тоска, что каждому, при первом же взгляде этих глаз должно быть понятно, что человек обречен, что человек погибает».

Мог ли одиннадцатилетний Вася, избалованный, часто грубый, но в то же время и умный и любящий, не почувствовать скрытой драмы, которая неслась к развязке? Даже Светлана,

которой в то время исполнилось всего шесть лет, ощущала что-то неясно пугающее в доме. Впоследствии она сформулирует это: пружина, заведенная до отказа, должна была страшно распрямиться...

И все-таки мама, внешне суровая и не улыбочивая, оставалась добрым гением дома. К ним приходили друзья, устраивались шумные детские праздники. Собиралось, бывало, до двадцати-тридцати ребятишек – детей соратников по партии. (Не вокруг елки, о нет, новогодняя елка была большевиками запрещена, это ведь атрибут Рождества. Только в 1938 году всей стране разрешено было «сделать детям хорошую, веселую ёлку»).

Бывало еще как весело. В общем хороводе кружились дети Сталина, Троцкого, Бухарина, Молотова, Кагановича... Праздники готовились под руководством Александра Муравьева, а также воспитательницы Натальи Константиновны, которая учила сталинских детей лепке, рисованию, выпиливанию, чередуя это с занятиями немецким языком. Вот каким запомнила Светлана последний при жизни матери детский праздник в Кремле. Февраль 1932 года, ей исполнилось шесть лет.

«Ставили детский концерт: немецкие и русские стихи, куплеты про ударников и двурушников, украинский гопак в национальных костюмах, сделанных нами же из марли и цветной бумаги. Артем Сергеев (ныне генерал, кавалер всех орденов, а тогда ровесник и товарищ моего брата Василия), накрытый ковром из медвежьей шкуры и стоя на четвереньках, изображал медведя, – а кто-то читал басню Крылова. Публика визжала от восторга... А потом вся орава – и дети, и родители – отправились в столовую, пить чай с пирожными и сладостями. Отец тоже принимал участие в празднике».

Совсем как у Аркадия Гайдара в рассказе «Голубая чашка»: «А жизнь, товарищи, была совсем хорошая».

Да, с матерью была – жизнь!

Что Надежда Аллилуева значила для детей, стало особенно ясно, когда ее не стало. Помощники Сталина очень быстро сумели поставить дом на казенную ногу. Все, кто обеспечивал семье вождя безопасность, порядок, чистоту, готовил еду и стирал белье, под чьим бдительным надзором отныне предстояло детям жить, имели погоны Министерства государственной безопасности. Сталин не только не противился «военизации» дома, но даже как будто торопил перемены, стараясь жесткостью «истребить мамин дух во всем» (Светлана).

Василий пошел в школу. Учитель Муравьев исчез, его место заняли телохранители, возившие мальчика на уроки. Куда чаще, чем сверстников, видел Вася руководителей страны – Бухарина, Микояна, Ворошилова, Буденного... Двое последних, соседи по дачам, любили по воскресеньям прийти к Сталину с гармоникой и затеять после доброй выпивки песни и пляски.

Зловещая картинка. Герои гражданской войны отплясывают, весельем полнится дом Сталина, а родственники его умершей жены исчезают один за другим. Со всеми расправился Коба. Светлана уверена – он не смог бы додуматься до этого сам. Только Берия, льстивый и вероломный, мог родить такой дьявольский план – выжечь вокруг Сталина пустыню.

Те из Аллилуевых и их родственников, кому не пришлось хлебнуть баланды в зоне, либо сошли с ума, либо были расстреляны, либо скончались внезапно, получив известие о смерти близких.

Брат Надежды Сергеевны, «дядя Павлуша», несколько лет работал в Берлине. В конце 20-х годов он был послан советским военным представителем в еще дофашистскую Германию. Когда же он вернулся в Москву после долгого отсутствия, то был поражен тем, как поредел круг родных и знакомых. Пытался защититься перед Сталиным тех, в кого верил. Безрезультатно. Осенью 1938 года, вернувшись из отпуска, проведенного в Сочи, Павлуша обнаружил свое Автобронетанковое управление опустевшим после очередной волны арестов. Потрясенный, он

упал замертво прямо в рабочем кабинете. Это самая распространенная версия. Но дочь Павла Аллилуева утверждает, что все было совсем не так:

«Он пять лет не отдыхал, а тут получил путевку и поехал в Сочи. Возвратился красивый, загорелый. Утром поехал на работу. Я пошла в школу. В два часа дня звонят маме: чем это вы накормили мужа – его тошнит. А мама его ничем таким не кормила. Он работал как раз в помещении ГУМа. Мама хотела за ним приехать, но ей сказали, что отца уже отправили в Кремлевскую больницу, обещали держать в курсе. Она ждет, ждет – не звонят. Когда приехала, он был уже мертв. Врач говорит: что же вы так долго не ехали, он так вас ждал, хотел что-то вам сказать... А когда он приехал из Сочи, то показывал нам фотографии, и на одной какая-то красивая женщина с папиросой. И кто-то из моих братьев сказал: ты же бросил курить! Отец объяснил, что эта женщина предложила ему папиросу, неудобно было не взять. А тогда кругом были красивые женщины-стукачки. Я думаю: не эта ли папироса была отравлена? Потом маму обвинили, что это она травила, выдвигали обвинения самые чудовищные».

Виновницей этой внезапной смерти объявили убитую горем жену Павлуши – Евгению. Ее немедленно взяли под арест. Шесть лет она провела в тюрьмах. Выйдя на свободу, Евгения вступила в новый брак. Но вскоре арестовали и ее нового мужа, он отсидел в тюрьме тоже шесть лет.

Другой брат Надежды Аллилуевой сошел с ума.

Сестра ее Анна шесть лет отсидела за колючей проволокой и в конце жизни потеряла рассудок. Муж ее, Станислав Реденс, крупный работник в системе госбезопасности, расстрелян в 1938 году.

Сталин не пощадил даже родственников первой жены. Родной брат Екатерины, Александр Сванидзе, обвинен во вражеской деятельности и в 1942-м году расстрелян. Его жена, которую дети Сталина любовно называли «тетя Маруся», отправлена в ссылку. Там она узнает о смертном приговоре мужу и умирает от разрыва сердца.

Не осмелился Сталин тронуть только двоих – родителей Надежды. Но их жизнь была уже не жизнь, а страшно затянувшееся умирание...

В страшном доме, где разбивались сердца и судьбы, бродили никому не нужные дети. Их могла бы обогреть взаимная любовь, но и в этом отказано сестре и брату. В лучшем случае они не интересуют друг друга.

Василий стал кошмаром всей школы. Учителя старались пореже вызывать наглого, непредсказуемого ученика, чья фамилия не была даже вписана в классный журнал. На последней строчке внизу стояло лишь имя – «Василий».

Мария Сванидзе, та самая «тетя Маруся», которой суждено умереть от разрыва сердца, записывает в дневнике 17 ноября 1935 года (цитируется по книге Николая Зеньковича «Высший генералитет в годы потрясений»: «За ужином говорили о Васе. Он учится плохо. Иосиф дал ему два месяца на исправление и грозил прогнать из дому и взять трех воспитанников вместо него, способных парней. Нюра (Анна, жена Реденса, потерявшая от горя рассудок – **Авт.**) плакала горько. У Павла тоже наворачивались на глаза слезы. Они мало верят в то, что Вася исправится за два месяца. Отец верит, наоборот, в способности Васи и возможность привести себя в порядок. Он зачванился тем, что сын великого человека, и, почивая на лаврах отца, жутко ведет себя с окружающими. Светлану отец считает менее способной, но сознающей свои обязанности, Обоих считает холодными, ни к чему не привязанными, преступно скоро забывшими мать».

Кругом заботливые родственники, учителя, а Вася живет, как беспризорник. Удирая от надзирателей, торчит в кремлевском гараже. Он любит железки, копается в моторах. Для родственников было большой неожиданностью узнать, что этот мальчишка умеет водить машину.

Школу он терпел только потому, что отец мечтал видеть любимого сына, единственную свою надежду, офицером. А в военное училище без аттестата даже сыну Сталина нельзя. По-мальчишески влюбленный в Буденного, Василий хотел было пойти в кавалерию, но после гибели тогдашнего всеобщего кумира Валерия Чкалова решил, как и все мальчишки его класса, стать летчиком.

Характерная черта тогдашней жизни: после окончания школы всем классом на стройку, всем классом в авиацию. И так, «со всеми вместе» Василий поступил в авиационную школу в Каче, это под Севастополем. Жил, в отличие от остальных курсантов, в отдельной комнате и во многих рутинных, но обязательных мероприятиях участия не принимал. Часто получал посылки из дома. Но, надо отдать ему должное, всегда приносил их в казарму и устраивал общий пир.

Начальник авиашколы, слишком явно выделяя спецученика, в конце концов перестался. За создание особых условий Василию был отстранен от должности. И на каждом этапе жизни сталинского сына встречались подхалимы, готовые скорее пострадать из-за чрезмерного усердия, чем из-за недостатка его.

Новый начальник, должно быть, дни считал до того светлого дня, когда расстанется с курсантом Василием Сталиным. Писали, будто из-за его лености и вызывающего поведения ему даже не выдали диплома об окончании учебы. Это оспаривает Ф.Ф.Прокопенко, качинский инструктор: «Кто лучше меня, инструктора, может это знать? Диплом выдали, там стоит и моя оценка. В дипломе только отличные оценки. Все, что касается летного дела, только «отлично»... Воевал он смело: в бой бросался, завидев противника, буквально накидывался на него... Летал на всем, что летало. Как-то в самолет молния ударила, самолет стал неуправляемым, но он посадил его. Сам спасался и других спасал. И нигде потом не бахвалился. «Война есть война, здесь уж кто кого».

В один из своих приездов домой на каникулы на самом популярном тогда катке, на Петровке, 26, Василий познакомился со студенткой Полиграфического института Галиной Бурдонской. Вася умел кружить головы девушкам! Ухаживая за новой знакомой, он не раз выделывал трюки на самолете над станцией метро «Кировская» там неподалеку жила Галина – прямо у нее на глазах. Почти по Валерию Чкалову, легендарному летчику, совершившему в 1937 году первый беспосадочный перелет Москва – Северный полюс – Ванкувер в США. Тот, как известно, пролетел, красуясь перед возлюбленной, под мостом.

За шальные поступки Васю наказывали, но весьма робко и Сталину об этом не докладывали. Не догадывались, наверное, что между отцом и младшим сыном уже пролегла трещина. Наблюдая за безумствами и пьянками Василия, видя его безволие, «вождь всех народов», видимо, начинал понимать, что достойного наследника у него нет.

А плененная отчаянным поклонником Галина приняла его предложение руки и сердца. Вокруг таких фигур всегда кружат вихри слухов. Про Галину Бурдонскую говорили, будто это французская актриса, с какими-то стратегическими целями привезенная из Парижа специально для сына Сталина, и их знакомство на катке было подстроено. Видно, хороша была барышня, если – актриса, да еще из самого Парижа!.. Галина, действительно, имеет французские корни – ее прадед Шарль Поль Бурдоне в первую мировую войну был ранен под Волоколамском, попал в плен, вылез, влюбился, женился...

Молодые уехали в Липецк, к месту службы Василия.

Летчик он был способный, летать любил и умел. С его темпераментом и храбростью, чего не отрицали даже недоброжелатели, мог бы стать настоящим асом. Если бы не безнаказанность, если бы не пьянство.

Характерную сцену наблюдал молодой летчик, много позже рассказавший эту историю в газете. Он прибыл с экипажем на аэродром, старший офицер провел инструктаж: строжайшая дисциплина; курение, ввиду близости самолетов, категорически запрещено.

В это самое время на глазах у новичков на поле опускается самолет. Из него вылезает летчик и, не спеша, закуривает прямо на крыле. Офицер немедленно направляется к нарушителю и учиняет разнос. Но Василий (а это был именно он) кожаными перчатками хлещет старшего офицера по лицу и преспокойно продолжает пускать кольца дыма.

Что здесь правда, что – от устного народного творчества? Этого уже не узнать. Но многочисленные слухи, всю жизнь сопровождавшие младшего Сталина, питались его поступками.

И самые безобразные, они вовсе не мешали карьере. Уже через несколько месяцев службы младшего Сталина, как одного из лучших летчиков, направили на командный факультет Военно-воздушной академии. Войну Василий встретил в неполные двадцать лет в звании капитана, 1943-м году сын Сталина – уже гвардии полковник.

Представление об образе жизни Василия в эту пору дают воспоминания сестры:

«Возле него толпились незнакомые летчики, все были подбобострастны перед молоденьким начальником, которому едва исполнилось двадцать лет... Это подхалимничанье и погубило его потом. Возле не было никого из старых друзей, которые были с ним наравне. Эти же все заискивали, жены их навещали Галю и тоже искали с ней дружбы... В дом вошел дух пьяного разгула. К Васе приезжали гости: спортсмены, актеры, его друзья-летчики. И постоянно устраивались обильные возлияния, гремела радиолоа. Шло веселье, как будто не было войны».

Младшему сыну Сталина, как и старшему, уготованы были окружение и плен, из которых он тоже не вырвался. Плен не вражеский, а горячо дружеский. Подхалимы, по выражению Светланы, всю жизнь «за уши тащили» Василия наверх, не считаясь с его возможностями.

Желал ли отец быстрой карьеры сыну? Известно, Сталин несколько раз одергивал ретивых начальников, которые неприлично ускоряли должностной рост его сына. Но остановить стихию вождю не удалось. А может, рвение Васиных доброжелателей не так уж вождя и сердило? И служебные «успехи» младшего сына как-то тешили отцовское тщеславие?

...Василий рвался в бой. Но летать ему не давали. Отец запретил. В первом же боевом вылете в небе Сталинграда погиб сын Микояна Владимир, сбит сын Фрунзе Тимур, не вернулся с боевого задания сын Хрущева Леонид. И Яков в плену. Страшно потерять любимого сына. Однако Сталин, видимо, понял, что невоевавший военный летчик имеет изъян в биографии. И в январе 1943 года Василия назначают командиром полка истребителей, защищавших небо Сталинграда.

Сослуживцы младшего Сталина утверждают: на войне Василий не знал страха. Боялся, всю жизнь боялся, панически боялся только одного человека – отца. Возможно, в отчаянной дерзости его поступков присутствовало желание избавиться от унижительного трепета перед родным человеком, и он пытался вытеснить этот страх еще более сильным чувством?

Как-то на аэродром города Шауляя, где стояли советские войска, внезапно прорвались немецкие танки. Началась паника, летчики побежали прочь от своих самолетов. А к Василию в этот день как раз прилетела из Москвы жена. Он посадил в открытую машину свою Галю, она тоже, видно, была не робкого десятка, и выехал на взлетную полосу, перегородив дорогу бегущим.

– Трусые! Вот женщина, и та не боится! – кричал он.

Наступило отрезвление, пилоты вернулись к самолетам, машины удалось поднять в воздух.

С таким же жаром он мог отдаться любой прихоти. В том же Шауляе, только в другой раз, провожая жену домой, он настойчиво попросил ее забрать на соседнем аэродроме небольшую поклажу. Галина очень удивилась, когда ей показали... раненую лошадь, которую следовало

прихватить в Москву. Галя не выполнила экстравагантной просьбы мужа, но Василий все-таки сумел переправить животину в Москву и потом выходил ее у себя на даче.

До поры ничто не мешало карьере Василия развиваться со сверхзвуковой скоростью. В связи с каждым повышением на человека полагается составлять служебные характеристики. Можно посочувствовать командирам, которые должны были заниматься столь щекотливым делом. Пьянки, драки, шумные скандальные истории с женщинами скрывать становилось все труднее. Но как сказать об этом и не прогневить Верховного Главнокомандующего? Сталин мог быть недоволен сыном, но это его сын, и всякая критика Василия – рикошетом бьет в папашу.

Тем не менее, сохранилось несколько документов, где командиры прямо называют, наряду с положительными качествами, и недостатки Сталина-младшего: случаи рукоприкладства к подчиненным, несдержанность, нетактичность поведения на вечерах летного состава. Отмечают также, что у молодого летчика слабое здоровье, особенную тревогу вызывает состояние нервной системы, он крайне раздражителен – и все это отрицательно сказывается на летной форме.

В некоторых характеристиках звучит приговор:

«Занимаемой должности не соответствует».

Но кто же остановит карьеру такого человека? Она стрелой идет вверх. А в небо не пускают. На что тратить клокочущую внутри бешеную силу? Приходится придумывать развлечения. 23-го апреля 1943-го года Сталину доложили: Василий ранен. Оказалось, он, как показало расследование, организовал в районе города Осташков рыбалку. Один из авиаснарядов, которым глушили рыбу, взорвался в руках полкового инженера. Инженер погиб, Василий Сталин и летчик Котов ранены.

Ровно месяц вождь обдумывал решение. И рубанул: командира авиаполка Василия Сталина (ему всего 22 года! – **Авт.**) снять с должности и не давать каких-либо командных постов вплоть до его распоряжения. Полку объявить, что командир снимается с должности за пьянство и разгул.

Страна воюет, напрягая все силы. 1943-й год – это победа под Сталинградом, бои на Курской дуге, на Украине и в Белоруссии... А Василий не у дел, и это куда опаснее пули. Отец позволяет назначить сына инспектором истребительного авиакорпуса, но скоро за очередную выходку его приходится вновь отстранить от должности. Восемь месяцев сын сидит на даче во Внуково.

Но войну Василий Сталин закончил командиром истребительной авиационной дивизии, без ранений и контузий. Награды: два ордена Красного Знамени, Александра Невского, Суворова 2-й степени, медаль «За оборону Сталинграда».

Василий встретился с женой известного режиссера и *«по взаимной договоренности»*, как докладывали потом Сталину, они удалились на чью-то квартиру. Оскорбленный муж, узнав о случившемся, побежал за помощью к другу, начальнику личной охраны Сталина Власику. Тот посоветовал письменно обратиться к Генералиссимусу. Пришлось обращаться. Бумагу понес лично Власик. Вернулся с устной резолюцией:

– Василия посадить на гауптвахту, ее вернуть домой.

Анекдот? Люди знающие утверждают: факт. После отбытия наказания Василия по требованию Сталина-старшего понизили в должности.

А что с режиссером? Времена Иосифа Грозного вызывают ассоциации с царствованием Ивана Грозного. Историк Василий Ключевский описывает эпизод, относящийся к 18-му веку: опричники собрали по Москве самых красивых девушек и жен и привезли их к царю. Через некоторое время всех вернули в семьи. Вскоре все они умерли от унижения и горя. Мужья же *«скрежетали зубами, но молчали»*. Режиссер, надо полагать, тоже скрежетал зубами, но молчал.

...Однако сердце даже самого грозного отца рано или поздно смягчается – на детях «ломаются» даже самые сильные. В возрасте 27 лет, в 1948 году, Василию «вручают» пост командующего Военно-воздушными силами московского округа. Приказ о назначении подписан Николаем Булганиным, тогдашним министром Вооруженных Сил.

А вот под постановлением о присвоении Василию Сталину звания генерал-лейтенанта авиации от 11 мая 1949 года стоит уже подпись отца. Тогда же Василий становится и депутатом Верховного Совета СССР.

Появление Василия в штабе ВВС сразу взорвало сложившийся там строгий порядок. Если раньше в штабе было принято сидеть чуть ли не до полуночи, потому что «горит» на работе начальник, то при Василии Сталине все наоборот: задержка на службе стала наказуемой.

В штабе появилась театральная касса и книжный киоск. Компания сослуживцев с молодым начальником во главе регулярно выезжала на охоту: отстреливали уток в Астрахани, зайцев и кабанов в Подмосковье. Присутствие на северных трибунах стадиона «Динамо» считалось строго обязательным, если играла команда ВВС. Василий стал покровителем футбольной команды и увлекся этим со всей безудержностью характера. Того же требовал от других.

Незадолго до этого тренером команды ВВС стал будущий знаменитый хоккейный тренер Анатолий Тарасов. Вот что он рассказал мне за несколько недель до своей смерти о встречах со Сталиным-младшим:

«Как-то мне передают: был звонок от Василия Сталина – тогда еще заместителя командующего ВВС московского округа. Оставлен телефон. Я позвонил, ответила женщина, представилась:

– Жена генерала Сталина (в то время он уже расстался с Галиной Бурдонской и был женат второй раз – на Екатерине Тимошенко. – *Авт.*), Василий Иосифович сейчас подлетает к Москве, очень просил, чтобы вы позвонили, как только он окажется дома.

Я как раз собрался в Подлипки, где просматривал игроков для сборной. Несколько раз звонил оттуда, и жена все сообщала: приземлился, позвоните через полчаса... перезвоните еще... Наконец, между нами состоялся такой разговор:

– Здравствуй, – сразу на «ты». – Чем сейчас занимаешься?

– Просматриваю игроков.

– Не хотел бы со мной встретиться?

– Какой разговор! Где?

– У северных ворот стадиона «Динамо». Можешь быть через тридцать минут?

Я приехал. Вскоре подошла машина импортной марки. Василий Иосифович направлялся в Тушино на парад смотреть контрольные полеты. Предложил ехать вместе. По дороге сказал, что назначен заместителем командующего московским военным округом ВВС, и теперь футбольная команда подчиняется ему. И что он хотел бы сделать хорошую команду. Вечером приехали мы к нему домой, он жил тогда в Доме на набережной.

По итогам этого вечера я не понравился ему, он высказался вполне откровенно:

– Что же ты за тренер – не хочешь со мной пить. Со мной все пьют.

Но я не стал пить. Не мог. Было очень много работы. Я смотрел на жену Василия, Екатерину. Красивая женщина и, видно было, терпеливая. Выходя из себя, когда что-то шло не по нему, он на базах с ней говорил. Видно было, так привык на работе. Я тоже как будто бы властный мужик, но при чем здесь жена?

Планы он рисовал большие.

– Мы будем твою команду переделывать. Она у тебя солдатская, а я приглашу любого игрока.

Я возражал:

– Не нужно этого делать, Василий Иосифович. Мы из этих ребят создадим большую команду.

Он:

– Нет, я нетерпеливый человек, будем делать, как говорю.

Этот разговор, конечно, на душу мне не лег. Я почувствовал, что рано или поздно буря грянет.

Василий стал приезжать на тренировки. У команды не было никаких условий, ребята жили фактически в солдатском общежитии. Василий Иосифович при мне договорился с Микояном, чтобы дали нам пансионат.

Мне, конечно, импонировало, что он очень деловой. Все, что обещал, всегда делал. Это был широкой натуры человек. Мой брат Юра Тарасов играл в команде ВВС, и не было у него никакого жилья. Василий дал ему целый домик, кого-то переселил за сутки куда-то, привез мебель. И еще и новоселье устроил!

Но мы с ним все-таки характерами не сошлись. После одного из матчей против тбилисского «Динамо», когда мы проиграли со счетом 1:2, повез он меня к себе домой и говорит:

– Ты меня не хочешь слушать, и у тебя теперь будет начальником Капелькин. А ты будешь тренером.

А я Капелькина Серегу хорошо знал, вместе играли в команде мастеров ЦСКА, игрок он был выдающийся. Но тренер... Я, наверное, Василию слишком прямо сказал, что под Капелькиным работать не буду. Мы попрощались. Иду домой, и такая обида меня взяла! Я тогда считался одним из самых молодых тренеров. Дайте мне еще немного времени, я докажу!

Но дело сделано, об отказе своем я уже заявил. О последствиях этого несогласия сгоряча не подумал. Потом уже пытался понять, почему же Василий Иосифович, такой самолюбивый, меня не наказал? Когда пришел к своему начальнику, старшему тренеру ЦСКА Аркадьеву и все ему рассказал, тот немного успокоил:

– Нормально. Ты в штате у меня, в ЦСКА, а не у него. А чтобы никого не дразнить, будешь хоккейным тренером.

(Так вот с чего началась хоккейная карьера знаменитого тренера! – *Авт.*)

Мы не сошлись характерами, но я должен отдать ему должное – трезвым это был очень деловой человек. Все, что обещал, всегда выполнял. Но пьяным производил страшное впечатление. У меня был учитель, которому я на всю жизнь обязан – Михаил Товаровский. Тренировал киевское «Динамо», московское «Динамо» и, мне казалось, не вывел эти команды вперед только потому, что ему не хватало характера. Прекрасный теоретик! Но этого, казалось мне, мало, команде нужна твердая воля.

И как же я ошибался относительно характера моего учителя! Однажды на стадионе «Динамо» играла команда ВВС, уже с Капелькиным, и играла неудачно. В перерыве я зашел в судейскую комнату. И туда пьяный, разъяренный ворвался генерал Сталин. Я такой безобразной сцены не видел в своей жизни. Он гнусно оскорблял судей, ему казалось, они «засуживают» его команду. Все растерялись.

И тогда находившийся там Товаровский спокойно так говорит:

– Вы, генерал, находитесь в судейской комнате. Выйдите отсюда, и я вам отвечу на любые вопросы.

– А вы кто такой?

– Я государственный тренер и буду защищать судей.

Так я увидел, что неправильно думал о своем учителе. Человек становится смелым в борьбе за дело, которое хорошо знает, такой я сделал для себя вывод.

У нас со Сталиным случилось еще несколько встреч. Он привозил меня домой, уговаривал вернуться. Я сказал прямо:

– Василий Иосифович, не хочу работать в пороховом погребе.

Надо отдать ему должное, он воспринял ответ с юмором, хотя все же пытался убедить:
– Мы хорошо будем работать.

Я думаю, в конце жизни он о многом жалел. Что пил. Почему-то кажется, чувствовал вину за гибель футбольной команды ВВС. История такая. В матче ЦСКА-ВВС я играл за армейцев, я был играющим тренером. И мы в ключевом матче победили со счетом 3:1. Следующая игра у команды ВВС была назначена в Челябинске, а у нас – в Свердловске. Ко мне на следующий день пришел брат, а он играл за ВВС, и сказал: из-за того, что мы их команду обыграли, Сталин ломает расписание матчей, посылает игроков потренироваться тоже в Свердловск.

Наша команда поехала поездом, а Сталин был нетерпелив, потребовал для своей команды самолет... Получили мы в Свердловске в гостинице номера. Я собираю ребят, и тут подходит ко мне один игрок и говорит что-то совершенно невероятное: команда ВВС разбилась. Подлетая к городу, самолет рухнул рядом с взлетной полосой.

Я:

– Нет, нет, не может быть!

– Точно!

У меня нашелся телефон военного округа. Звоню по одному номеру, по другому... Информации не дают. Наконец, говорят:

– Тебя вызывает Жуков.

Маршал в то время был в «ссылке», командовал Уральским военным округом. От него и узнал, что команда действительно, погибла, и с ней мой брат.

Василий организовал похороны, обеспечил приезд родственников – все было, как сейчас бы сказали, по первому разряду. Он все любил так делать...

Я знал двух его жен, после Екатерины была еще Капитолина Васильева. Обе красивые, видные. Капа Васильева – пловчиха, героическая женщина, стала многократной чемпионкой СССР, показывала мировые рекорды. Так Василий в ее честь построил бассейн, он до сих пор служит на стадионе ЦСКА. Василий ничего не делал вполсилы. Если уж дарить, так бассейны...»

Царский жест генералу Сталину припомнили, когда готовили на него «Дело». Но об этом позже. Сначала хочу рассказать о Капитолине Васильевой – женщине, которой предназначался роскошный подарок в виде бассейна и о которой с таким восхищением отзывался сам Анатолий Тарасов.

Еще до встречи с Василием Капа стала звездой первой величины. О ней заговорили в 1943—44 годах, когда она жила в Ереване и выиграла две Закавказские спартакиады. После войны пловчиху пригласили в Москву в сборную команду СССР.

Капа к тому времени уже развелась с первым мужем. Не раздумывая долго, подхватила маленькую дочку, мать, и вскоре они уже обустроились в Москве, в комнатке общежития, которую получили от общества «Динамо».

Голода и холода, какими встретила южан послевоенная Москва, Капа не замечала. С детства была выносливой, упорной девочкой из «простой» семьи. Ей всегда приходилось рассчитывать только на собственные силы.

Чтобы перспективная спортсменка и члены ее семьи могли прокормиться, Васильеву зачислили преподавателем кафедры физкультуры Военно-воздушной академии им. Жуковского. Был и другой источник дохода – спорт. Тогда за рекорды еще платили. Это позже в течение многих лет спорт в стране социализма был занятием для энтузиастов. Профессиональным он снова стал только в годы перестройки.

Как-то выдали неслыханную сумму – 37 тысяч рублей! Капа, которой приходилось содержать еще и двух сестер, ликовала. Она чувствовала себя поистине миллионершей! Но бедному

жениться – и ночь коротка. Тут же случилась денежная реформа 1947 года, когда десять рублей превратились в один рубль.

И вернулось привычное, впрочем, ничуть не обидное, а даже бодрящее ощущение вечной нехватки всего. Капе еще не исполнилось и тридцати, ее сильное надежное тело не давало никаких поводов для тревоги. Без сомнения, ее ждут новые рекорды!

Московская вода оказалась для Васильевой «счастливой». Капитолина Георгиевна хранит телеграмму, которую послала своему тренеру с очередных соревнований: «Я выиграла восемь первых мест». В своем стиле плавания, кролем, она показывала мировые рекорды. Но они не могли быть зачтены официально: в 40-е годы в СССР были только 25-метровые бассейны, а по международным стандартам результаты на длинных дистанциях фиксировались только в 50-метровых.

Ей удалось почти невозможное. Потому что невозможно успешно соревноваться с противником, который отгорожен от тебя «железным занавесом» – ты не видишь его, не знаешь, как он тренируется, не имеешь даже приблизительного описания этих тренировок. Капитолина Георгиевна рассказывала мне, как страстно ей хотелось увидеть заграничных пловчих на воде, хоть одним глазком, ну хоть в щелочку! Увы!..

После войны партия поставила задачу: приблизиться к уровню мировых спортивных достижений. Поскольку возможности заглянуть «за бугор» не было, тренеры изобретали собственные «велосипеды». Особенно же налегали на интенсивные тренировки.

Спортивные победы, которые должны были еще больше возвеличить страну, одолевшую фашистского зверя, давались не просто тяжелым, но опасным трудом. Не имея достаточно даже «коротких» бассейнов, пловцы тренировались на открытой воде – в Москве-реке, в Химкинском водохранилище. С мая по август, в любую погоду бросались они в воду с неотступной мыслью: догнать и перегнать... догнать и перегнать...

Расплата за это Капитолине Георгиевне была – подточенное постоянным переохлаждением здоровье: искалеченные ноги, сведенные жесточайшим ревматоидным артритом суставы... Но она еще держалась в свои семьдесят пять лет, когда мы встретились! Хотя почти все ее ровесницы-пловчихи из тогдашней союзной сборной не дожили до такого возраста. Они не думали о своем здоровье. Кого же в молодости остановят «отдаленные седой зимы угрозы»?

Капитолина шла к новой серии рекордов, была в пяти минутах от серьезных достижений на новых дистанциях, когда случилась встреча с Василием. Говорят, будто очередной роман сына вождя начинался так: после заплыва, в котором Капитолина пришла первой, награды вручал Василий Сталин. Молодой, красивый командующий Военно-воздушными силами московского округа часто появлялся на соревнованиях и обожал участвовать в торжественных церемониях. Это придавало веса его персоне. Здесь он был в центре всеобщего внимания, ловил восхищенные взгляды. Сильнейшие и быстрее получали награды из его рук.

– Первое место – Капитолина Васильева! – объявил он.

Но Капа не сделала полагающегося шага вперед. Генерал повторил, уже громче:

– Первое место – Капитолина Васильева!

Тогда она выступила из общего ряда и наклонила голову, чтобы молодой генерал надел ей на шею чемпионскую ленту.

Ох, эта лента скорее была петлей...

– Почему ты не вышла в первый раз? – спросил потом Василий.

– Хотела обратить на себя внимание, – рассмеялась она.

Так говорят очевидцы. Но меня Капитолина Георгиевна уверяла, что в первую минуту просто не расслышала Василия Сталина, потрясенная тем, что видит перед собой сына великого вождя. Как бы там ни было, но стройная, красивая Капитолина могла привлечь внимание чуткого до женской прелести генерала и без таких штучек.

Через три дня в общежитии, где Капа жила с матерью и дочкой, случился переполох. К обшарпанному подъезду подкатил на шикарной машине адъютант генерала Василия Сталина с поручением узнать, каковы жилищные условия мировой рекордсменки. А еще через некоторое время позвонил сам генерал и пригласил Капу в гости.

При встрече он был краток и прям:

– Я сейчас в разводе, свободен. Предлагаю руку и сердце.

– Да вы меня не знаете! – вырвалось у Капы.

– Все знаю. Мне рассказали.

– Но у меня есть жених.

– Ну, это мы посмотрим.

Дальше история развивалась в том же бешеном темпе. Василий прислал роскошные цветы. Потом – билеты на Красную площадь, на майский парад 1949 года, предмет вождения миллионов советских людей.

Потом, ничего не объясняя, повез Капу на дачу в Зубалово, где к нему бросились двое детей, выглядевших сиротами: мальчик, постарше, и девочка. Это были Саша и Надя, дети Василия от первого брака. Оставляя Галину Бурдонскую, он забрал детей и строго-настрого запретил матери видеться с ними.

Говорят, Галина пила, и «трезвенник» муж не мог доверить ей ребят. Был грех, пила. С таким мужем или запить, или наложить на себя руки – другого не остается. Война, которая «все спишет», добила светло начинавшуюся любовь. Попойки, военно-полевые романы мужа на два дня или на два часа... Они с Галиной Бурдонской расстались.

Позже, году в 1946-м, неожиданно рядом с ним появилась Екатерина, дочка знаменитого маршала Тимошенко, героя гражданской войны. Она стала второй женой Василия. Правда, и с ней, и со следующей женой Василий состоял только в гражданском браке, поскольку до конца дней не удосужился официально развестись с Галиной Бурдонской.

Екатерина Тимошенко отнеслась к детям Галины с необъяснимой жестокостью: к себе не допускала, определила им жить только на даче, в отдельной комнате. Она родила Василию еще сына и дочь, им была заботливой матерью, но пасынков держала в дикой суровости.

Возможно, причина, как рассказывают, была в том, что эта женщина сама не знала в детстве материнской ласки. Будто бы будущий боевой маршал юным парубком влюбился в красавицу-турчанку, она-то Катю и родила. Поначалу не могла на девочку наглядеться, пела ей на своем языке. А однажды исчезла с каким-то красавчиком, больше ее не видели. Екатерина и сама была похожа на турчанку.

«Привез он Катю... Красивая она была, ничего не скажешь, только странная... сидит на кровати с ребенком (сын Екатерины и Василия, тоже Василий. – Авт.) на руках и ничего не замечает, распустив свои черные волосы, похожая на гоголевских колдуний». Такой описывала Екатерину Тимошенко Светлана Аллилуева.

«Колдунья» запрещала прислуге кормить Сашу и Надю без ее ведома, и ребяташки могли по три-четыре дня сидеть голодными.

Как-то раз, преодолевая страх, вылезли малыши ночью из окна и прокрались к дальнему флигелю, где, они знали, было овощехранилище. Что смогли нащупать в темноте, трясаясь от страха, то и схватили и помчались к себе в комнату. Как назло, под руки подвернулось самое невкусное – свекла. Чтобы не делать лишнего шума, решили ее не мыть и сгрызли в полной темноте вместе с приставшей к ней грязью. Внуки Генералиссимуса, перед которым трепетали миллионы!

...Капитолина увидела их в 1949-м году. Саше – 8 лет, Наде – на два года меньше. Дети стояли перед отцом и незнакомой женщиной грязные, в потрепанной, не по росту одежке. Девочка – в самых настоящих солдатских сапогах, только маленького размера.

У Капитолины закололо сердце.

– Почему ребята не с матерью? – спросила она с ужасом.

Василий ответил тоном, пресекающим дальнейшие расспросы:

– Я их отобрал, она это заслужила. Заменишь им мать?

Она не смогла сказать «нет».

После этого были три месяца счастья, годы испытаний и... И все равно она ничего не хотела бы в своей жизни изменить.

В Василии ощущалось то, что Хемингуэй называл «запахом зверя» – грубая, победительная мужская сила. Но когда он терял контроль над собой, то превращался просто в зверя. Жестокий, неуверенный в себе, изломанный... Но никто, кроме близких, не знал, каким он мог быть нежным.

Капитолина Георгиевна говорит – Василий был художник. Она никогда, например, не умела выбирать себе наряды. Что ни купит – то не по фигуре, то не к лицу. После войны на прилавках магазинов лежала только пыль в изобилии. Но в спецмагазинах, куда Капа теперь получила доступ, торжествовал коммунизм. Она чувствовала себя там не в своей тарелке. И чтобы лишний раз не появляться в элитном магазине, накупала отрезков ткани, на сколько хватало денег.

Стоило Василию бросить взгляд на пестрый ворох, и он уже все «видел»:

– Это отдай сестре, это для нее. Это сразу выбрось. А из этого – шей. Это для моей женщины.

Как умел смотреть этот мужчина!..

Капитолина Георгиевна каким-то очень бережным движением достает из шкафа белое жоржетовое платье изумительной работы со множеством крохотных рукодельных пуговок.

Понятно – сшито в спецателье. Платье почти пятьдесят лет, а оно новое; его, наверное, почти и не носили. Волшебный наряд предназначался совсем не для той жизни, какая ждала Капу.

– Наверное, дочка или внучка могли бы носить, – говорю я. – Сейчас как раз такая мода вернулась, послевоенных лет.

Но Капитолина Георгиевна сердито затворяет белое облако в шкафу.

– Никому это не нужно. Никому ничего не интересно.

Слова явно адресовались отсутствовавшим в этот момент домашним: дочери и внучке. Журналистам, например, «это» очень интересно. Но Капитолина Георгиевна не очень разговорчива. Похоже, страницу жизни, связанную со Сталиным, здесь хотели бы поскорее забыть...

Из Дома на набережной, где Василий раньше жил с Екатериной Тимошенко, они с Капой переехали в двухэтажный особняк на Гоголевском бульваре, дом 7. С ними здесь теперь жили его дети, Саша и Надя, а также Капина дочка Лина, чуть старше Саши.

Есть фотография – ребяташки подметают свой двор. Одеты кто во что попало. Капитолина Георгиевна смеется, показывая фото:

– Ну, прямо абиссинцы какие-то! Я их абиссинцами и называла.

Но глаза у всех хорошие. Еще одна фотография той поры: Василий стоит, прижимая к себе Сашу и Надю. На обороте сделанная его рукой надпись карандашом: *«Почему такая тоска в душе? А ребята уже научились улыбаться»*. Голодные, запуганные волчата улыбаются. Капина заслуга.

О Василии много написано. Канонический образ младшего Сталина: гуляка и хам, самодовольный наглец «без тормозов», умеющий выжать максимум выгод из своего исключительного положения. Но где-то в глубине истерзанной алкоголем души тлеет мучительная, неустрашимая боль человека, раздавленного непосильно тяжелой ношей, выпавшей на его долю – необходимостью быть достойным сыном своего отца.

Нелюбимый сын Сталина, Яков, был обречен существовать в умертвляющем поле отцовской холодности. Василий, единственная надежда Генералиссимуса, сломался от чрезмерного

внимания и чрезмерности возлагавшихся на него надежд. Возможности, предоставленные судьбой, слишком превосходили его внутренние ресурсы.

Василий – первый, но не единственный из кремлевских детей, чей характер был сформирован, а затем сломлен этим противоречием. Галина Брежнева в чем-то повторила его судьбу. Когда жизнь слишком щедро осыпает незаслуженными дарами, это ломает личность. Не отсюда ли и внутренние терзания Василия: *«Почему такая тоска в душе?..»*

Нежности и кротости Василия в отношениях с Капитолиной хватило ровно на три месяца. позже начались скандалы, попойки и, как поспешили уведомить Капу «доброжелатели», измены.

При этом сам он был необузданно ревнив. Еще до замужества с Василием Капитолина побывала в Чехословакии в составе первой в СССР спортивной делегации, выехавшей за границу. Там ей подарили серебряную пудреницу. Изящная вещица сразу чем-то не приглянулась Василию. Как-то они ехали вдвоем в машине. Капа решила попудриться, достала чешский подарок... Он молча с яростью выхватил пудреницу и швырнул за окно в речку. Приревновал к неведомому дарителю.

Плывать запретил Капиолине столь же решительно. Однажды в квартиру на Гоголевском бульваре позвонили из спорткомитета СССР. Трубку взял генерал Сталин и был уязвлен – спрашивали не его. Некий мужчина сообщил Васильевой, что принято решение о присвоении ей звания мастера спорта СССР. Нужно только оформить кое-какие документы. Узнав об этом, уже совершенно невменяемый от злобы Сталин-младший перезвонил спортивному начальнику и прокричал в трубку, что требует забыть имя пловчихи Васильевой, а заодно и ее телефон.

Так Капитолина не стала мастером спорта и не добилась новых рекордов. И сейчас, в ее 75 лет, тлеет у нее в душе обида. Да и другое есть обстоятельство: при скудной пенсии дополнительные деньги за звание были бы не лишние.

– В общем, вырвали меня из спорта с корнем.

Она непоследовательна, эта женщина. Как и все истинно любящие женщины. Только что сама же рассказала безобразную историю со звонком, но не хочет сказать *«Василий вырвал из спорта»*. Что уж мертвого-то топтать? Вспомнила дурное о нем, и тут же пожалела. *«Вырвали»*. Будто сделал это кто-то неведомый, плохой, к Васе никакого отношения не имеющий.

А как же бассейн в подарок? Если уж из спорта «вырвали»... Я почувствовала себя обманутой – какая легенда рушилась на глазах!

Был, был бассейн! Точнее, начинался. Капиталина все время доказывала Васе – нужен 50-метровый бассейн с подогревом воды. Хватит гробиться пловчихам, тренируясь в холодных реках! Застуживаются так, что не могут потом детей рожать.

И Вася послушался ее. Развернул строительство бассейна на территории Центрального аэродрома, рядом со стадионом ЦСКА. Но деньги, которые вытряс Бог знает из кого, скоро кончились, и много лет Васина незавершенка пугала прохожих дырой развороченного котлована. Незаконченная стройка стала метафорой его жизни: порыв – страсть – пугающая бессмысленная яма.

Деньги на бассейн Василий просил даже у отца, когда тот пригласил молодых отдохнуть вместе с ним две недели на одной из своих дач на Кавказе, на озере Рица.

То был мучительный для младшего Сталина отдых. Вася сторонился отца. В последние годы он стал никудышным летчиком. Руки из-за хронического алкоголизма дрожали так, что он уже не мог удерживать штурвал и летал либо вторым пилотом, либо «пассажиром», что для военного летчика просто-таки позорно. Нервы расшатаны непоправимо, а отец всегда может так пришибить обидным словом... К тому же рядом с отцом нельзя выпить, а без алкоголя

Василий совсем не мог. Из-за страха перед отцом, на всякий случай он всегда садился у противоположного конца стола.

«Лично! Товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу. Считаю своей обязанностью доложить Вам о состоянии здоровья Василия Иосифовича. 16-го ноября с.г. у Василия Иосифовича внезапно (дома около часу ночи, во время просмотра кинокартины) развился эпилептический припадок – полная потеря сознания, общие судороги мышц тела, прикус языка и выделение из полости рта пенистой жидкости... К сожалению, за последние 7 – 10 дней Василий Иосифович вновь стал пить и в связи с этим снова появились симптомы резкой интоксикации, отвращение к пище, похудение, повышенная раздражительность, плохой сон. Убеждения и требования врачей прекратить употребление спиртных напитков ни к чему не привели. Прошу Вашего содействия. Начальник Лечебного-санитарного управления Кремля П. Егоров. 9.X11.50».

Еще летом этого года они с Капитолиной, наверное, выглядели счастливой парой. Молодая женщина в ослепительно белом платье, солнечное небо, синие воды Рицы под стремительным скутером – все это радовало Василия. Он мог часами носиться на скутере, обожал быстрый полет на волнах.

Капитолина научила его кататься на акваплане, это прообраз водных лыж, где вместо двух лыжин – одна доска. А вместе с ним обучила этому искусству и его друзей – маршалов авиации Жигарева и Савицкого, отца будущей космонавтки, чем ужасно гордится до сих пор.

Две недели, четырнадцать дней вблизи отца, в условиях «полусухого закона» – такого «рая» Василий вынести не мог. Маялся, вздыхал, все время пытался внушить Сталину-старшему, что его ждут в Москве неотложные дела.

Реакция была нулевая. Коба умел вот так не замечать того, что его раздражало.

Василий подбивал Капитолину:

– Скажи, нам надо ехать, стройка стоит. И денег на бассейн попроси.

Тесть внимательно выслушал ее, попыттел трубкой и вынес резолюцию. Звучала она неутешительно:

– В Белоруссии до сих пор живут в землянках люди, которые защищали от фашистов страну. Подождите с бассейном. Все будет.

Василий поймал момент, когда отец находился в благодушном настроении и снова напомнил, что ему срочно надо ехать.

Сталину, видно, это надоело.

– Надо, так надо.

Подав руку Капитолине. С сыном же демонстративно прощаться не стал.

Разговор о деньгах, который Капа завела на берегу озера Рицы, видно, направил мысли вождя в совершенно новом для него направлении. Небожитель, он не нуждался в казначейских билетах и не представлял, как и на какие средства живут его дети.

Уже в Москве спросил у Капы, сколько они вдвоем с Василием зарабатывают. Оказалось, у Васи, генерала, оклад – пять тысяч. У Капитолины (она продолжала преподавать на кафедре физкультуры Военно-воздушной академии) – две с половиной. На алименты Екатерине Тимошенко уходили полторы тысячи.

– Той скромности, в какой мы жили, сейчас даже не поверят, – сердито говорит Капитолина Георгиевна. – У Василия был единственный штатский костюм, и тот купили, когда я взмолилась: не могу ходить все время с генералом! На него же все обращали внимание. А сейчас даже не хочу никому об этом рассказывать, вам вот только. Все равно ведь не поверят.

Я почему-то верю. Сталин в роскоши не купался. Кто-то вообще считает вождя сущим аскетом – известно, что он спал под солдатским одеялом.

Да, номенклатура жила достаточно богато. Но то было своеобразное богатство. Как говорится, ничего личного. Ни квартиры, ни машины, ни дачи, ни мебели. На каждой табуретке – инвентарный номер. Все – государственное, казенное, данное во временное пользова-

ние. И бойся, небожитель, выпасть из номенклатуры. Ты разом теряешь не место, не квартиру в хорошем районе, не гарантированные сосиски из спецбуфета, а нечто всеобъемлющее и прекрасное – любовное попечение о тебе государства.

О материальном обеспечении советской верхушки, в отсутствие достоверных сведений, всегда ходили волнующие слухи. Упорно говорили об открытых счетах в банках, которыми элита свободно пользовалась. Открытых счетов. Возжи, может, и не заводили, но имели все, что такие счета могли дать.

Профессионалы выживания оставались у власти десятилетиями.

Роскошествовать в те времена не было принято. Одевались стандартно-гускло: коммодобразные черные костюмы, неброских расцветок галстуки.

Кто-то и в те годы умел нажить состояние, но демонстрировать богатство мог решиться только безумец. Лозунг коммунистов: «Главное, чтобы у советского человека душа была красивая».

Александр Шелепин, в прошлом видный, как было принято говорить, партийный и государственный деятель, рассказал историку Дмитрию Волкогонову:

«После смерти Сталина, когда переписывали имущество генсека, выяснилось, что работа эта довольно простая. Не оказалось никаких ценных вещей, кроме казенного пианино. Даже ни одной хорошей, „настоящей“ картины не было. Недорогая мебель, обтянутые чехлами кресла, ничего из антиквариата. На стенах висели бумажные репродукции в деревянных простеньких рамочках... Кроме маршальского мундира из носильных вещей оказалась пара простых костюмов (один парусиновый), подшитые валенки и крестьянский тулуп».

Нарочитый этот аскетизм выглядел бессмысленной, жалкой уловкой на фоне огромного количества дач, построенных для Сталина в разных концах страны.

Чтобы как-то укрепить свой имидж, одной их определяющих черт которого считалось нестяжательство, в начале 30-х годов Центральный комитет коммунистической партии принял решение о том, что члены этого органа не имеют права получать гонорары за свои партийные статьи и книги.

Надежда Аллилуева возмущалась таким ханжеством. Лучше, считала она, брать деньги за то, что ты сам, лично, заработал, чем бесконечно, без всяких лимитов, лазить в казну за деньгами на домашние нужды – дачи, машины, прислугу... Они ссорились из-за этого со Сталиным, но переубедить старшего товарища по партии Надежда так и не смогла.

В 1947 году, после денежной реформы, обесценившей деньги в десять раз, было принято еще одно лукавое решение – об отмене бесплатного содержания семей Политбюро, дотеле, стало быть, имевшего место. Постановление, конечно, было секретным. Одну из величайших тайн партии всегда составляли ее привилегии.

До этого решения ЦК Светлана Аллилуева, как она вспоминает, вообще жила без денег, если не считать университетской стипендии. После 1947-го года отец впервые стал спрашивать, нужны ли ей средства и в каком количестве. Но Сталин не знал счета современным деньгам, не представлял, что сколько стоит. И, давая дочери десять тысяч рублей, был уверен, что дает миллион.

«Денег он не тратил. Их некуда и не на что было ему тратить. Весь его быт, дачи, дома, прислуга, питание, одежда – все оплачивалось государством. Для этого существовало специальное управление где-то в системе Министерства государственной безопасности, а там – своя бухгалтерия. И неизвестно, сколько они тратили... Отец и сам этого не знал. Он только интуитивно чувствовал, что улетают огромные средства... Он пытался как-то провести ревизию своему хозяйству, но из этого ничего не вышло – ему подсунули какие-то выдуманные цифры».

...Итак, на семью из пяти человек у Василия и Капитолины оставалось четыре тысячи рублей. Но эта цифра Сталину ничего не говорила.

– Это сколько же получается в день? – захотел уточнить он.

Нервничая, в присутствии Сталина все нервничали, Капа попыталась быстро сосчитать. Выходило рублей по двадцать пять на человека.

– Маловато, – расстроился Сталин. – Вот когда будет сотня в день, да еще бутылка сухого вина к обеду, жизнь можно будет назвать нормальной. А пока – неважная жизнь.

Скорее всего, ему и в голову не приходило, что заработок командующего ВВС сильно отличается от того, что имела какая-нибудь учительница или, тем более, колхозник. Крестьяне, бывало, и копейки не получали за каторжный труд на колхозных полях. И не умирали с голоду только благодаря спасительной картошке и огурчикам, которые выращивали на крохотных личных огородах...

После того разговора со Сталиным прошло месяца два. Однажды у дверей особняка на Гоголевском бульваре остановилась правительственная машина. Василий выскочил навстречу. Однако водитель, державший в руках пакет, деликатно, но твердо его отстранил:

– Мне Капитолину Георгиевну. Это ей.

На большом конверте красовалась сделанная рукой Сталина надпись: «*Зарплата И. В. Сталина за декабрь 1950 года*». Такие конверты с деньгами стали привозить регулярно, раз в два месяца. Получала их и Светлана Аллилуева. Она в то время только что развелась со вторым своим мужем Юрием Ждановым и осталась одна с двумя детьми.

Автограф «вождя всех народов» Капа хранила, пока он не умер. После этого сразу начались гонения на Василия. Посмотрела, как уводили ее невенчаного мужа, руки за спину, прикладами тычут в лицо, и тут же на всякий случай выкинула конверт, изорвав в клочки. Сейчас жалеет, ведь историческая вещь, реликвия, как ни говори! Но тогда ею руководил только жуткий, всепоглощающий страх за дочку, за Васиных детей, за себя самое. Что их ждет? Ощущение было такое, точно она стоит на дне ущелья, а сверху, затмевая белый свет, валится им на голову каменная глыба.

Присылаемая с нарочным зарплата Генералиссимуса, конечно, снимала материальные проблемы в семье Сталина-младшего. Но никто не мог спасти Василия от него самого.

Генерал вручил своих детей Капитолине и с азартом нырнул в свою, неведомую ей, бурлящую жизнь. Его постоянно окружали какие-то люди – футболисты, массажисты, журналисты, артисты, тренеры и непонятные темные личности, которые подбивали на гульбу и аферы. Светлана писала:

«...им вертели, как марионеткой, всю жизнь тянули наверх, не считаясь с его способностями и возможностями; ему давали ордена, погоны, автомобили, лошадей, его портили и развращали, извлекая из этого свою корысть».

Василий часто повторял:

– Я живу, пока жив отец.

И спешил схватить у жизни все, наживая новых и новых врагов. Редкие свидания с отцом сын использовал для того, чтобы свести с ними счеты. Недруги, а он умел их наживать мастерски, должны были чувствовать: Василий Сталин еще в силе!

Считалось, что большая группа летчиков именно с его подачи была арестована по обвинению в сознательном вредительстве, которое будто бы привело к отставанию нашей авиации от английской и американской...

Василий видел – отец дряхлеет, надо спешить.

Но все закончилось для Василия еще при жизни вождя. Военный Парад 1 мая 1952 года поставил точку в шальной карьере молодого командующего ВВС Московского округа.

В тот день пролет авиации над Красной площадью запретили на самом верху из-за ненастной погоды. Василий, пьяный уже с утра, мог этого не знать и отдал приказ эскадрилье пройти на бреющем полете над праздничной Красной площадью. Самолеты пронесли так низко над Мавзолеем, что Сталин испугался. Первая мысль была: покушение!

Разгневанный генералиссимус велел выяснить, кто осмелился поднять самолеты в воздух. Доложили: команду дал Василий Сталин.

– Дурак, неуч! – бушевал Иосиф Сталин при всех.

Расплата последовала немедленно – генералиссимус лично подписал приказ об освобождении сына от должности.

Чтобы хоть как-то занять неуправляемого отставника, Василия зачислили слушателем Военной академии имени Ворошилова. Он ни разу в ее стенах не появился. Неделями сидел на своей даче в Усово, погруженный в депрессию. Иногда наезжал в Москву, и тогда столица имела возможность обсудить пикантные подробности очередного дебоша. Его шофер жаловался: для хозяина не существует дорожных правил, особенно, если выпил. Сам нажимает на педали, то и дело требует выехать на встречную полосу.

Смерть отца показалась ему подозрительной. Василий считал: вождя «убрали» соратнички. И это стало началом новой серии грандиозных скандалов. Сын умершего диктатора ходил по ресторанам в поисках иностранных журналистов, которым жаждал рассказать правду. Кажется, не нашел.

Терпение властей истощилось довольно скоро. 5-го марта 1953-го года умер отец, 26-го марта Василий уволен в запас без права ношения формы, в апреле взят под стражу.

Следствие выявило злоупотребление служебным положением, растраты, рукоприкладство генерала Сталина, интриги, в результате которых его сослуживцы попадали в тюрьмы. На Василия давали показания все – от его адъютанта до начальников штабов и министра обороны. Обвинений хватило бы на десятерых.

Натерпевшиеся унижений от Сталина-старшего с мстительным наслаждением втапывали в грязь Сталина-младшего. Сколько вылилось на сталинского сына застарелой обиды и ненависти! Василий и Яков, Яков и Василий – оба, каждый по-своему, ответили за злодеяния отца.

Приговор гласил – восемь лет заключения.

Осужденный провел их во Владимирской тюрьме (где когда-то «мотала срок» и жена Якова Юлия Мельцер) под именем Василия Павловича Васильева. Фамилией Васильев Иосиф Сталин как Верховный Главнокомандующий подписывал некоторые директивы времен войны. Впрочем, совпадение здесь скорее всего случайное, вряд ли о таких тонкостях знали тюремных дел мастера в 1953 году.

...Задолго до ареста Василия Капитолина решила от него уйти. После своей позорной отставки он стал невыносимым. Как-то ударил ее кулаком в глаз. Испытанной в тот миг адской боли и обиды она не забыла и сейчас. Три хирургические операции с интервалами в несколько лет глаз не спасли. В тридцать лет с небольшим красавица Капитолина стала инвалидом.

Тянуть дальше было нельзя. От постоянного стресса Капа перестала есть, спать. И даже знаменитая кремлевская больница в Кунцево, санаторий в Барвихе не смогли вывести ее из болезненного состояния.

Это был рубеж, конец какой-то части жизни. К Василию, решила Капа, не вернусь никогда. И раньше убежала бы от изверга, да не хватало духу оставить на такого отца Сашу и Надю, сирот при живой матери. Галина Бурдонская жила в Москве, совсем близко, но Василий под страхом страшных кар запретил ей общаться с сыном и дочкой.

Однако Капитолине не суждено было и малой передышки. В Барвихе ее настигла весть о смерти Сталина. Она вспомнила, как Вася всегда твердил:

– Я живу, пока жив отец.

Теперь возьмутся за сына! Быстро-быстро женщина собрала вещички и с предчувствием новых бед помчалась к своему мучителю; спасти его, ненавистного и любимого. Капа отказывалась от жестокого, порочного, но не могла бросить поверженного.

При аресте все имущество Василия Сталина конфисковали. Капитолине, чтоб наскрести денег на поездки во Владимир и на передачи в тюрьму, пришлось продавать свои вещи. А хотелось (вот ведь непоследовательная женская душа!) побаловать несчастного узника и рыбкой хорошей, и икоркой...

Бегала по комиссиям, умоляла хоть за копейки взять платье, туфли. Как-то толстая, сытая приемщица швырнула назад Капино любимое вечернее бархатное платье:

– Длинные не берем!

Ночью она платье укоротила, подшила, как сумела. А утром на приемке стояла уже другая, симпатичная девушка.

– Зачем же вы укорачивали? – удивилась она. – За длинное мы бы вам больше дали.

Капа давно уже окаменела от обид, от страха за детей, от горя, которое, как она чувствовала, теперь уже навсегда с ней. Но после сочувственных слов приемщицы вся затряслась от рыданий. Не нашлось даже сил выскочить из магазина, спрятаться от чужих глаз...

Она бывала во Владимире еженедельно, часто вместе с Надей. Чтобы провести с Василием воскресенье, приходилось выезжать из Москвы в субботу вечером.

Начальство свиданиям не препятствовало, напротив, предоставляло для встреч специальную комнату. Такой вот семейный уикэнд с икоркой и, чего греха таить, рюмкой водки, за колючей проволокой. В Москве Василия Сталина уже не боялись, а в провинциальном городе Владимире имя самого скандального зэка Союза по-прежнему вызывало трепет.

Если Капа иногда позволяла себе пропустить неделю, он встречал ее проклятьями. На нее, единственную из всех его женщин, не оставившую его в страшный час, изливалась вся ярость этого необузданного человека.

Ах, если б знала она, какие показания в это же самое время давал следствию Василий!

«Одной из побудительных причин к этому (строительству бассейна. – Авт.) явилась мастер спорта по плаванию моя сожительница Васильева Капитолина. Васильева меня подбивала на сооружение водного бассейна и, желая угодить ей, а также рассчитывая популяризировать себя сооружением бассейна, я поставил перед собой задачу осуществить эту затею».

Как же мало семья знала о жизни Василия! *«Ряд лиц, числившихся инструкторами и тренерами спортивных команд, фактически не имели никакого отношения к спорту и, получая зарплату за счет ВВС МВО, обслуживали меня лично.*

В 1952 году был зачислен на должность инструктора второй категории хоккейной команды Евсеев Н. В., который в действительности являлся комендантом моей дачи.

За счет спортивных команд содержались преподавательницы моих детей Новикова К. И. и Августовская М. И.

Приглашенные мною из Сочи для художественной отделки и росписи моей дачи и квартиры художник Лошкарев и его помощник, фамилию которого не помню, в течение нескольких месяцев оплачивались за счет хоккейной команды по ставке инструктора высшей квалификации.

В таком же положении находились мои личные шоферы, массажист и даже моя сожительница Васильева Капитолина, получавшая зарплату как тренер команды пловцов, хотя в действительности она ничего в этой команде не делала.

Всем лицам, которые меня лично обслуживали, в том числе и Васильевой, ежемесячно выплачивалось до двух тысяч рублей каждому. Кроме того, большинству из них мною были предоставлены квартиры...»

Не пощадил Василий свою Капитолину, размазал, как мог:

«Продукты же этого моего хозяйства: молоко, масло, яйца, фрукты и овощи моя сожительница Васильева сбывала на рынке при помощи своей матери и сестер, которые постоянно проживали на даче».

Эта злосчастливая дача, именно злосчастливая, заслуживает того, чтобы рассказать о ней подробнее.

С первой женой, Галиной Бурдонской, Василий жил на другой, казенной, ничем не примечательной даче во Внуково. Второй жене Екатерине Тимошенко захотелось чего-то более достойного ее положения – все же невестка Генералиссимуса и дочь маршала! И со свойственной ей настойчивостью «железная» турчанка стала продавливать идею: надо строить собственный загородный дом.

В это время в поселке Усово, неподалеку от Зубалово и от полюбившейся советским вождям Барвихи, завершал строительство роскошного особняка герой только что отгремевшей войны Главный маршал авиации Александр Новиков. Место он выбрал для себя как нельзя более подходящее – на берегу Москва-реки, в окружении дач друзей-товарищей: Молотова, Микояна и других крупных тузов.

Новостройка выделялась своим великолепием даже на фоне окружавших ее элитных строений – маршал вывез из Германии все необходимое для дома, начиная с отделочных материалов, добротной немецкой мебели и кончая изысканным фарфором.

Уже близилось новоселье, когда маршал внезапно был арестован. Его обвинили в приемке неисправных самолетов. Светлана Аллилуева уверенно пишет, что Новикова забрали «с легкой руки Василия». Те же сведения находим в «Воспоминаниях» Хрущева:

«Говорили, что и на него (Новикова. – Авт.) донес Вася Сталин».

Верил ли Василий, что герой войны маршал Новиков переродился во врага? Испытывал ли к нему как авторитетному военачальнику профессиональную ревность? Или все гораздо низменнее – просто захотел (Екатерина заставила?) отхватить вызывающе лакомый кусок?

Какими бы ни были его истинные побуждения, но в результате дача Новикова перешла к сыну Сталина.

Новому хозяину счастья она тоже не принесла. Здесь жестокая Екатерина морила голодом детей Василия. Здесь супруги дрались после пьянок, случалось, до крови. Здесь же подошел к концу их недолгий, как все love-stories Василия, роман. Однажды он сказал:

– Все. Выметайся.

Екатерина, особа практичная, готовилась к расставанию загодя. Она прожила с Василием пару лет в послевоенной Германии – генерал Сталин командовал авиакорпусом, базировавшемся в городке Виттниток. Оттуда самолетами, как разносила молва, отправлялись в Москву трофеи, стандартный набор: мебель, ковры, хрусталь, фарфор, тряпки...

Что-то из этих вещей украсило квартиру на Гоголевском бульваре, что-то попало на усовскую дачу. Но немалую часть немецких трофеев Екатерина предусмотрительно не распаковывала, поместив многочисленные коробки в дачном сарае. Как только Василий произнес свое «Выметайся», отставная супруга вызвала из гаража министерства обороны несколько грузовиков, и военизированная колонна с немецким барахлом взяла курс на Москву.

Какая-то несчастливая была эта дача! Горести преследовали и ее будущих владельцев. После Василия Сталина в нее вселилась семья еще одной Екатерины – Фурцевой, первой женщины – секретаря ЦК и министра культуры СССР. Бывшая ткачиха была не чужда радостей жизни. Она энергично взялась усовершенствовать и без того роскошный по тем временам особняк – там появилась мраморная ванна, сауна, бассейн...

Это было крайне неосмотрительно со стороны секретаря ЦК: в среде партийцев все еще исповедовалась внешняя скромность. Как только положение Фурцевой пошатнулось, Михаил Сулов, тогдашний главный идеолог Центрального комитета, он же главный пуританин, создал ревизионную комиссию.

Проверка установила, что Екатерина Алексеевна сорила казенными деньгами. С этого момента ее карьера была окончена. Как утверждают, именно в усовской мраморной ванне Фурцева дважды пыталась перерезать себе вены...

Капитолина, которую Василий привез в Усово сразу после разрыва с Екатериной Тимошенко, боялась этого места. Всегда перед глазами стояли жалкие, несчастные Васины дети, какими она увидела их там впервые.

Теперь, после ареста Василия, Капа лишилась всякой надежды на то, что жизнь ее вообще когда-нибудь устроится по-человечески. Заведенной машиной моталась между тюрьмой во Владимире и домом в Москве...

Как-то вместе с Капитолиной в тюрьму поехала Светлана, оставившая запись о «мучительном» свидании с братом. На стене кабинета, где брат и сестра встретились, еще висел огромный портрет Сталина.

«Под портретом сидел за своим письменным столом начальник... Он был маленького роста, белобрысый, в стоптанных и латаных валенках. Кабинет его был темным и унылым – перед ним сидели две столичные дамы в дорогих шубах и Василий»...

Оставили портрет поклонники вождя или просто забыли его снять? Кто знает, но получилось так, что сын и здесь был унижен перед ликом отца.

Навещали Василия и дети. Надя об этих свиданиях рассказывала:

«Часто, когда мы его ожидали, через открытую дверь в коридоре было видно, как его вели. В телогрейке, ушанке, в кирзовых сапогах он шел, слегка прихрамывая, руки за спиной. Сзади конвоир, одной рукой поддерживающий ремень карабина, а другой державший палку отца, которую ему давали уже в комнате свиданий. Если отец спотыкался и размыкал руки, тут же следовал удар прикладом».

В тюрьме Василия настигло заболевание, в просторечии называемое «сосуды курильщика». В лучшем случае его следствие – хромота, в худшем – гангрена ног, спасти от которой может только ампутация. Это случилось, к слову, и с первой женой Василия Галиной Бурдонской.

Василий давал показания на Капитолину, мучился от болей физических. Но, хочется думать, и от душевных тоже. Днем предавал возлюбленную, вечерами точно стремился ласковостью слов снять с души совершенный грех:

«18.2.56г.

Мамка милая!

Первая ласточка, хотя и небольшая, но все же долетела... Хотя ты далеко, но с письмом как будто приблизилась и находишься рядом. Не думал, что листок бумаги может так взволновать. Ты не представляешь, как приятно в этом «дворце» получить даже такое небольшое и бестолковое, но теплое посланье!.. Твое тепло лучше всяких лекарств, и раз оно греет меня – мне сам черт не страшен!..

Крепко целую. Твой Василь».

«2.4.56 г.

Мамка – родинка! То, чего я так боялся, произошло. Просудилась... Проклятая конура. Но почему нет больничного? О чем думают ваши блюстители здоровья?.. Кроме нас самих, о здоровье никто заботиться не будет... Настроение отвратительное, но твердость моего духа может тебя не беспокоить. Хотя и трудно, но ничего. Отец часто говорил: «Для того чтобы из железа получилась сталь, его надо бить». Это, конечно, образно, но смысл в том, что за битого двух небитых дают. Сильный человек должен стать сильнее от такой передряги, а слонтяй расклеится».

«27.5.57 г.

Здравствуй, золотко!

Ну и погодка!.. Все наоборот: в марте ходили раздетые, а в мае замерзаем. В такую погоду только пить – под Вертинского. Но он взял и душу Богу отдал... Прочитал об этом сегодня в «Советской России» и вспомнил его песенку: «А мы пьем горькое пиво...» Песенка очень неплохая и как раз к этой погоде и моему настроению. С фокусами был старик, но пел, по-моему, хорошо. Душевно, по крайней мере, а не орал, что есть силы, как это делают некоторые молодые «таланты». Чем сильнее орет, тем лучше – как такой петух. Тогда лучшими певцами должны бы считать себя ишаки – уж орут-то они, действительно, непревзойденно. Чтобы согреться – замерз! – сегодня после работы работал. «Впихнул» в рамку твое Величество. Получилось неплохо, и настроение поправилось хоть немного...»

«22.4.58 г.

Здравствуй, Капа!

27-го числа этого месяца исполняется ровно пять лет, как я не был дома. Ты спрашиваешь: «Кто тебя навещает и бывает у тебя? Я интересуюсь, когда у тебя была последний раз твоя первая жена и когда вторая? Если тебе нежелательно говорить об этом, не настаиваю...»

Почему нежелательно? У меня нет тайн от тебя. Я тебя действительно люблю!

Не навещают ни одна, ни другая. Екатерина не навещает и не пишет, так как каждое навещание кончалось руганью из-за тебя. Я не скрывал от нее, да и ни от кого, свое к тебе отношение. Ее условие – бросить даже думать о тебе. А я этого не хочу! Изредка пишут Света и Вася. Вот и вся связь с ними... Галина приезжала два раза с Надей. Одна не приезжала. Никогда и ни перед кем я не постесняюсь назвать тебя человеком, которого действительно люблю! Приезжай и ни о чем не думай, кроме того, что тебя любят и ждут. Целую родинку свою дорогую и любимую, хотя и упрямую, как тысяча ослов, и колючую, как ежик: но мою любимую...»

Все годы заключения Василий не устал ходатайствовать о досрочном освобождении. Был полон отчаяния, метался. Писал всем, кто имел власть, обещая стать другим. И пользовался всяким удобным – или не очень удобным – случаем, чтобы это продемонстрировать: я – уже другой человек..

Письмо Василия к XX съезду КПСС датировано 23 февраля 1956 года. Съезд не закончен. Более того, еще не прозвучал исторический доклад Хрущева. Пришедший к власти новый вождь выступит с разоблачением культа личности Сталина только в ночь на 25 февраля, на закрытом заседании. А сын тирана уже спешит откликнуться на выступления участников съезда, всего лишь туманно предвещающие разоблачение его отца.

Это письмо Василия Сталина впервые опубликовано в 1996 году:

«Президиуму ЦК КПСС.

Считаю своим долгом – долгом коммуниста изложить Президиуму ЦК КПСС свое мнение по вопросу культа личности, – поднятому на XX съезде КПСС <...> Сказана – правда, вывод справедлив.

К такому мнению я пришел не сразу, а путем долгих раздумий.

Трудным для меня был этот путь – путь внутренней борьбы и противоречий.

Но какова бы ни была правда, хоть и горькая – она лучше миража.

Мне не с кем, кроме Президиума ЦК КПСС, поделиться этим не легко давшимся, но твердым мнением.

Надеюсь, что Вы поймете меня. Все остальные вопросы, выводы и задачи, поднятые и разоблаченные съездом, настолько жизненны, логичны и необходимы, что вызывают лишь гордость у любого честного человека за партию и ее Центральный комитет.

г. Владимир. 23 февраля 1956 г.

В. Сталин»

Как суетлив он в предательстве! А результата – никакого. Никто не спешит смягчить участь Сталина-младшего. Мужественная Капитолина уговаривает его терпеть и ждать конца срока, но это только приводит Василия в ярость.

Только в 1960-м году Сталина вызвал к себе Хрущев. Вася рассказывал потом близким: Никита Сергеевич принял его, как родной отец. Они расцеловались и оба плакали.

Итогом встречи стало досрочное – Василию оставалось сидеть еще около года – освобождение.

Его дочь Надя к этому времени стала уже барышней, училась в седьмом классе.

После ареста Василия Галина Бурдонская сразу бросилась искать своих детей. И с тех пор они жили вместе: Галина, Надя и Саша. Восемь лет дети жили с отцом без матери – семь лет с матерью без отца...

Как-то вечером Надя сидела дома одна. Время с того страшного дня, как забрали отца, тянулось ужасно медленно.

Зазвонил телефон. Надя сняла трубку. Знакомый голос произнес:

– Дочка, это я – твой папа. Я звоню с вокзала.

От растерянности она глупо спросила:

– Какой папа?

– У тебя что, их много? Отец бывает только один.

Василия восстановили в партии, вернули генеральское звание, назначили солидную пенсию, дали квартиру на Фрунзенской набережной, дачу в Жуковке. Как наслаждался он возвращенной свободой! Съездил с дочкой в санаторий, загорел, окреп. Жил мечтами о спокойном, размеренном существовании, в котором видел себя... директором бассейна. Быть может, эта мысль пришла ему в голову, когда он узнал, что их с Капой бассейн все-таки достроили – без него, в 1955 году.

Но долго продержаться не удалось. Уже в Кисловодске снова потянулись к нему приятели и собутыльники. По Москве с новой силой покатались слухи о гульбищах Сталина-младшего.

Было решено, что с Василием должен побеседовать Климент Ворошилов, давний друг Сталина, если можно считать, что у Кобы были друзья. Запись этой беседы, датированная 9 апреля 1960-го года, долго хранилась в архивах под грифом «Совершенно секретно». Ее опубликовал директор Государственного архива РФ, доктор исторических наук С. В. Мироненко в 1998 году.

Итак, беседуют старый и малый, легенда гражданской войны, Герой Союза, Герой Труда, восьмидесятилетний председатель Президиума Верховного Совета СССР и недавно выпущенный на свободу сорокалетний сиделец Владимирского централа, сын бывшего вождя всех народов.

«Ворошилов: Ну, рассказывай, Василий, как дела, как живешь?»

Сталин: Плохо, Климент Ефремович, работать надо, прошу помочь, иначе без работы пропаду.

В.: Я тебя знаю со дня, когда ты появился на свет, приходилось нянчить тебя. И я желаю тебе только добра. Но сейчас буду говорить тебе неприятные, плохие вещи.

С.: Слушаю.

В.: Прежде всего ты должен стать другим человеком. Ты еще молодой, а вон какая у тебя лысина, у отца твоего не было, хотя он дожил до 74 лет. Все это потому, что ты ведешь бурную жизнь, живешь не так, как нужно. То, что с тобой произошло, не должно больше повторяться. У нас социалистическое государство, мы строим коммунизм, боремся за каждого человека. Ты носишь фамилию великого человека, ты его сын и не должен это забывать. Ради его памяти тебе иначе надо жить. Ты не ожидал этого разговора?

С.: Ожидал, думал об этом.

В.: Помнишь, когда твой отец был безнадежно болен, а ты ходил пьяный по коридору. Я тебе говорил: брось пить, брось всякие нехорошие мысли. А потом ты стал пить еще больше. Как было горько видеть, когда Сталин не раз сожалел, что ты не умеешь себя вести. Сейчас вопрос так стоит: или тебя надо лечить, если ты не в состоянии сам начать новую жизнь, или ты соберешь свои моральные силы, возьмешь себя в руки и будешь вести себя как следует.

С.: Я Вас понимаю, Климент Ефремович. Вы во всем правы. Полностью с Вами согласен, мне надо исправляться, но для этого надо работать.

В.: Это не проблема. Но надо понимать, что ты находишься до некоторой степени на особом положении. Я бы на твоём месте изменил фамилию. Прямо тебе скажу. К тебе всякая сволочь лезет. Недавно ты отдыхал с дочерью в Кисловодске, и как ты там себя вел? Безобразно. Об этом нам все известно, и мы не имеем права об этом не знать.

С.: Я понимаю.

В.: К тебе потянулась всякая дрянь. Ты мог занять себя чем-нибудь полезным, читал бы хоть книги, писал что-нибудь. А ты вместо отдыха устраиваешь встречи со всякими сомнительными людьми, подхалимы тебя восхваляют. Имей в виду, эта братва тебя толкнет в какую-нибудь яму. Почему эти люди не помогут тебе встать на правильную дорогу? Вот у нас есть письмо, написанное на имя Н. С. Хрущева. Он сказал: будет у тебя Василий – прочитай ему.

(Ворошилов зачитывает письмо полковника запаса Тимофеева на имя Н. С. Хрущева о поведении В. И. Сталина в кисловодском санатории Министерства обороны. Во время чтения, там, где в письме говорится, что В. И. Сталин пьянствует и устраивает у себя в люксе оргии, В.И. говорит: Тимофеев сволочь, подлец он. Такие люди и хорошее могут изобразить плохим).

В.: Я не согласен, что Тимофеев сволочь. Он член партии с 1914 года. Ему жаль тебя, и он хочет помочь. Понятно, тебе это не нравится, а он говорит, что было. Ты продолжаешь пить. От тебя и сейчас пахнет водкой. Я в своей жизни посмотрелся на алкоголиков и знаю, что это такое. Если ты подвержен этому пороку, ты лишен объективности. Поэтому ты должен понять, что Тимофееву жаль тебя.

С.: Он писатель, книги пишет.

В.: Значит, он тебя лучше видит, чем другие.

С.: Он дал мне свою рукопись на рецензию, я прочитал и сказал, что книга дерьмо.

В.: Ты и обозлен на него. Ты должен перестроить свою жизнь. Надо взять себя в руки и категорически прекратить пить. Работу тебе дадут, но ты должен подготовить себя к этой работе, какая бы она ни была. Если Ты этого не сделаешь, то тебя может постигнуть прежняя участь. У нас государство, а не лавочка, и нельзя терпеть, когда вокруг тебя околачивается всякая сволочь. Об этом к нам кроме письма Тимофеева поступают и другие сообщения.

С.: Прошу зачитать.

(Ворошилов читает донесение заместителя начальника Главного военно-медицинского управления по политической части (вдумайся в название Управления, читатель: **военно-медицинское по политической части!** – *Авт.*) генерала Лайока. Сталин возмущается).

В.: Напрасно ты возмущаешься. Люди не могут молчать, когда ты ведешь себя безобразно. Они отвечают за порядок в санатории, а значит, и за твоё поведение и, если хочешь, за твою жизнь.

С.: Да, я выпивал, но до утра не пропадал, ездил в Минеральные Воды и вернулся в этот же день около полуночи. Я Вас понимаю, Климент Ефремович. Знаю Ваше доброе ко мне отношение. После смерти отца считаю Вас вторым своим отцом.

В.: Но ты своего отца не слушался. Сколько раз он нам жаловался, когда ты еще учился в школе!

С.: Людям, которые пишут эти бумажки, делать, видимо, нечего. Пусть правду пишут, а здесь сплошная ложь.

В.: А что здесь неправда? В тюрьму ты был посажен не так просто, а по делам. Теперь выпущен – надо ценить это. Вести себя, как следует. Если наберешься сил, энергии, то можешь исправиться. Ты не согласен, вижу?

С.: Нет, почему же? Но такие слова, конечно, не радуют.

В.: Дочь Надя, находившаяся с тобой в санатории, – от какой жены?

С.: От Галины – первой жены.

В.: Как же тебе не стыдно в присутствии 16-летней дочери устраивать пьянки? Ты можешь махать руками и возмущаться, но, прочитав эти письма, мы все, члены Президиума, им поверили.

С.: Это и плохо.

В.: Ты должен об этом хорошо подумать. Имей в виду, в компании с тобой могут быть и провокаторы, и люди, подсланные нашими врагами. Сестра твоя ведет себя правильно, хорошо, к ней никто не придерется. Она считает тебя неплохим человеком. Она прямо говорит – во всем виновата проклятая водка. Повторяю, ты неправильно себя ведешь, за тебя душа болит. Наберись сил и возьми себя в руки. Ты должен твердо заверить, что больше такие безобразия не повторятся. Ты даешь мне слово?

С.: Что говорить. Надо делать. Я докажу делом.

В.: Работа будет в зависимости от того, как поведешь себя вести дальше. Если по-прежнему, то это не может быть терпимым. Если ты не заверишь нас, что будешь вести себя хорошо, то работы не дадим.

С.: Хочу просить Вас помочь мне встретиться с Никитой Сергеевичем.

В.: Я обещаю помочь, но Никита Сергеевич сейчас в отъезде.

С.: Куда он уехал?

В.: На юг.

С.: Я мог бы поехать к нему?

В.: Не следует этого делать. Он недели через три вернется.

С.: Сегодня я был у Малиновского (министр обороны. – *Авт.*), просил у него работу, но он сказал, что без Никиты Сергеевича решить этого вопроса не может. Вы разрешите мне, Климент Ефремович, к Вам изредка приезжать?

В.: Не возражаю, если будешь приезжать трезвый.

С.: Если приеду трезвый – пустите, пьяный – выгоните. Я сейчас одинок, не с кем посоветоваться.

В.: Какую ты хочешь работу?

С.: Любую. Тяжело сидеть без дела. Выпрашивать неудобно – какую дадут.

В.: Если министр обороны не может, придется подождать. Еще раз говорю тебе – немедленно брось водку.

С.: Не такой уж я отпетый пьяница, больше создали славу. Пойду работать, и все встанет на свое место, исправлюсь.

В.: И надо, у тебя есть сила воли, исправляйся. А из твоих слов выходит: пока не работаешь, можно выпивать. Возьми себя в руки.

С.: Будет сделано, Климент Ефремович.

В.: Как живет сестра? Ты с ней встречаешься?

С.: Не знаю, я у нее не бываю.

В.: Почему? Она любит тебя.

С. (с раздражением): Дочь, которая отказалась от отца, мне не сестра. Я никогда не отказывался и не откажусь от отца. Ничего общего у меня с ней не будет.

В.: Это неправильно. Она не отказывается от всего хорошего, что сделал отец. Но в последние годы у твоего отца были большие странности, его окружали сволочи вроде

Берия. Было же так, когда он спрашивал меня, как мои дела с англичанами. Называл же он меня английским шпионом. Тысячи других невинных людей были расстреляны.

С.: Какая низость!

В.: Это все мерзости Берия, ему поддакивали Маленков и Каганович. Я лишь потому уцелел, что он знал меня по фронту со времени гражданской войны. Мы жили в Царицыне рядом – он с твоей матерью, тогда невестой, я с Екатериной Давидовной и Петей. Он знал меня по делам. Когда на меня наговаривали мерзость, он гнал ее от себя, зная, что я не способен на это. Но меня могли и убить, как убили многих. Эта сволочь, окружавшая Сталина, определяла многое.

Никто не отказывается от хорошего, что сделал твой отец. Но было много и нехорошего. У меня при И. В. Сталине не раз дело доходило с Берия и Молотовым чуть ли не до драки. И ты не прав, когда говоришь, что Светлана отказывается от отца. Он любил ее. Но ты не можешь сказать, что отец был во всем прав. Не будем об этом говорить. Светлана очень хороший человек.

С.: Дай ей Бог здоровья, желаю ей добра.

В.: Мы строим коммунистическое общество, авторитет которого и внутри страны, и за рубежом исключительно велик. И каждый советский человек должен беречь этот авторитет. Ты не просто гражданин, ты сын великого человека вчерашнего дня, да, повторяю, вчерашнего дня. Ты должен быть человеком, который активно работает, идет в ногу со всей страной в нашем обществе. А кто вертит хвостом, тот не гражданин.

С.: А какое ко мне имеет отношение «вертеть хвостом»?

В.: Ты не вертишь, но почему к тебе лезут подозрительные люди, где гарантия, что они не подсланы врагами, зачем они тебе?

С.: Ко мне, действительно, много народа ходит. Вы правы, по лбу не узнаешь, кто хороший, а кто плохой.

В.: В том-то и дело. Почему эти люди тебе сочувствуют, тебе поддакивают?

С.: Приходит много народа, во всех не разберешься.

В.: Среди них есть сволочь и болтуны, и, возможно, связанные с заграничными учреждениями. Твое имя враги могут использовать за рубежом в ущерб интересам нашей страны.

С.: Я все это понимаю. Но я тут не виноват.

В.: Гони прочь всех шептунов и включайся в общее дело советского народа.

С.: Я хочу помогать, работать вместе со всеми.

В.: Я доложу о нашем разговоре ЦК и Никите Сергеевичу.

С.: А этот Тимофеев, письмо которого Вы мне прочитали, ругал Никиту Сергеевича и Аджубея. Я его за это изматерил и на проекте его книги, которую он дал мне на отзыв, я написал, что это такое дерьмо, которое выпускать нельзя.

В.: Ты с ним разговаривал?

С.: Раз пять разговаривал. Он пишет книгу очерков о штурмовиках. Во время одного из разговоров он ругал Аджубея за то, что тот, будучи редактором «Комсомольской правды», «Известий», не напечатал два его очерка. Он говорит: не имей сто друзей, а имей Аджубей. (Тогда ходила поговорка: не имей сто друзей, а женись, как Аджубей. – *Авт.*) Тимофеев, видимо, считает, что я к Никите Сергеевичу должен плохо относиться, а я, кроме благодарности, к нему ничего не имею. Я был у Никиты Сергеевича, он хорошо меня принял, много сделал для меня, я благодарен ему. И когда кое-кто о нем говорит глупости, я им даю резкий отпор.

В.: То, что ты говоришь сейчас, подтверждает мои слова. Прекрати встречи с подобными людьми. Ты сболтнешь что-нибудь в пьяном виде, они перевернут, добавят, преувеличат, и для тебя это может кончиться большими неприятностями.

С.: Полностью согласен с Вашими словами, Климент Ефремович. Я убежден, что Вы меня любите и желаете только добра.

В.: Люблю и хочу, чтобы ты жил другой, хорошей жизнью. Помиришься с сестрой.

С.: Я постарше ее и первым к ней не пойду. Придет – приму хорошо.

В.: Ты давно с ней встречался?

С.: За семь лет она ко мне ни разу не приехала. Я это ей не прощу.

В.: Светлана много раз говорила тебе, чтобы не пил.

С.: Никогда она мне этого не говорила. Она странная. У нее тяжелый характер, но я ее всегда поддерживал. Случись с ней, что случилось со мной, я бы все пороги обил. Не могла приехать, когда я сидел во Владимире (лжет! Ведь Капитолине писал, что сестра приезжала. – *Авт.*), хотя бы на 15 минут. Дети приезжали.

В.: Вижу, многого ты не понимаешь. Попал ты в свое время в канаву и, если не возьмешь себя в руки, опять соскользнешь с правильной дороги, на которую тебя вывели. Не пей с сегодняшнего дня. Дай слово.

С.: Я врать не умею. Возьмите надо мной шефство, а я Вас не подведу.

В.: Вернется Никита Сергеевич, поговорим с ним, попрошу его принять тебя.

С.: Пока нет Никиты Сергеевича, может быть, мне уехать куда-нибудь отдохнуть? Он дал мне путевки на четыре месяца, а я использовал только один месяц.

В.: Я не уполномочен руководить тобой.

С.: Я Вам бесконечно благодарен, дорогой Климент Ефремович, за эту беседу. Мое единственное желание – как можно скорее получить работу».

Поработать Василию не пришлось. Будучи пьяным, он стал причиной автомобильной аварии, в которой пострадал работник иностранного посольства. К тому же виновник еще и нещадно обругал пострадавшего. Иностранец – это было уже слишком! Терпение властей лопнуло.

Василия вновь заключили под стражу. Правда, досиживал срок уже в Москве, в Лефортове, где условия содержания были получше владимирских. Ему даже удалось – какая удача! – подписаться в тюрьме на дефицитную тогда, как это было во все годы советской власти, художественную литературу. Подписку он подарил дочери к празднику. Книги эти, возможно, до сих пор стоят у нее дома.

Окончательно освободили сына бывшего вождя лишь в 1961 году.

Еще раньше, во время кратковременного «отпуска» между тюрьмами, ему предложили поменять фамилию. Василий отказался. Его вызвал Александр Шелепин, тогдашний шеф КГБ, и провел с ним жесткий разговор. Василий стоял на своем: я Сталин, Сталиным и умру. Лучше жить без паспорта вообще, чем под чужой фамилией. Пришлось пойти на компромисс – упряму оформили паспорт на фамилию Джугашвили.

Во многих публикациях о Василии есть общее место: он вышел из тюрьмы инвалидом. Это противоречит свидетельству дочери, которая помнит: отца тогда осмотрел профессор Бакулев, который вел его с детства. Вывод знаменитого клинициста был таков – сердце, печень и другие внутренние органы в порядке. Единственное, что может вызывать серьезные опасения – болезнь ноги от многолетнего курения.

– У него бычье сердце! – еще раз подчеркнул Бакулев... и заплакал.

Так рассказывает Надя Сталина. Это важно принять к сведению, чтобы правильно оценить то, что случилось позднее.

Власти хотели еще хоть на какое-то время «отдохнуть» от Василия Джугашвили. И на пять лет выслали его из Москвы.

Место проживания ссыльный мог выбрать сам. Он захотел в Казань. Город был закрыт для иностранцев, что устраивало КГБ. Там жили бывшие сослуживцы Василия, что устраивало экс-генерала. В Казани он узнал о выносе 31 октября 1961 года тела его отца из Мавзолея. Там же внезапно скончался 19 марта 1962 года.

Никто из близких не поверил в естественность этой смерти. Уж слишком неожиданной она казалась. Да и медицинского заключения сделано не было. До сих пор члены семьи убеждены, что ему «помогла» уйти из жизни его четвертая жена, по слухам, агент КГБ, медсестра Маша, Мария Игнатовна Нузберг, в девичестве Шеваргина, работала в Институте хирургии имени А.В.Вишневского.

Они познакомились, когда Василий угодил из тюрьмы в госпиталь с обострением язвы. Маша последовала (была направлена?) за ним в Казань. Там сумела зарегистрировать с бывшим пациентом брак, что по всем законам было невозможно: Василий до конца дней не развелся с первой женой. По этой причине и Екатерина Тимошенко, и Капитолина Васильева официально зарегистрированы с ним не были, штампа в паспорте не имели.

Четвертая супруга с чьей-то могущественной помощью этот штамп получила. Более того, Марии Нузберг удалось даже дать фамилию Джугашвили двум своим дочерям от прежнего брака. Василий их удочерил!

Из Москвы Василий уезжал в относительно добром здравии. За шесть месяцев медсестра Маша довела его до состояния полутрупа, это удостоверяет и сохранившаяся фотография Васи последних дней. Маша щедро колола ему (Светлана Аллилуева пишет в воспоминаниях, будто та сама в этом призналась) успокоительное – «*чтобы не буйствовал*».

Капитолина Георгиевна рассказывала мне о своей поездке на похороны в Казань. Какой-то человек, скорее всего работник КГБ, позвонил из Казани с известием о смерти. И предупредил, что ждать, в случае задержки, никого не станут, закопают Василия и без московской родни. Александру Бурдонскому о смерти отца сообщил знакомый, сославшись на сообщение «Голоса Америки». Капа подхватила Сашу и Надю и – бегом на поезд.

...Василий лежал дома, чудовищно исхудавший. Чужое лицо его не давало ответа на вопрос: своей ли смертью умер этот беспутный, несчастный человек, или ему «помогли»? Подозрение, что не обошлось без посторонней «помощи», сразу возникло и у нее, и у детей. Лицо покойного покрывали пятна, на запястьях виднелись синяки, которые заметил даже подавленный ужасом двадцатилетний Саша. В таком виде Василий вернулся домой после загадочного исчезновения на двое суток, за четыре дня до смерти.. Кто его увозил, куда – этого он не помнил, не знал.

Капитолина спросила у крутившихся в квартире людей, было ли вскрытие и, получив утвердительный ответ, решила.

Велела Саше стать снаружи у двери комнаты и никого не пускать. Сама же подошла к одиноко стоящему гробу. Она тряслась от страха, но сделала то, что хотела: провела руками в местах, где обычно режут при вскрытии. Кагебешники лгали: никаких рубцов на теле не было, вскрытие не проводилось. Это подтверждало мысль об убийстве. Если беспокойного сына умершего вождя «убрали», то и вскрывать не было необходимости...

Тут, отшвырнув Сашу, в комнату ворвались мужчины, которые занимались похоронами. До самого погребения Капа чувствовала на себе их тяжелые взгляды.

Светлана Аллилуева, приезжавшая в 1984 году в СССР, хлопотала в самых высоких инстанциях о перезахоронении брата на Новодевичье кладбище, где образовалось их посмертное семейное гнездо. Там, рядом с Надеждой Аллилуевой, покоится даже няня Светланы. Отказ был категорическим.

В семье это восприняли, как еще одно доказательство версии об убийстве. Василий, об этом упорно говорили в Москве, был нежелательным свидетелем. Он не владел государственными или иными секретами, но слишком многое знал о жизни и нравах партийной верхушки. Партия возвестила о своем обновлении, но в ЦК сидели все те же старые грешники.

Василий упокоился вдали от детей, от родных, от могилы матери, на Архском кладбище города Казани. На мраморной плите выбито: «*Единственному от М. Джугашвили*». Медсестра

Маша, изловчившаяся выйти замуж за неразведенного и получить его фамилию, захотела сделать именно такую надпись.

Эпитафия ли это убитой горем вдовы? Или своеобразный «отчет» в КГБ о выполненном задании? Родные Василия до сих пор не знают ответа на этот вопрос...

В ноябре 2002 года его разрешили перезахоронить в Москве на Троекуровском кладбище, рядом похоронена Мария Нузберг.

30 сентября 1999-го года, через тридцать с лишним лет после смерти Василия Сталина, Военная коллегия Верховного суда РФ пересмотрела его уголовное дело. В 1955 году он был осужден за антисоветскую пропаганду и агитацию (за критику Хрущева и компартии, развенчавших культ личности), а также за злоупотребления, превышение служебных полномочий. В 1978-м году родственники Василия обращались с просьбой о его реабилитации, но получили категорический отказ. Наконец, в 1999-м году дело было пересмотрено по инициативе Московского городского комитета ветеранов Вооруженных сил. На этот раз Военная коллегия нашла возможным снять с сына Сталина абсурдное обвинение в антисоветской пропаганде, а также в злоупотреблении властью «при особо тяжких обстоятельствах». Видимо, здесь имеется в виду то, что в приговоре названо «клеветническими измышлениями в отношении высшего руководства страны по поводу организации похорон его отца». Что же осталось? Превышение служебных полномочий, халатность... Да кто из начальства у нас этим не грешит? Группа сослуживцев, хлопотавшая о пересмотре дела, считает Василия Сталина реабилитированным полностью.

Александр Бурдонский

Жизнь отца – всегда набросок жизни его ребенка, эскиз, намек. Первые шаги дитя делает в колее, проложенной главным человеком в семье. Коллея, проложенная Василием Сталиным, обозначена жестко.

Кроме Саше и Нади от первого брака с Галиной Бурдонской, у Василия было еще двое детей: Светлана и Василий – от второго брака с Екатериной Тимошенко. Екатерина, дочь известного маршала, дружила со Светланой Аллилуевой, и назвала свою дочь, появившуюся на свет в 1944 году, в ее честь. В свою очередь и Светлана дала собственной дочери, родившейся в 1950 году от Юрия Жданова, имя Екатерина.

Обоих детей Екатерины Тимошенко ждала злая участь. Василий женился на ней уже будучи законченным алкоголиком, и это обрекло его детей от второго брака на раннюю смерть. Василий-младший стал наркоманом. Погуляв и покуролесив в стиле отца, он умер в двадцать лет с небольшим от передозировки героина. Светлана родилась ослабленной, всю жизнь страдала болезнью щитовидной железы и утасла в сорок лет, лишь на один год пережив свою мать. Все трое похоронены на Новодевичьем кладбище.

Жизнь детей Екатерины Тимошенко укоротила дурная наследственность и в прямом, и в переносном смысле. Учительница Светланы и Васи вспоминает, что оба эти ребенка были крайне болезненными, часто пропускали уроки. Тогда приходилось звонить им домой. Но там чаще всего никто не подходил к телефону. Светлана объясняла:

– Мать не снимает трубку, так как очень много звонков с угрозами от людей, вышедших из лагерей и тюрем.

Это было уже после сенсационных разоблачений Хрущева на XX съезде. Дочери Василия Сталина тоже пришлось расплачиваться за грехи деда. Как-то класс пошел на экскурсию в музей Революции, а гид, как нарочно, весь свой рассказ построил на материалах о репрессиях. Учительница с тревогой наблюдала за маленькой Светой, казалось, девочка вот-вот упадет в обморок.

Те же демоны витали и над детьми Василия от Галины Бурдонской. Но им повезло все же больше – Василий стал их отцом, еще будучи здоровым человеком. Впрочем, и Саше, и Наде также досталось яда.

Как-то Надя уже после ареста отца пришла в школу, она тогда училась в пятом классе. В гардеробе ее встретила – подкарауливала, что ли? – директриса. Сорвав с вешалки пальто ученицы, швырнула его в лицо девочке:

– Иди к своему отцу и деду!

Надя выкрикнула:

– Мне идти некуда! Отец в тюрьме, а дед в могиле.

Эту школу ей пришлось бросить.

Когда разразились семейные трагедии, Наде исполнилось одиннадцать лет. Но характер у девочки оказался твердый не по годам. Она не захотела изменить свою фамилию, осталась Сталиной. Эта верности и независимость дорого ей обошлись.

Услышав **такую** фамилию, люди начинали на нее выразительно смотреть. Фамилия, еще недавно приводившая в трепет, открывавшая все двери и сердца, стала клеймом, знаком чумы. Чаще всего люди просто смотрели на нее. Так смотрели, что Надя в конце концов – нет, не фамилию сменила, свела общение с миром до минимума.

В 1966 году она вышла замуж за актера Александра Фадеева, сына известной актрисы МХАТа Ангилины Степановой и писателя Александра Фадеева (автора самого популярного романа послевоенных лет «Молодая гвардия»). Знаменитого тестя, страдавшего алкоголизмом, к этому времени уже десять лет как не было в живых, он покончил с собой в 1956-м.

Заболевание отца передалось сыну, блестящему красавцу, талантливому драматическому артисту. Он работал в одном театре с матерью. До встречи с Надей Сталиной женами Фадеева-младшего были яркие звезды кино 60-х годов Людмила Гурченко и Лариса Лужина...

Когда Александр познакомился с Надеждой, девушка училась на филологическом факультете МГУ. Саша ни с кем не захотел делить свою новую любовь – его жена не должна была ни учиться, ни работать. После острых приключений в бушующем море жизни Александр искал тихой пристани. И он ее нашел. Двадцатитрехлетняя Надя покорила воле мужа, оставила учебу. Вся ее жизнь в дальнейшем была посвящена семье.

Они прожили вместе двадцать семь лет. Александр умер, когда ему едва перевалило за пятьдесят: алкоголь разрушил и талант его, и красоту... Надежда Васильевна не смогла примириться с утратой; мир, плещущий за стенами дома, ее мало интересовал.

Саша Бурдонский стал театральным режиссером, одним из лучших в Москве. Он не входит в число «звезд», не является завсегдатаем театральных тусовок, где куется земная слава. Его известность – известность мастерового, который старательно и любовно делает свое дело вдали от суетной толпы, чуждый лихорадочного желания ей угодить.

А потом выясняется, что именно он-то этой толпе и интересен. Спектакли Бурдонского «Дама с камелиями», «Орфей спускается в ад», «Последний пылко влюбленный» были в свое время популярнейшими в Москве. Его постановки держались на сцене десятки лет.

– Не может быть! – воскликнет какой-нибудь московский театрал. – «Даму с камелиями», «Орфея» поставил Бурдонский? Невероятно...

Да, так получилось, что спектакли знают, а имя режиссера – нет. Бурдонский – режиссер-невидимка, и разгадка этой тайны в его происхождении.

Он начинал карьеру режиссера в самый разгар хрущевской «оттепели», которую приветствовал всем своим юным сердцем максималиста. Но это было неудачное время для внука Сталина и всей его родни. Страна переживала шок от хрущевских разоблачений, общественность пылала праведным гневом. И тут вдруг внук тирана заявляет свои права на существование! Да еще и в одном из самых публичных искусств!

Репрессивное сознание советских людей отозвалось на это по-своему. Существовать в театре Бурдонскому позволили, но режиссер был приговорен к замалчиванию. Пожизненно. Фамилия его, разумеется, в афишах значилась. Но публика запоминает имена, которые ей повторяют по тысяче раз на день. В его памяти хранится только одна встреча, на которой все было по-другому. Общество «Мемориал» пригласило выступить звезд театра Советской армии Людмилу Касаткину и Нину Сазонову, а также Александра Бурдонского. Как он рассказывал журналисту газеты «Совершенно секретно», у него внутри все сжалось. Что он скажет этим людям? Что они скажут? Не пойду! «Но они очень просили, и я решился. Они меня окружили и говорят: мы просили вас прийти, чтобы сказать вам – вы ни в чем не виноваты и должны жить спокойно. Я был потрясен, и это осталось в моем сознании на всю жизнь».

Потому и осталось на всю жизнь, что другого похожего случая, разговора, встречи – не было. Горький юмор ситуации здесь в том, что Александр, честное, горячее дитя «оттепели», ненавидел культ и его преступления. Но это не отменяло «приговора», и внук должен был заплатить по счетам Деда.

Он принял это со смирением обреченного.

Александр Бурдонский всю жизнь работает в театре Российской (прежде – Советской) армии. До перестройки внук Сталина был, естественно (точнее, противоестественно), невыездным, то есть просто не имел права выезжать за рубеж. А открылись границы – и со своим театром он объездил много стран, повидал мир.

Побывал в Израиле, где в паре со звездой театра Российской армии Людмилой Касаткиной играл в спектакле по пьесе американца Тома Кемпински «Дуэт для солиста». И, говорят, очень здорово играл. Некоторые считают – в режиссере Бурдонском погиб классный актер.

Но актерская профессия еще более публичная, чем режиссерская. Бурдонскому же было предназначено оставаться в тени. И на сцену он выходил только за границей.

Наш театр, как и вся страна, переживал тяжелые времена. В театре Российской армии упадок был особенно заметен. С размахом задуманное здание в форме гигантской пятиконечной звезды (сталинский ампир) даже осветить было невозможно. То была в буквальном смысле угасающая звезда.

Бурдонского звали на постановки в театры разных стран. Но он не поехал, не захотел. Потому что Россия, как он говорит, – единственная страна, где театр является «органом жизни». Не местом для ярких шоу, а именно «органом жизни».

Во время своего недолгого возвращения на Родину в 1984 году Светлана Аллилуева была поражена тем, какой головокружительный взлет сделал за семнадцать лет разлуки этот когда-то *«тихий, боязливый мальчик, живший в последнее время с сильно пьющей матерью и начинавшей пить сестрой»*. Светлане казалось тогда, что Александр не проявлял никаких талантов. И вдруг она обнаружила, что он превратился в интересную, яркую личность, нашел себя, несмотря на все превратности судьбы.

«Мы пошли смотреть его спектакль – очень изящную, романтическую «Даму с камелиями», и я все не могла поверить... это ли Саша? Это ли наш Саша, выходящий из-за кулис и быстро раскланивающийся перед публикой после спектакля, всегда имевшего успех?.. (обращаю внимание читателя на это точное слово – «быстро». Бурдонский всегда раскланивается торопливо, будто спешит уйти со сцены, ему комфортно только за кулисами. – Авт.) Так хорошо говорит, много читает – нет, не может быть! Он похож на Василия, когда тот был совсем молодым и еще непьющим; нервное, впечатлительное «аллилуевское» лицо с мягкими карими глазами, как у них у всех... Спокойный, тихий, внимательный – ничего от его «самолюбивого, агрессивного отца».

Это мать уберегла его. Мать, которую они с сестрой Надей не видели восемь лет. Галина Бурдонская жила через три улицы от их дома, но не имела права ни позвонить, ни даже появиться в пределах видимости. И все же ее любовь, ее колдовство, ее неусыпные мысли о детях спасли Надю и Сашу.

Я пересмотрела много фотографий Василия Сталина, и при встрече с Александром Васильевичем Бурдонским была поражена тем, как они с отцом похожи – и не похожи. В лице сына нет агрессивности, и нет жалкости, надлома, так заметных на снимках отца – особенно последних. Нервное, выразительное лицо интеллигента из достойной семьи.

Эта ненадломленность – бесценный дар матери. Как ей это удалось? Сашу разлучили с ней четырехлетним. И потом долгих восемь лет его заставляли называть мамой других женщин. С родной же матерью он встретился двенадцатилетним подростком, по-своему сложившимся человеком. И оказалось – разлука ничего между ними не смогла разрушить...

– Первая картинка моего детства, – вспоминал Бурдонский, – залитая солнцем большая комната, накрытый стол, очень много цветов и женщина с длинными белыми волосами. На ней малиновое платье с белыми листьями и золотые туфельки. Потом рядом с отцом появлялись другие женщины, но эту женщину в малиновом платье я помнил всегда и знал: она – моя мама. Уже когда мы встретились, я спросил:

– Что это было: вот так дверь, вот так стоял рояль?..

Она:

– Это был мой последний день рождения при Васе, на даче во Внуково.

Ей исполнилось тогда двадцать четыре года. Я даже помню мелодию немецкой пластинки, которую крутили тогда. Мы с ней стали разбирать фотографии – есть это платье!

Мама была жизнерадостным человеком. Она любила красный цвет. Свадебное платье, неизвестно почему, сшила себе красное. Оказалось, это дурная примета...

Многое я помню из детства, но – обрывки. Странно как память отбирает... Совершенно не помню, как выпал из окна в Германии, где отец служил несколько лет после войны. Я упал вместе с рамой, не погиб только потому, что зацепился за деревце. Шрам вот остался... Весь поцарапался, губу разбил. Тогда с нами была уже Екатерина Тимошенко. Она в это время кормила свою маленькую дочку. Перепугалась жутко.

Приехал отец, вошел в спальню, не раздеваясь, в шинели и фуражке. Остервенелым движением вытащил меня за рубашку из постели и набил физиономию. Это я тоже помню. Такое вот первое воспоминание о папе и первое – о маме.

Я, точно, родом из детства. Мы можем многое не помнить, но все, все закладывалось тогда... Что удивительно... Детство-то было жуткое, те восемь лет без мамы. Екатерина с нами страшно обращалась. Сестру била жесточайшим образом, у нее почки до сих пор отбиты. Отрывала ей губу; губа у Нади, как лоскут, висела.

На роскошной даче мы умирали с голода. Вылезли как-то ночью, это еще до Германии было, маленькие дети, прокрались туда, где овощи лежат, набрали себе в штаны и зубами чистили свеклу, немытую грызли в темноте. Просто сцена из фильма ужасов. Это в царском доме! Няньку Екатерина поймала на том, что та нас подкармливала, и тут же выгнала. Прислуге запрещалось кормить нас сверх того, что позволяла мачеха.

– Откуда такое зверство в молодой, благополучной (дочь маршала!), красивой женщине?

– Видимо, тоже из детства. Екатерина, та материнской ласки не знала вовсе. Мать ее была турчанка, из богатого рода. В революцию вышла за неизвестного тогда Тимошенко, бросила на него Екатерину и смылась с кем-то. Много лет спустя, Тимошенко уже был маршалом, позвонила, чтобы чем-то помог. Тот, видно, очень ее любил, затрепетал, заволновался и сразу начал о дочери:

– Знаешь, наша Катя...

– Кто это?

– Наша дочь.

– Это меня не интересует...

И может быть, эта травма у бедной Кати не заживала. А может, с генами что-то передалось...

Екатерина была очень эффектная черноглазая брюнетка, выкрашенная в белый цвет. Ходила в сапогах. Тогда еще моды на сапоги не было, она заказывала их в мастерской. На равных пила с мужиками, могла запросто опрокинуть стакан водки. Отец дружил с Левой Булганиным (сыном Николая Булганина, министра Вооруженных сил СССР. – *Авт.*). Это была одна компания, они часто собирались.

Жизнь Екатерины с отцом – сплошные скандалы. Я думаю, он ее не любил. Когда надирался, сразу в нее чем-нибудь запускал, и начинался мордобой. Екатерина была сильного характера женщина, но отца боялась. Скорее всего, чувств особых не было с обеих сторон. Очень расчетливая, она, как и все в своей жизни, просто просчитала этот брак.

– Но просчитала плохо...

– Как сказать... У женщин своя «карьерка». Надо знать, чего она добивалась. Если благополучия, то цель, можно сказать, была достигнута. Екатерина вывезла из Германии огромное количество барахла. Все это хранилось в сарае на нашей даче, где мы с Надей голодали. Когда отец Екатерину выставил в 1949 году, ей потребовалось несколько машин, чтобы вывезти добро. Мы с Надькой услышали шум во дворе и кинулись к окну. Видим – «студебеккеры» цепочкой выезжают...

У Екатерины был большой талант спекулянтки. Даже в Германии она умудрилась выращивать свиней на продажу. А в Москве, на даче тем более, без конца шаршила, все время что-то растила-продавала. Денег наличных отец мало получал. Чтобы «соответствовать», выгля-

деть прилично, как членам семьи Сталина, приходилось вертеться. В доме без конца что-то перешивали. Кстати, когда Екатерина исчезла и появилась Капитолина, бескорыстная душа, она стала разбирать наши с Надей шмоточки и была просто поражена: со всех наших вещей Екатерина срезала пуговицы. Красивые, наверное, были...

– **Такое творилось в семье Генералиссимуса?!**

– Надо понимать, что представляла собой тогда так называемая элита. Власть захватили вчерашние рабочие, крестьяне без всякой культуры, не вытравившие из себя куркульской закваски. У Екатерины был брат Костя, он женился на дочери маршала Чуйкова. Так Екатерина рассказывала, в той семейке могли друг у друга капусторезку украсть. Устройство такое для шинковки капусты. И «пострадавшие» на правительственной машине «Чайка» приезжали к родственникам краденое вырывать.

– У, ворюги, отдайте капусторезку!

Такие вот семейные сцены.

– **Вы, судя по всему, не держите зла на Екатерину?**

– Не умею я этого... Она, кстати, как-то позже сказала: «Я была вам хорошей мачехой, ты ведь не можешь сказать, что это не так?»

Оправдывала себя тем, наверное, что жизнь-то с отцом была жуткая. Прощаясь, оставила нам с сестрой по плитке шоколада. Для такой женщины это был шикарный жест.

Ее так жестоко наказала жизнь! Екатерина была еще жива, когда при странных обстоятельствах умер ее сын, наркоман...

– **Чем она занималась, расставшись с отцом?**

– Ничем. Разве что вещички распродавала. Жила, запершись в роскошной квартире в центре Москвы, шума, компаний не терпела. Ее любимое занятие было сидеть с кем-нибудь на кухне за разговорами всю ночь. Я как-то пришел к ней днем, в три часа, а ушел в двенадцать следующего дня. Это был странный одинокий человек.

Он не шел ощущение жесткости и холода. Это ощущение всего моего детства. Уже когда появилась Капитолина, совсем другой, разумный, нормальный человек, все равно не было чувства, что дом – теплый.

В Москве, на Гоголевском бульваре, наш особняк казался мне слишком большим, там потолки чуть ли не в пять метров высотой. Хотя на двух его этажах было всего пять комнат, да в подвале бильярдная и кинозал. На первом этаже столовая, кабинет отца небольшой и спальня. Наверху две спальни. Одна из них, побольше, для Нади и Лины, дочери Капитолины. Другая, узкая, как пенал, и неудобная – моя.

Вот одноклассник у меня был, Володька Шкляр – у него дома мне страшно нравилось. Во-первых, маленькая комната! И какие-то занавески, цветы, птичка живая щебечет. Это назвали бы мещанством. Но уютно! На столе вазочки из синего стекла, варенье, липучие конфеты – недоступные мне радости. У моего друга были зеленые-зеленые глаза и зеленая сопля из носа. Я его обожал. Но пригласить на день рождения Володьку! Даже когда уже Екатерина исчезла и появилась Капитолина и стала устраивать праздники, его пригласить мне не позволили.

– Вот сына профессора – пожалуйста.

Из тех восьми лет без мамы самое интересное воспоминание – я видел, как по Гоголевскому бульвару ходил какой-то старик с рыжей лисой, с живой лисой. Потом прочитал у Юрия Олеши – это прогуливался писатель Миклашевский. Помню, прочитал и так и подпрыгнул: я видел эту рыжую лису!

Но те восемь жутких лет не перевесили первых четырех с половиной. Я был рожден от молодых, здоровых людей, которые любили друг друга. Родителям было по девятнадцать лет, когда они поженились.

Родился я в 1941 году в Куйбышеве, куда эвакуировались во время войны многие кремлевские семьи. Отец служил на фронте, новость ему сообщил Степа Микоян, тоже летчик (сын крупного государственного и партийного деятеля Анастаса Микояна. – *Авт.*). Они со Степой были друзья и оба тогда прилетели. Первая фраза отца:

– Губы мамкины.

Мать с отцом чем-то были похожи, оба конопатые, их даже за брата с сестрой принимали. Я был «мамин» сын. Надя – «папина» дочь. Ей исполнился год, когда отец дал ей глотнуть водки. Надька не заплакала, а только причмокнула. Отец воспарил:

– Сразу видно, отцовский ребенок!

Отец прилетал все время, и мама летала к нему. Но они должны были расстаться. Мама не умела приобретать друзей в том кругу. Власик, вечный интриган, сказал ей:

– Галочка, ты должна мне рассказывать, о чем говорят Васины друзья.

Мать его – матом! Он прошипел:

– Ты за это заплатишь.

Вполне возможно, развод с отцом и был платой. Власик мог начать интригу – чтобы Василий Сталин взял жену из своего круга. И подsunул Катю Тимошенко, маршальскую дочь.

Мама не умела играть роль невестки Сталина, дамы из высшего круга. В этом кругу человек сталкивается с невозможностью остаться тем, кто ты есть... А она не умела казаться – она была, была очень живым, естественным человеком.

Характер взбалмошный жутко! Но как жизнь ее ни ломала, всегда жила сердцем, это в ней не убили. Смелая была. С детства дружила с мальчишками, увлекалась легкой атлетикой, коньками. Они с отцом и познакомились на катке; он в молодости занимался спортом. Ее круг был – Зоя Холщевникова, второе место в мире по конькам; Маша Исакова, знаменитая чемпионка-конькобежка.

– **А с кем из артистов, литераторов общались родители?**

– Часто бывали у них Валя Серова, с которой мать дружила, и Константин Симонов, Целиковская с Войтеховым, Козловский с Сергеевой, Марк Бернес, Николай Крючков (популярнейшие артисты и писатели того времени. – *Авт.*). Плисецкая не пишет в своей книге, как опаздывая на репетицию, звонила от отца:

– Я не приеду... Звоню с дачи Сталина...

А так бывало. Отца окружали не только собутыльники и шантрапа, были, особенно поначалу, и серьезные люди вокруг. Но спасти его, конечно, не смог бы никто.

– **Мама любила отца?**

– Думаю, да, до конца своих дней. Жизнь у нее, как страшна ни была – незаурядная, яркая. Жутко, но мама не раз повторяла: годы войны – это были лучшие годы. Годы с отцом! Хотя он бывал невыносим. Уже когда мама ушла от него, стрелял по нашим окнам. Пуля попала бабушке в бриллиант серьги и, отскочив, разбила статуэтку. Просто так, примчался и пострелял. Или караулил, или «под этим делом», пьяный был.

Родители не были разведены, так до смерти не развелись. Мать, расставшись с отцом, потеряв нас, ко всему этому ужасу еще и не могла устроиться на работу. Как увидят штамп: «*Зарегистрирован брак со Сталиным Василием Иосифовичем*», так у людей руки дрожат, глаза бегают. Эта печать в паспорте стала проклятием. Ведь слухи о том, что сын Сталина расстался с первой женой, и расстался не по-доброму, от детей ее отлучил, имели довольно широкое хождение. Люди боялись проявить доброту к отверженной.

Выручила одна тетка из ЖЭКа, мама ее описывала: мужская стрижка, гребень в волосах, маленькая, кряжистая такая. Она сказала:

– Давай-ка сюда свой паспорт.

И не успела мама опомниться – бросила его в печку. Новый паспорт выдали ей уже без штампа, и мама сразу же нашла работу.

– Она простила отца?

– Да, она всегда готова была его простить. Родители не раз расставались навсегда, но воссоединялись вновь. Как-то, еще в 43-м году, они с отцом в очередной раз поссорились, у него был бурный роман с женой одного кинорежиссера. Мама забрала нас и ушла. Сталин, Иосиф Виссарионович, немедленно дал ей квартиру в Доме на набережной, точно хотел закрепить этот разрыв.

Через три-четыре месяца отец приполз назад. Сталин примерно в это время у Светланы спрашивает:

– Как там молодая?

Это о маме. Светлана:

– Ой, они с Васей помирились.

На что Сталин зло отозвался:

– Ну, и дура.

Светлана матери это рассказала.

Потом, когда наступил окончательный разрыв и отец не отдавал нас маме, Светлана пыталась на эту тему поговорить со Сталиным, заступалась за нашу мать. Но тот категорически отказался вмешаться:

– Нет. Все вы бабы – дуры. Я в свое время ей помог, теперь – все.

Такой у него был характер, непоследовательности не терпел.

И в то же время Сталин сказал якобы Берии: Светлану и Васькину жену не трогать, за ними не следить. Мама всегда задавала себе вопрос, почему она уцелела? Ведь всю сталинскую родню перемолол МГБ! И только в этом находила ответ: Сталин спас. И всю жизнь была ему благодарна. Она благодарный человек.

Отца тоже злым словом не вспоминала, хотя он обрек ее на восемь страшных лет разлуки с детьми. Мама смогла нас увидеть только после смерти Сталина, я уже учился тогда в суворовском училище, под Калининским.

Моему помещению туда предшествовало такое событие. Я учился во 2-м классе 59-й школы в Староконюшенном переулке, на Арбате. Как-то в раздевалке ко мне подошла пожилая женщина и спросила:

– Ты Саша? Васильев?

А нас записали Васильевыми, чтобы в школе не пялились, по фамилии новой жены отца Капитолины.

– Я твоя бабушка, – продолжила женщина. – Ты помнишь свою маму?

Я кивнул:

– Помню.

– Выйди из школы, я тебя подожду.

Как ни страшно было, я ее послушался. Мы зашли в соседний подъезд. Там стояла мама... Но за мной, видно, кто-то следил, донесли в тот же день. Отец позвал меня в свой кабинет и жутко совершенно избил. Вдобавок наказал ссылкой в училище – подальше от Москвы.

Мама стала хлопотать о нас, как только умер Сталин. Первое письмо написала Берии, но с ним вскоре началась своя история, его арестовали. Тогда она как-то сумела дозвониться до Ворошилова:

– Примите меня, заклинаю вас. Я не знаю, где дети, что с Василием.

А отец уже сидел во Владимирской тюрьме. Маме разрешили забрать меня из училища, и мы вместе поехали за Надей. Она в это время была с Капитолиной в Анапе на Черном море, какие-то путевки им кто-то подкинул, пожалел их.

Маме дали квартиру на Новослободской. Это Ворошилов распорядился, понимая, в каком отчаянном положении она находится. Дом был ведомственный, но вполне обычный,

здесь жила и уборщица в коммуналке, и начальник московской милиции в отдельной квартире, и писатель Эрдман, и футболист Хомич...

Мы существовали относительно спокойно, насколько это было возможно, пока не прошел XX съезд с его разоблачениями. После него началось... У нас ретивая очень директриса в школе была. Пальцем на меня показывала:

– Тебя надо повесить как сталинского выб-дка!

Извините за выражение. Я не выдержал, ушел, так школу и не закончил. Мы ждали, вот вот нас арестуют...

А дома телефон молчал. Люди боялись звонить родственникам развенчанного тирана. Но вокруг мамы все-таки хороший народ всегда собирался. Телефон зазвонил. Мама с юмором была, ответила:

– Але, это квартира Волгиных.

Почему Волгиных? Сталинград тогда переименовали в Волгоград...

– **Она не вышла больше замуж?**

– Еще как вышла! Дважды! Была замужем за таким историком, философом... Он ее любил бесконечно, во всех отношениях положительный человек. С ним она посчитала необходимым расстаться в 1953 году, когда появилась возможность забрать нас. И бабушка ее поддерживала:

– Галя, у детей было столько мам, теперь им отцов надо запоминать? Разводись.

Потом, когда мы подросли, мама поняла, что жизнь уходит, и вышла за прелестного человека, тоже историка. Он внезапно, в секунду умер – где-то оторвался тромб.

А у мамы начались проблемы с ногами. «Сосуды курильщика». Ей ампутировали ногу. После этого она прожила тринадцать с половиной лет. И ни разу, ни разу не посмотрелась в зеркало! Женщина! Врачи, уже после ее смерти, сказали: это чудо, что она столько жила. У нее не было ни мелких сосудов, ни вен, все сторели. Не зная, кто она, доктор сказал: видно, эта женщина пережила страшные трагедии...

– **Как она вообще выдержала эту жизнь...**

– Это мне надо было иметь характер и волю. Кто б такое мог вынести сам!.. Она начинала пить... Светлана, когда приезжала в Союз, сказала:

– Мужикам этого не простила бы, но женщину я могу понять.

Она сама много страдала и чувствовала маму.

– **А как Вы относились к отцу?**

– Боялся. Боялся и не любил. Потом, когда стал старше, я его жалел и сейчас жалею. По сути, он мальчик был, когда его посадили в тюрьму, только-только за тридцать. Избалованный мальчик, которого развращали, кто как мог. Не знаю, можно ли выдержать такое давление и не сломаться. Он маме как-то сказал:

– Галка, ты меня тоже пойми, ведь я жив, пока жив отец!

И ведь так и случилось. Поэтому она его и жалела, и прощала, сколько хватало сил. И о Сталине – когда я начинал что-то против говорить, у меня к нему свое отношение – не давала слова плохого сказать. Всегда восставала категорически.

...Стали возвращаться из лагерей мамыны подруги, из Магадана, из Воркуты... Я слушал их рассказы, тогда-то у меня и сложилось определенное отношение к сталинизму. Мне потом энтузиасты писали: «*Вы плохой, как Вы к дедушке относитесь, а он, я сам наблюдал, с Вами играл*».

Этого не было. Дед меня, скорее всего, и не видел. В этой семье были совершенно изуродованные отношения. Меня спрашивают:

– Вы любите своего дедушку?

Это все равно, что спросить, люблю ли я Джорджа Вашингтона. Я знал, что есть Сталин и что я как-то с ним связан и потому должен сидеть тихо.

– Удалось избавиться от этого комплекса?

– Трудно ответить. У меня очень сложное отношение к этому человеку, который до сих пор вызывает во мне священный ужас.

Кстати, всерьез о феномене Сталина меня заставила думать перестройка. Раньше не хотел в это влезать, точнее, не позволял себе. Но когда опять подняли крик: плохой, плохой! – не выдержал. Не может же человек состоять из одних черных квадратов, так же, как из одних белых! Однако, я даже попыток осмыслить это явление ни в политике, ни в науке, ни в печати пока не встречаю. Так проще: все свалить на одного человека и снять ответственность с себя.

Наверное, все дело в том, что правда, как правило, никому не нужна. Она страшно деморализует, если можно так выразиться, жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.